ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В зале торжественного заседания.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 21 (2290)

Основан 1 апреля 1923 года

22 МАЯ 1971

ДРУЖБЕ СОВЕТСКИХ

ВМЕСТЕ С ТРУДЯЩИМИСЯ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ ВСЕ НАРОДЫ НАШЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ ТОРЖЕСТВЕННО ОТМЕТИЛИ 50-ЛЕТИЕ ГРУЗИНСКОЙ ССР И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГРУЗИИ.

Праздничные торжества в Тбилиси. На центральной трибуне.

На торжественном заседании ЦК Компартии Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР. Республике вручается орден Октябрьской Революции.

НАРОДОВ—СЛАВА!

«Сама природа социалистического общественного строя, последовательное осуществление партией ленинской национальной политики сплотили народы нашей страны, превратили их дружбу в движущую силу развития советского общества, в неиссякаемый источник энергии и творчества всех наций и народностей Советского Союза».

Из речи товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании ЦК Компартии Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР.

Фото А. ГОСТЕВА, специального корреспондента «Огонька».

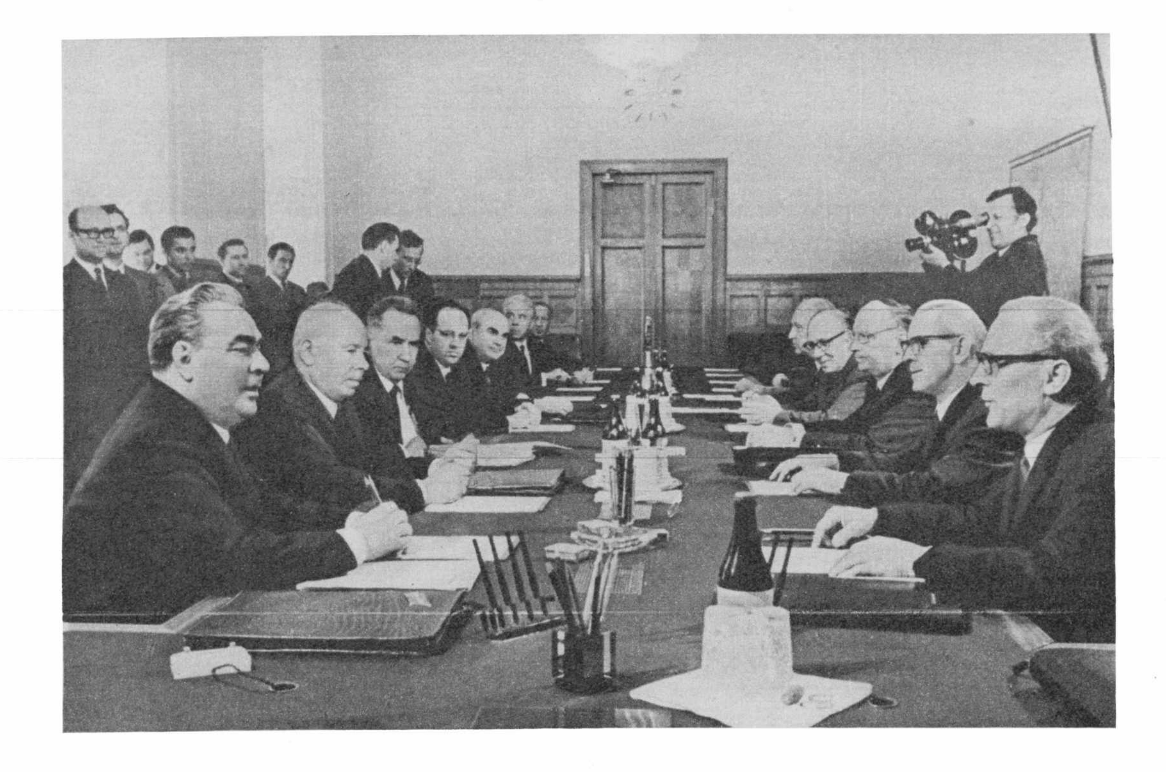
Нескончаемыми шеренгами идут участники демонстрации.

НОВАЯ ТЕХНИКА ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

17 мая 1971 года руководители партии и правительства товарищи Брежнев Л. И., Гришин В. В., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Кулаков Ф. Д., Мазуров К. Т., Пельше А. Я., Подгорный Н. В., Полянский Д. С., Суслов М. А., Шелепин А. Н., Андропов Ю. В., Демичев П. Н., Устинов Д. Ф., Капитонов И. В., Катушев К. Ф., Пономарев Б. Н., заместитель Председателя Совета Министров СССР тов. Смирнов Л. В. осмотрели в аэропорту «Внуково» новые образцы реактивных гражданских самолетов и вертолетов.

Были показаны сверхзвуковой пассажирский самолет «ТУ-144», средний магистральный са-

---



ДРУЖЕСКИ

18 мая 1971 года в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, секретаря ЦК КПСС К. Ф. Катушева, члена ЦК КПСС, заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбакова, члена ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, члена ЦК КПСС, посла СССР в ГДР П. А. Абрасимова с партийно-правительственной делегацией Германской Демократической Республики, прибывшей с дружеским визитом по приглашению Центрального Комитета КПСС и Советского правительства.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Владимир МАЧАВАРИАНИ

Все это было в удивительные майские дни 1971 года в Тбилиси, в городе древнем, но полном вечно молодого задора. Море знамен. Перекаты песен. Казалось, поет вся Грузия. Был теплый, с нежным ласковым ветерком день весны. Был праздник народа, который познал всю важность события, происшедшего в Грузии 50 лет назад.

Мы, грузины, шли по трудной, тяжелой дороге, сохраняя свой характер, свою культуру, свой язык. Народ долго искал большую правду жизни. Он ее нашел только у Ленина. Народ решил отметить это великое событие в своей жизни праздником такого размаха, такого накала, который трудно себе представить и невозможно описать.

Вместе с грузинским народом славный полувековой юбилей республики и Компартии Грузии отмечали все народы нашей Родины, отмечали как большой, радостный праздник дружбы и братства.

13 мая в Тбилиси для участия в юбилейных торжествах прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Тысячи жителей столицы Грузии горячо приветствовали Л. И. Брежнева. Прибыли в наш город и делегации братских республик, городов-героев, делегация Вооруженных Сил СССР, которую возглавил министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

На площади, носящей имя В. И. Ленина, собралось множество нарядно одетых людей — трудящиеся Тбилиси пришли сюда, чтобы отдать дань глубочайшей любви и уважения создателю Коммунистической партии Советского Союза, основателю первого в мире социалистического государства В. И. Ленину.

Леонид Ильич Брежнев возложил к памятнику В. И. Ленину цветы от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Несколько дней не смолкали звонкие песни на улицах моего города, несколько дней на древней земле Грузии гремел всенародный праздник.

Надолго запомнится нам торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР.

В празднично украшенном новом концертном зале собрались знатные люди моей республики. И зал сразу засиял золотом: это засверкали Золотые Звезды, ордена, медали моих соотечественников.

Вот зал взорвался аплодисментами: в президиуме занимают места товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, П. Е. Шелест, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, секретари и члены Бюро ЦК КП Грузии, военачальники, главы делегаций союзных республик, городов-героев, Вооруженных Сил СССР.

С докладом «50 лет Грузинской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Грузии» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе.

Затем слово было предоставлено Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. Его речь была выслушана с огромным вниманием и неоднократно прерывалась горячими аплодисментами. Леонид Ильич Брежнев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Грузинской Советской Социалистической Республики орденом Октябрьской Революции. Под бурную овацию Леонид Ильич прикрепил орден к знамени республики. Теперь на знамени нашей Грузии рядом с двумя орденами Ленина сияет и третья высокая награда Родины.

А на другой день в Тбилиси состоялись военный парад и демонстрация трудящихся, посвященные славному юбилею.

Не думаю, чтобы прославленные мистерии

молет «ТУ-154», транспортный самолет «ИЛ-76» и модифицированные самолеты — дальний магистральный «ИЛ-62М», ближний магистральный «ТУ-134А» и «ЯК-40» для местных воздушных линий.

Были также показаны самый большой в мире по грузоподъемности транспортный вертолет «В-12» и модифицированный пассажирский вертолет «В-8».

Пояснения давали министр авиационной промышленности тов. Дементьев П. В., министр гражданской авиации тов. Бугаев Б. П., генеральные и главные конструкторы самолетов, вертолетов и двигателей, в том числе товарищи Туполев А. Н., Туполев А. А., Яковлев А. С., Новожилов Г. В., Тищенко М. Н., Кузнецов Н. Д. и Соловьев П. А.

На осмотре присутствовали министры СССР товарищи Гречко А. А., Зверев С. А. и Калмыков В. Д.

В состоявшейся после осмотра новой техники беседе товарищи Бугаев Б. П., Дементьев П. В., Смирнов Л. В. доложили руководителям партии и правительства о перспективе развития советской гражданской авиации.

В заключение Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Брежнев Л. И. поблагодарил работников авиационной промышленности и гражданской авиации за проделанную работу по созданию и освоению новой авиационной техники и пожелал им дальнейших успехов в реализации задач, поставленных XXIV съездом КПСС.

На снимке: во время осмотра новых образцов гражданских самолетов и вертолетов в аэропорту «Внуково».

Фото А. УСТИНОВА.

Й ВИЗИТ

В составе делегации Первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии Э. Хонеккер, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров Германской Демократической Республики В. Штоф, член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ К. Хагер и член Политбюро ЦК СЕПГ, первый заместитель Председателя Совета Министров ГДР Х. Зиндерман.

Во встрече принимал участие посол ГДР в Советском Союзе Х. Биттнер.

Встреча руководящих деятелей СССР и ГДР прошла в обстановке дружбы, сердечности, полного взаимного доверия и братского взаимопонимания.

Фото А. УСТИНОВА.

древнего мира могли быть более впечатляющими, чем наступившая минута глубокого молчания, которой почтили память павших на фронтах Великой Отечественной войны. В Грузии за последние годы высажено более 50 миллионов саженцев деревьев и среди них 367 тысяч с зарубками — память об оставшихся на полях битвы земляках.

Перед трибуной — молодежь Грузии. Из тысяч уст рождалась клятва верности партии, под знаменами которой грузинский народ шел дорогой побед в пору войны, дорогой труда в годы созидания, творчества, раздумий, но не сомнений.

На трибуне стояли виднейшие деятели нашей партии и государства, руководители и представители союзных республик и городов-героев. И чувство единства настроений, мыслей, вызванных историческими решениями XXIV съезда КПСС, охватило всех, кто был на демонстрации.

А когда накануне на торжественном заседании Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей яркой речи провозгласил: «Да здравствует нерушимая и братская дружба всех народов нашей страны!» — зал ответил ему многократным «Ваша́, ваша́!» («Ура, ура!»).

...Мы идем вперед широкой дорогой, но, как сказал писатель, не с гирями на ногах, а с крыльями на плечах. Мы идем в одном строю, как неразделимое целое,— все народы нашей Родины — идем, стараясь не отставать друг от друга, идем плечом к плечу под знаменем Ленина, ведомые великой партией Ленина.

ПУСТЬ ВЕЮТ ВЕТРЫ СВОБОДЫ!

Олег ИГНАТЬЕВ

В минувший День Победы я встречал на аэродроме в Шереметьеве самолет из Дар-эс-Салама. Прилетали африканские друзья, направлявшиеся на Ассамблею Всемирного Совета Мира в Будапешт. Среди них мой давнишний знакомый Марселино дос Сантос — вице-президент Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО).

— Очень хорошо, что мы именно в этот день увидели голубое небо Москвы,— несколько торжественно произнес мозамбиканец.— На нашем континенте все больше людей начинают понимать: ветры свободы донеслись до Африки потому, что еще в сорок первом году фашисты потерпели поражение у стен Москвы.

Восемь лет назад в Аддис-Абебе на первой конференции глав государств и правительств африканских стран было принято решение ежегодно 25 мая отмечать День освобождения Африки. Это произошло меньше чем через три года после того, как по инициативе Советского Союза на сессии Генеральной Ассамблеи ООН одобрили Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, послужившую мощным импульсом для развертывания национально-освободительной борьбы на африканском материке.

Перелистайте книги по истории Африки. Хотя бы начиная со страниц, где описывают привоз первых десяти рабов в Португалию экспедицией Гонсалвеса 1442 года. «Главной целью колонизации Африки,— писал летописец Азурара,— было распространение христианской веры и стремление донести до души каждого туземца спасительные идеи Христа». Как видим, лицемерие работорговцев пятнадцатого века ни в чем не уступало лицемерию колонизаторов двадцатого.

Больше чем полтысячи лет незваные пришельцы грабили и убивали миллионы жителей Африки. Человечество на протяжении последних пяти столетий было свидетелем самого длительного, кровавого и отвратительного преступления, ареной которого служил целый континент.

И вот последний, с исторической точки зрения совсем незначительный отрезок времени — каких-то восемь или одиннадцать лет. Одиннадцать — со дня принятия Декларации ООН. Восемь — с момента провозглашения Дня освобождения Африки. Но этот миг истории на чаше весов вздернет, как на дыбе, минувшие пять веков с их невольничьими каравеллами, бичами надсмотрщиков, пробковыми шлемами, бархатными молитвенниками и бетонными громадами заморских банков.

Часто, когда говорят или пишут о пробуждении и обновлении африканского континента, в качестве наиболее впечатляющего примера упоминают число появившихся на карте Африки новых государств. На мой взгляд, главное не в этом, вернее, не столько в этом. Главное — в свободе, обретенной людьми, в тех ростках социальных, моральных и экономических изменений, наблюдаемых в наши дни на большей части континента.

За последние годы я не раз был в тех районах Африки, где идет вооруженная борьба за освобождение от колониального гнета. И когда потом спрашивали, что из увиденного поразило больше всего, не задумываясь, отвечал: «Формирование сознания новых людей, процессы рождения нового общества». В Гвинее (Бисау), в Анголе, в Мозамбике и в Намибии закладываются фундаменты новых государств, создается власть народа и разрушается система угнетения и рабства.

Однажды в Гвинее (Бисау) мы присутствовали на обычном, будничном совещании председателей партийных комитетов деревень зоны. Обсуждались текущие вопросы: где достать тетради для школы, как организовать детский интернат и тому подобное. А в четырех километрах от места собрания патриоты обстреливали португальский гарнизон.

В буржуазной печати бывших колониальных держав нередки за последнее время материалы, посвященные африканским государствам. Не будучи в состоянии отрицать поступательное движение народов континента, авторы этих статей, «исследований» и репортажей пытаются приуменьшить значение происходящего. Подумаешь, мол, пишут они, революционное достижение: построена больница, состоялась церемония вручения дипломов первым выпускникам педагогического института, создана новая женская организация...

Да, господа! Это настоящие революционные достижения. Это плоды немногих, повторяю, немногих последних лет. После пяти веков **вашего** грабежа, **вашей** системы угнетения. Плоды усилий африканцев и усилий их друзей. Вопреки **вашим** усилиям.

В Гвинее (Бисау) за столетия португальского господства всего лишь четырнадцать жителей получили высшее образование. Сейчас, за пятнадцать лет существования Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса, уже сотни юношей и девушек стали агрономами, врачами, инженерами и получили дипломы в Советском Союзе и других социалистических странах. А впереди жизнь многих поколений в новых условиях.

День освобождения Африки. В этот день мы желаем ее народам: пусть ветер свободы развевает ваши знамена! Будущее за народами, сбросившими оковы. За теми, кто борется!

ТРАДИЦИОННАЯ ВСТРЕЧА БОЕВЫХ ДРУЗЕЙ

Замечательная традиция у ветеранов 18-й армии! Вот уже несколько лет боевые друзья по случаю Дня Победы встречаются в Москве 12 мая. И в этом году с разных уголков нашей страны съехались герои сражений за Туапсе, Новороссийск, Керчь, участники освобождения Украины, Польши, Венгрии, Чехословакии. Незабываемые, волнующие эти встречи.

Фронтовики воскрешают в памяти огневые годы, вспоминают подробности и обстоятельства сражений с врагами Родины, отдают должное всем командирам, политработникам, бойцам, проявившим в боях героизм, отвагу, мужество.

Оживленно в фойе Центрального Дома Советской Армии. Здесь размещена выставка книг, фотографий, в которых запечатлены героические дела личного состава войск 18-й армии. Бывшие солдаты, сержанты, офицеры 17-го стрелкового корпуса, 318-й Новороссийской стрелковой дивизии, 107-й стрелковой бригады, 255-й, 83-й бригад морской пехоты, других частей и соединений окружили своих бывших командиров, начальников политорганов. Трудно передать радость встречи людей, которых навечно скрепила боевая дружба.

В 19 часов, как и в прошлом году, к своим боевым друзьям прибыл тепло встреченный собравшимися Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Он в годы войны вместе с войсками 18-й армии прошел весь ее героический путь от Новороссийска до Праги. Леонид Ильич узнает многих командиров, политработников, взволнованно обнимается с ними. Как начальника политического отдела армии его хорошо знали защитники легендарной Малой земли, участники многих сражений с немецко-фашистскими войсками. Леонид Ильич часто бывал в частях и соединениях, пламенным большевистским словом вдохновлял воинов на героические подвиги во имя защиты социалистической Родины.

Делегат XXIV съезда КПСС, бригадир слесарей, бывший разведчик 107-й стрелковой бригады Д. Г. Рогачев от всего сердца поблагодарил Леонида Ильича Брежнева за сказанные им в Отчетном докладе ЦК КПСС на съезде партии добрые слова о фронтовиках.

На встрече боевых друзей своими воспоминаниями делились бывшие командиры, политработники, сержанты, солдаты. Примечательно было и то, что комитет ветеранов 18-й армии, возглавляемый бывшими заместителем начальника политотдела 107-й бригады А. Н. Копенкиным и заместителем начальника политотдела армии С. С. Пахомовым, отчитался о своей деятельности по пропаганде боевых традиций наших славных Вооруженных Сил. Участники встречи с удовлетворением отметили, что сделано уже немало, благодарили за активную общественную деятельность членов комитета ветеранов 18-й армии. Вот далеко не полный перечень его дел. Проведены военно-исторические конференции по Новороссийской и Карпатской наступательным операциям, по оборонительному сражению за Туапсе. Подготовлен сборник материалов о Новороссийской наступательной операции, который будет в этом году издан Краснодарским книжным издательством. Сотни ветеранов армии активно участвуют в военно-патриотическом воспитании молодежи, помогают краеведческим музеям Новороссийска, Геленджика, Туапсе, Анапы и другим собирать реликвии нашей великой Победы.

Но предстоит сделать еще больше. И потому участники встречи с большой заинтересованностью обсуждали предложенный комитетом план. Намечено провести военно-исторические конференции об участии армии в освобождении Правобережной Украины и Чехословакии, подготовить фотоальбом, отражающий боевой путь войск армии, принять активное участие в написании военно-исторического очерка.

В заключение выступил товарищ Л. И. Брежнев. Он сердечно поблагодарил собравшихся за приглашение, поделился своими мыслями о работе XXIV съезда КПСС, говорил о большой роли фронтовиков в выполнении его исторических решений, призвал ветеранов 18-й армии и впредь с еще большей активностью продолжать военно-патриотическое воспитание трудящихся нашей страны и прежде всего молодежи, быть надежными помощниками партийных организаций в этом деле всенародной важности.

Во второй день встречи ветераны 18-й армии собрались на Красной площади. Они возложили венок на могилу Неизвестного солдата. Фронтовики минутой молчания почтили память доблестных сынов Родины, отдавших свою жизнь во имя разгрома фашистских захватчиков, пытавшихся поработить советский народ, уничтожить его великие социалистические завоевания.

Памятна, незабываема встреча боевых друзей. Каждый из нас, ее участников, мысленно поклялся всегда и во всем приумножать экономическое и оборонное могущество нашей великой социалистической Родины.

Полковник И. СЕМИОХИН.
Фото А. ГРИГОРЬЕВА.

ЗАКОНЧИЛСЯ БОЛЬШОЙ КИНОФОРУМ

Широкую программу действий наметил съезд советских кинематографистов в связи с задачами, поставленными перед всем народом XXIV съездом КПСС. Об этих задачах говорили в своем докладе Л. А. Кулиджанов и выступавшие в прениях делегаты II Всесоюзного съезда кинематографистов.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР КАНАДЫ В МОСКВЕ

ПРИЗЫВ БУДАПЕШТА

Будапештская Ассамблея Всемирного Совета Мира продемонстрировала, что прогрессивные силы планеты решительно выступают за мир, безопасность, свободное и независимое развитие народов, за счастливое будущее всего человечества.

В работе Ассамблеи участвовало около 800 делегатов из 124 стран. Среди них известные ветераны борьбы за мир, молодые участники недавних антивоенных манифестаций в Вашингтоне, испытанные борцы за национальное освобождение, представители различных организаций — сторонников мира, профсоюзных, женских, молодежных.

Движение сторонников мира, которым руководит Всемирный Совет Мира, стало ныне могучим общественным потоком. О его авторитете

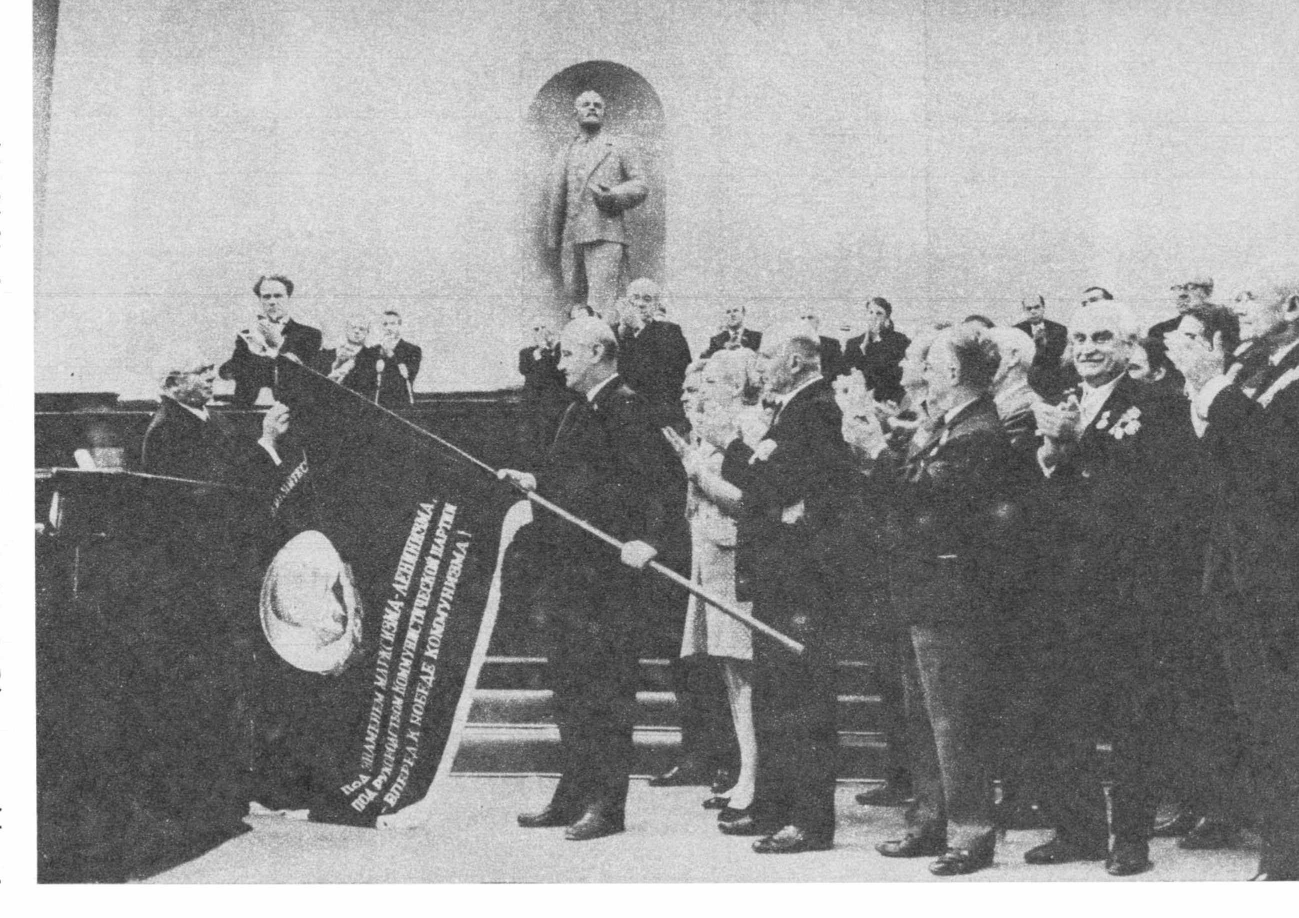
На заключительном заседании в Большом Кремлевском дворце присутствовали встреченные аплодисментами товарищи А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев. Вместе с ними секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, министры СССР, видные деятели кино, руководители творческих и общественных организаций.

С приветственной речью к мастерам кино обратился Николай Викторович Подгорный. «Мне предстоит,— сказал он,— выполнить приятную миссию — здесь, на съезде, вручить Союзу кинематографистов СССР высокую награду нашей Родины — орден Ленина».

Высокая награда творческого союза работников кинематографа означает признание их больших заслуг перед народом. Награда эта вручена всем поколениям кинематографистов: и тем, кто стоял у колыбели советского кино и помогал ему стать великим искусством революции, и тем, кто сегодня, в наши дни, утверждает своим творчеством идеалы коммунизма.

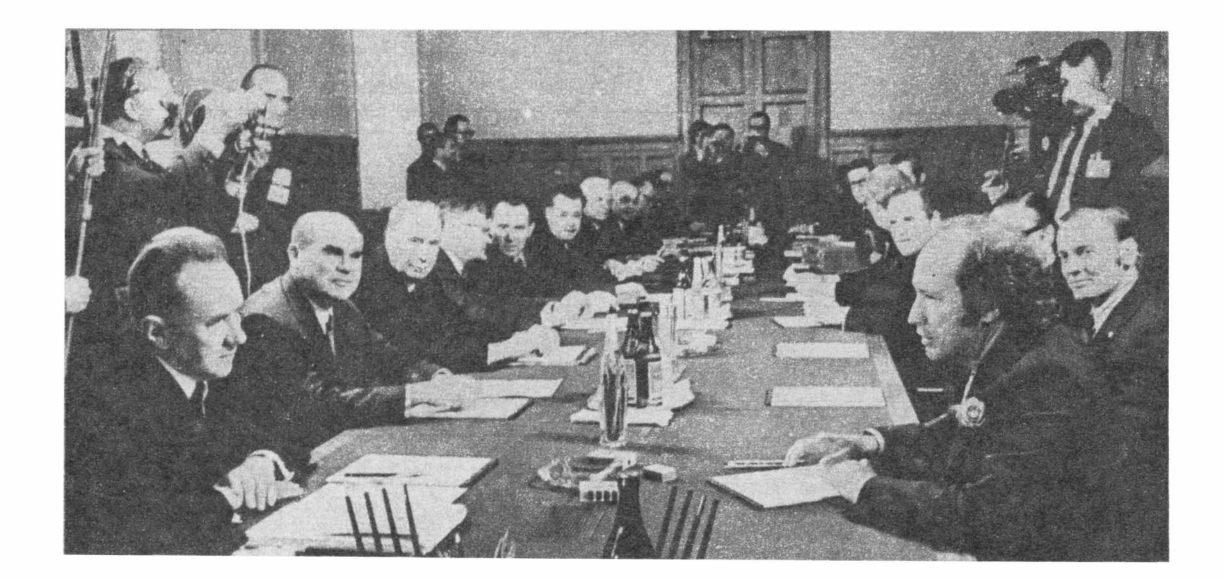
Съезд обратился с приветственным письмом к ЦК КПСС. При единодушном одобрении участников съезда было принято обращение к кинематографистам всего мира «За мирное и независимое будущее народов Индокитая», а также «За мир на Ближнем Востоке».

На пленуме нового состава правления, состоявшемся после Второго съезда работников кино, первым секретарем правления избран Л. А. Кулиджанов, оргсекретарем — Г. Б. Марьямов, председателем ревизионной комиссии — Г. И. Бритиков.



На снимке: Николай Викторович Подгорный прикрепляет орден Ленина к знамени Союза кинематографистов СССР.

Фото Е. УМНОВА.



В Москву по приглашению Советского правительства с официальным визитом 17 мая прибыл Премьер-Министр Канады Пьер Эллиот Трюдо.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Канады и Советского Союза, высокого гостя встречали А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Д. С. Полянский и другие официальные лица.

В Кремле состоялись переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Канады Пьером Эллиотом Трюдо.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке откровенности и взаимопонимания, состоялся обмен мнениями по актуальным международным проблемам, по вопросам состояния и перспектив развития советско-канадских отношений, расширения политических контактов, экономического и научно-технического сотрудничества между обеими странами.

На снимке: переговоры в Кремле.
Фото А. Гостева.

свидетельствует тот факт, что в адрес Ассамблеи поступили многочисленные приветствия от глав правительств и государств социалистических стран, многих стран Азии, Африки и Латинской Америки и от Генерального секретаря ООН У Тана. В приветствии Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного была выражена уверенность, что этот форум «послужит дальнейшему сплочению всех миролюбивых сил и активизации их действий».

Будапештская Ассамблея оправдала надежды, которые возлагали на нее народы. Единодушно ее участники приняли Манифест, в котором обратились ко всем людям доброй воли с настоятельным призывом объединить свои усилия в борьбе за мир, национальную независимость, против империализма и войны.

Манифест выражает горячую солидарность с борющимися народами Индокитая, призывает к политическому решению ближневосточного кризиса, требует созыва всемирной конференции по вопросам разоружения, поддерживает предложение о созыве конференции пяти ядерных держав для принятия широких мер по ядерному разоружению. Манифест требует запрещения химического и бактериологического оружия и уничтожения его запасов. «Мы протягиваем руку всем,— гласит Манифест,— кто искренне обеспокоен судьбой человечества. Пусть нашим лозунгом станет: сотрудничество, единство, действенность. Война порабощает людей, мир делает их свободными!»

С волнением делегаты Ассамблеи заслушали решение Всемирного Совета Мира о том, кто награжден медалью Григориоса Ламбракиса, греческого патриота, убитого в 1963 году фашистскими молодчиками. Этой медалью награждаются организации и люди, проявившие стойкость в борьбе за мир. Первым среди награжденных названо имя несгибаемого борца за гражданские права в США Анджелы Дэвис. Медали Ламбракиса удостоены также партия «Черная пантера», борющаяся за права негров в США, Секу Туре, возглавивший успешную борьбу с империалистической агрессией в Гвинее, патриоты Бразилии, ставшие жертвами политических преследований, борцы против апартеида в Южной Африке, иорданские патриоты, павшие в борьбе против израильской агрессии, и другие. Участники Ассамблеи почтили память выдающегося борца за мир и человеческие права Мартина Лютера Кинга. Он был награжден посмертно медалью Жолио-Кюри.

Во всех документах Ассамблеи содержится призыв о необходимости крепить единство сторонников мира, объединить усилия всех прогрессивных массовых организаций в борьбе с империалистами.

Встретившись в Будапеште с друзьями из многих стран, я убедился, что движение сторонников мира день ото дня наполняется новой живительной силой, привлекает в свои ряды все новых и новых людей из числа тех, кто сегодня сражается за мир в США, Японии, ФРГ, Италии, Англии, Австралии и других частях нашей планеты.

Никогда не изгладятся из памяти волнующие встречи американских парней — участников вашингтонских демонстраций с делегатами из ДРВ, Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Обнявшись, они ходили по холлам Ассамблеи, как борцы за одно справедливое дело. Именно в таких проявлениях великая жизненная сила призывов Будапешта, которые нашли столь горячий отклик во всех уголках нашей планеты.

Николай ПАСТУХОВ

Будапешт — Москва.

Глава делегации Советского Союза, член Президиума Всемирного Совета Мира, писатель А. Е. Корнейчук и министр иностранных дел Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам Нгуен Тхи Бинь в президиуме Будапештской Ассамблеи.

Телефото МТИ — ТАСС.

Студенты зоофака — любимчики проректора К. В. Петровой.

Н. БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

ТРИ ХОЛС

1

СЕГОДНЯ «Огонек» показывает три женских портрета кисти известных художников Е. А. Кацмана, В. П. Ефанова, Д. А. Налбандяна. Три холста, три судьбы. Три известных в стране женщины—Клавдия Васильевна Петрова, Серафима Константиновна Крылова, Валентина Александровна Трофимова. Все они костромские. Первая — бывшая доярка, ныне проректор Костромского сельскохозяйственного института «Караваево», вторая — доярка совхоза «Матвеевский», третья — мастер откорма крупного рогатого скота, а проще сказать, телятница. Все три удостоены звания Героя Социалистического Труда. Клавдия Васильевна Петрова была делегатом XXIV съезда КПСС, она кандидат сельскохозяйственных наук. Серафима Константиновна была делегатом XXIII съезда партии, сейчас она депутат сельского Совета, член областного комитета партии. Валентина Александровна тоже коммунистка, общественница, любимица коллектива племзавода и учебно-опытного хозяйства «Караваево»... Все это важно не забыть, так как всегда зрителей интересует не только холст, собственно портрет, работа пусть даже всемирно известного живописца, но и человек, ставший героем этой работы. И то, где он живет, где работает, как отнесся к просьбе позировать и как отнесся к портретам, выставленным на Кропоткинской в канун открытия XXIV съезда партии. Да и почему именно эти три, почему именно костромские? За ответами мы отправились в Кострому и дальше, к самим героиням.

Выяснилось, что выбор художников в какой-то степени закономерен. Нынешняя выставка—только начало, пролог грядущей выставки «Земля и люди». Из разговора с секретарем обкома партии Борисом Семеновичем Архиповым стало очевидно, что связям с деятелями культуры в Костромской области уделяется самое пристальное внимание. И уже не первый год. Достаточно сказать, что за 1970 год и начало нынешнего в Костроме, непосредственно в сельских районах было проведено около ста встреч рабочих, колхозников, работников совхозов, сельской интеллигенции с местными и столичными писателями, художниками, артистами. А однажды в Кострому съехались передовики сельского хозяйства — нет, не на свое очередное совещание, а на литературно-художественную и театральную декаду, и в те дни более восьми тысяч (!) колхозников и работников совхозов заполнили театры, выставочные, концертные залы, музеи. Духовное богатство, кругозор нашего современника, каждодневно занятого выполнением напряженнейших планов,— вот что волнует

ТА

руководителей партийной организации области.

— Идет процесс взаимного обогащения художников, писателей, мастеров сцены и людей труда, героев наших будней, людей интереснейших судеб и характеров сложнейших,— говорил Борис Семенович Архипов.

Среди многих дарований есть в природе человека и дарование зрителя, читателя. Важно дать возможность каждому разбудить, взлелеять это его дарование, без которого скучно жить сегодня и нельзя будет жить завтра.

Так вот именно костромичи выступили в печати с призывом: «Зерно искусства — в борозду народную!». Тогда-то в селах, в рай-

Тридцать лет встречает С. К. Крылова утро на ферме!..

...Не заметила Валентина Александровна, как дочь стала взрослой.

Март 1971 года. Академия художеств СССР — в Костроме. Тепло беседовал с работниками племзавода «Караваево» президент Академии художеств СССР Н. В. Томский. После поездки в Кострому Николай Васильевич изваял бюст Героя Социалистического Труда В. А. Соболевой, звеньевой колхоза «За мир».

центрах и появились московские и костромские артисты, писатели, художники. Тогда-то и побывали действительные члены и члены-корреспонденты Академии художеств СССР вместе со своим президентом Н. В. Томским в Костроме, в «Караваеве», в колхозе «12-й Октябрь», а Герои Социалистического Труда К. В. Петрова, С. К. Крылова, В. А. Трофимова, П. А. Малинина и другие получили приглашение позировать для создания их живописных и скульптурных портретов. Женщины дали согласие, и вот уже в зале академии открыта галерея — шесть портретов и мраморный бюст героев нашего времени.

2

ЧТОБЫ увидеть доярку Серафиму Константиновну Крылову в жизни — дома и на ферме,— пришлось еще от Костромы ехать поездом до станции Николо-Полома километров двести, на «газике» до райцентра около двадцати километров, потом от Парфеньева до Матвеева — центральной усадьбы совхоза,— более двадцати километров и еще до Тихонова пять километров с гаком, с тем самым «гаком», который до сих пор у нас на Руси никто измерить не удосужился. Последние пять километров с гаком нас тащили трактором на сухопутном бревенчатом плоту. Мы терпели больше часа и вспоминали царь-корзину из папируса, в которой отчаянные люди недавно одолели океан. Мы одолевали лесную глухомань.

Серафима Константиновна знала, что едем, ждала. Она не удивилась нашему появлению на ферме, а быстренько покончила с делами, крикнула мужу: «Колюнька, гостей встречай!» — и мы все вместе пошли к большой крайней избе. Серафима Константиновна — мать четырех взрослых детей — выглядит молодо, она очень подвижна, разговорчива, с ней даже незнакомому человеку сразу легко. С Николаем Петровичем они составляют отличную пару — со стороны это особенно хорошо заметно. «Колюнька» невысокий, покладистый мужик, он работает на той же ферме, в войну был в полковой разведке, пришел по «чистой» задолго до победы, покалеченным. Тогда и поженились. Можно себе представить, каким соколом был юркий Николай Петрович, «бог разведки», двадцать семь лет назад и каким огнем горела его проворная, ухватистая Сима — Серафима, девятнадцатилетний колхозный шофер и тракторист одновременно!.. Ферма — это уже позднее.

— А вообще-то лет тридцать встаю в три часа ночи,— рассказывает, собирая на стол, Серафима Константиновна.

— Было, что и сорок семь коров вдвоем доили! — вставляет слово Николай Петрович.

Но о себе слово-два — и молчок, а вот о детях повесть потекла, что реченька полноводная. Всех перечислили, всех на фотографиях показали: старшая Шура замужем в Новокузнецке, Николай только-только с флота вернулся, грамоты вот его, сыграл свадьбу и сейчас в Ярославле, а Павлик — в Москве, в техникуме, и младшенькая Валюха тоже в Москве с осени, в производственно-техническом училище. Так что всех в люди вывели, а сами недавно серебряную свадьбу сыграли. Серафима Константиновна не без озорства смотрит на примолкшего мужа: «Колюня, гляди веселее! Неси самовар, чай теперь будем пить!» Хотя есть в избе газовая плита, но ставили в тот вечер самовар. Пили чай после редкостных груздей, смотрели по телевизору страшную историю Акакия Акакиевича Башмачкина, потом слушали пластинки: «Не закрывайте вашу дверь, пусть будет дверь всегда открытой...». А еще позже Серафима Константиновна рассказывала, как они с прославленной Прасковьей Малининой были в мастерской Ефанова, как ездили с ней на выставку в Москву. А потом о новой группе своих первотелок и с тревогой о кормах — весна-то больно уж припозднилась...

Вокруг деревни рано-рано перед рассветом, когда доярки собираются на ферме, птичьим гомоном стонут леса, квохчут, страстно скрипят, высвистывают, щелкают и кричат, кричат о весне. Леса совсем близко подступили к деревеньке, и соловьев, зябликов, тетеревов, глухарей, скворцов тут хорошо слышно...

3

НАМ повезло, что Клавдию Васильевну Петрову пригласили в Караваевскую школу на комсомольское собрание. Дело в том, что почти все время командировки ушло на поездку в совхоз «Матвеевский», а проректор по науке Петрова, хоть она и близко от Костромы, безмерно занята. Сейчас она организует совещание

Е. Кацман. ДЕЛЕГАТ XXIV СЪЕЗДА КПСС, ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ПРОРЕКТОР СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА «КАРАВАЕВО» К. В. ПЕТРОВА.

В. Ефанов. ПОРТРЕТ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ДОЯРКИ С. К. КРЫЛОВОЙ.

ученых, специалистов по откорму скота. И тут неожиданно выяснилось, что время ехать в школу! По дороге Клавдия Васильевна и о себе рассказала и о знаменитом «Караваеве» с его Аллеей Героев, где установлены шесть бюстов тех ее подруг, что удостоены двух золотых медалей «Серп и Молот». А комсомольцам Клавдия Васильевна рассказала о работе XXIV съезда КПСС, передала им на память автограф и письмо трижды Героя Советского Союза генерала И. Н. Кожедуба, приняла участие во вручении комсомольских билетов тем, кто в дни съезда вступил в комсомол... И снова круговерть: заседание ректората, подготовка ежегодной научной конференции, отправка группы преподавателей в Москву на ВДНХ — и глубокая озабоченность:

— Нашу область на съезде критиковали, теперь надо нам, ученым, сделать все возможное, чтобы помочь труженикам полей и ферм исправить положение.

Клавдия Васильевна работает и над докторской диссертацией. Тема актуальная — откорм крупного рогатого скота... А ведь только двадцать лет прошло, как была дояркой. Доила и училась в вечерней школе, доила и мечтала о времени, когда труд доярки не будет таким тяжелым. Клава Петрова окончила Кологривский техникум, потом стала студенткой Тимирязевки и там же училась в аспирантуре.

Ее вела мечта, ей помогало упорство. И ошибется тот, кто думает, что все трудности у нее позади, что сейчас Петровой легче, чем было двадцать лет назад. Она девчонкой пришла на ферму «Караваева» в тяжелом сорок третьем и стала человеком, сама себя обрекла на долгую дорогу в страну неизвестного, на борьбу за то, чтобы в русской деревне конца XX века жилось и светлее и веселее. Быть может, таким образом Клавдия Васильевна хочет вернуть стране то, что получила когда-то в долг?..

4

ВОТ ВЕДЬ какое дело: в «Караваеве» почти никто не зовет Валентину Александровну Трофимову по имени и отчеству. Почти все о ней говорят: «Наша Валя... Валечка... Валюша...» В обкоме партии: «Валя-то? Интереснейший человек! Профессор!..» Директор «Караваева»: «Проведи, Валечка, товарищей на скотный двор, но только своей тропочкой, не дай бог инфекцию занесут...» И это все оттого, что Трофимова в свое время была огневой комсомолкой, энтузиасткой. Ни годы, ни тяжелейший, до последнего времени нелегкий ручной труд доярки и телятницы, ни слава Героя Социалистического Труда не изменили веселого, открытого характера. Годы идут, а Валя Трофимова все такая же. Умеет работать, смеяться, хорошо одеться. Двоих детей вырастила, а сама все молодая:

— Не берет меня время. Муж и тот, срам сказать, иной раз одернет, чуть не скандалит, он не понимает, чудак-человек, что характер такой!..

И с хохотом рассказывает, как искала мастерскую Дмитрия Аркадьевича Налбандяна в Москве, не могла выйти из лифта, хорошо хоть академик тут же вышел встретить ее, выручил!

Сейчас надумала дирекция капитально отремонтировать старую квартиру, скоро проведут газ, оттого и хлопот прибавилось. А она только что из санатория, где была после операции, а сын Витя восьмилетку кончает, а Галя просит новое платье сшить («Она, чай, в Костроме работает!») да еще по ее собственному рисунку... Ну да все равно не унывает Валентина Александровна. Мало ей всего, так еще надумала в новой пятилетке побольше бычков откормить.

— Я какой комсомолкой была, такая же и коммунистка. Надо пример показывать! Все по сорок бычков берут, а я — пятьдесят. А днями перехожу в новый телятник, там будет полная механизация, так что и сотню голов можно бы взять. Я уже говорила об этом Ивану Ивановичу, нашему директору. Думаю, поддержат! Сейчас намного легче работать, чем работали. Утром с семи до одиннадцати да вечером с шести до девяти. А день-то мой, вот ремонтом и займусь. Теперь чего не работать!..

Валентина Александровна меньше чем за год откармливает бычков весом до полутонны! Очень хорошие привесы в ее группе. А ведь сейчас откорм — проблема номер 1. Одних бычков, от матерей с невысокими надоями («невысокими» в понятии караваевцев!), на мясо сдает, а других хозяйство продает на племя. Бычки у Трофимовой — красавцы: элита и элита-рекорд.

— Нет, сейчас куда легче. Бывало, доили вручную, по пять раз в день! Каждая коровка давала полцентнера, а то и больше молока. За день, конечно, за один день — вот они, руки мои, с них бы картину-то делать...

И она рассказывает, какие руки у Валентины Михайловны, жены художника. Загляденье и сама Валентина Михайловна.

— Если бы не она, не Валентина Михайловна, не ее приветливость, я бы уехала. Больно уж позировать тяжело! Но она успокоила меня, мы подружились, ходили в кино, в театр, на концерт в Кремлевский Дворец съездов. Она все расспрашивала о наших знаменитых коровах да как я доила, а мне рассказывала о картинах, о Москве.

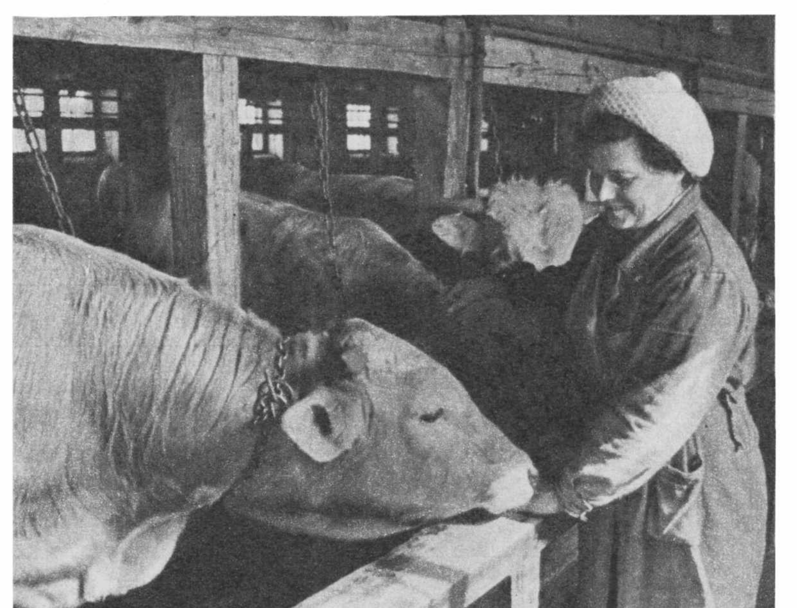
* * *

Три холста, три судьбы. Они в общем-то разные и все-таки в чем-то похожи. Общее — это работа на ферме в самые трудные годы, труд на совесть, оттого и высоко отмеченный правительством. И тот же труд наложил на черты их лиц, на черты характеров такие отпечатки, которые делают этих разных женщин в чем-то похожими. Они и сейчас живут так же интересно и нелегко, как жили всегда. И все-таки счастливые они! Они не знают, что такое равнодушие. «Надо же давать людям путь! Кто-то должен служить примером!» — сказала Валентина Трофимова. Но так могли сказать и Клавдия Васильевна и Серафима Константиновна. Они и говорили похожее, только по-своему. Потому что, когда мы сказали Крыловой, что живет она далеко и добирались мы к ней с приключениями, будто на край света ехали, она искренне удивилась: «Во как! А мы живем, тут наша родина, и нам кажется далеко-то Москва...» Мы рассмеялись, в тот вечер нам было хорошо, это, наверное, оттого, что мы узнали такого человека. Искусство сближает! И помогает понять, где твоя Родина.

К. В. Петрова в лаборатории со студентами.

Валя Крылова приехала из Москвы на побывку.

Валентина Александровна Трофимова: «Не по дням, а по часам растут бычки!»

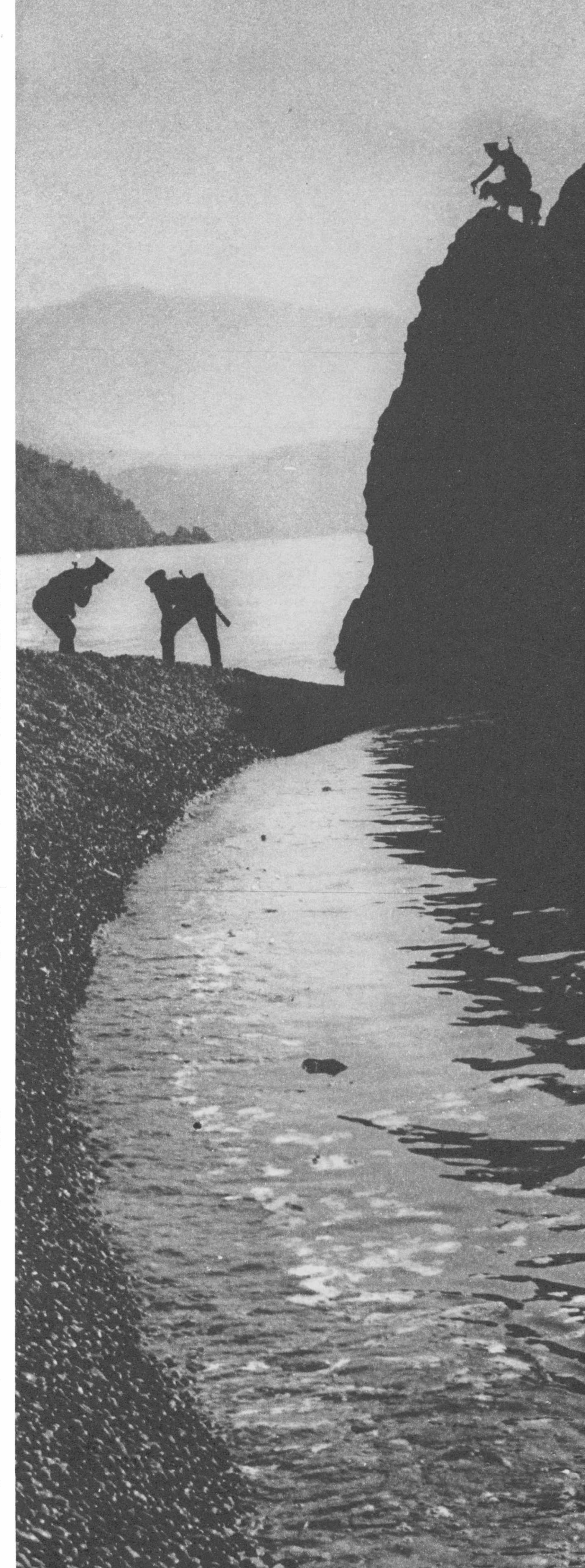


28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Вл. ПАВЛОВ, Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

ЧЕКАННАЯ СЛУЖБА



— Нет, пожалуй, не стану называть лучшего,— после некоторого раздумья ответил на наш вопрос подполковник Владимир Степанович Иванов.— Начальнику заставы требуются железная выносливость, мгновенная реакция, постоянная мобилизованность духа и тела. В то же время он должен быть выдержан и осмотрителен. Должен знать людей, понимать их, уметь спаять коллектив, в котором не на словах, а на деле — один за всех и все за одного. О таких вещах, как воинское мастерство, смелость, преданность, способность в любую минуту пожертвовать собой ради дела, я уж не говорю. И, поверьте, тому, у кого не хватает хоть одного из этих качеств, начальником заставы не бывать!

Начальник политотдела погранотряда говорит с увлечением. Он еще молод. Но в погранвойсках он служит уже довольно долго, еще в суворовском мечтал стать пограничником да и нынче не утратил юношеской, романтической любви к своему нелегкому делу.

— Знаете, что я вам посоветую? — продолжал подполковник, широко улыбаясь.— Побывайте на нескольких заставах. И выберите одну поближе к городу, есть у нас такая. Другую на берегу моря. Третью — в горах. Вот и получите ответ на свой вопрос!..

Мы согласились. Но... Жизнь погранзаставы строжайше регламентирована. Уходят к границе и возвращаются назад наряды. Начальники напутствуют их одними и теми же словами, определенными уставом. И везде в одинаковое, точно установленное время — занятия, прием пищи, сон. Как тут избежать повторов? Что касается нарушителей, то вражеские разведки, как нам казалось, прекрасно знают, сколь бдительно охраняются наши рубежи, и предпочитают засылать своих агентов иными путями.

— А вот и ошибаетесь,— сказал первый из трех начальников погранзастав, с которыми нам пришлось познакомиться, майор Василий Георгиевич Бокучава.— Враг не упустит ни малейшего шанса. Во всяком случае, на нашем участке граница живая. Дня не проходит без происшествий. Сейчас я вам покажу одну вещь.

Бокучава, высокий, стройный, встал и легкой походкой спортсмена подошел к сейфу.

Разговор происходил в кабинете начальника заставы. Кабинет как кабинет. Такой можно встретить в любом учреждении — два стола, составленных в виде буквы «Т», тумбочка с телефонами, с десяток стульев вдоль стен. Книжный шкаф, за стеклянными створками которого алеют тома Собрания сочинений В. И. Ленина. Но есть в этом кабинете и специфический колорит службы. В углу выстроилась обувь на все случаи жизни — от тяжелых яловых сапог до легких кедов. На вешалке — брезентовый бушлат с зелеными пограничными петлицами. Рядом — небольшой походный чемодан.

— Вот,— Бокучава достал из сейфа небольшую книжечку в коленкоровом переплете,— этот дневник, если его так можно назвать, оставил мне на память один сержант, когда демобилизовался.

Мы раскрыли книжку. Она вся была заполнена веселыми карикатурами на нарушителей границы, задержанных при участии автора дневника. Каждая такая рисованная новелла имела название вроде «Операция «очкарики», «Женщина в Долине ветров», «А я заблудился...». Под рисунками не лишенные юмора комментарии.

— Юмор — признак бодрости духа,— продолжал Бокучава.— Пограничник должен быть всегда в хорошем настроении. Иначе при нашей службе нельзя... Недавно я заметил, что один боец вдруг стал хмурым, с товарищами перестал разговаривать, в кино не ходит, телевизор не смотрит, все у него из рук валится. Что такое? Оказывается, жена ему перестала писать. Пришлось временно отстранить от несения службы на границе. Какая тут бдительность, если у человека камень на душе?

— И что же,— заинтересовались мы,— так он теперь и не ходит в наряд?

— Нет, зачем же,— улыбнулся майор.— Я доложил начальнику погранотряда подполковнику Сагайдаку. Он приказал обратиться по месту работы жены этого бойца с просьбой отпустить ее на побывку к мужу. Приехала. И все разъяснилось. Оказались виноваты какие-то мелкие обиды, недомолвки. Люди-то они молодые!.. А те-

Край советской земли.

Кавалер знаков «Отличник пограничной службы» сержант Ершов получает награду. На его счету два задержания.

Пограничная ночь.

перь все в порядке, что ни почта — сразу по три письма получает. Ну и сам он, соответственно, службу несет отлично!

Хоть майор Бокучава и утверждал, что попытки нарушения государственной границы на его участке не редкость, мы все-таки не ожидали увидеть настоящего нарушителя... Наше пребывание на заставе подходило к концу. Уже был съеден вкусный обед, которым нас угостили пограничники. Майор Гурам Дзодзуашвили, сопровождавший нас в поездке, несколько раз озабоченно поглядывал на часы и объяснял, что нас ждут в пограничном селе. И если б не интереснейший разговор о новинках литературы, который возник на исходе нашего пребывания в гостях у Бокучавы, мы, пожалуй, уже были бы в пути. Просто удивительно, как майор ухитряется быть в курсе того, что печатают чуть не во всех толстых и тонких журналах! Личного времени у него почти нет, за пределы своего пограничного участка без особого разрешения он отлучаться никуда не может. И в любой момент до каждой точки своего участка он обязан добраться в считанное, раз и навсегда точно установленное число минут и секунд...

Но... пора. Мы поднялись, собираясь распрощаться. В этот момент раздался громкий голос:

— Тревога! В ружье!..

Бокучава в одно мгновение исчез из кабинета и через минуту возвратился.

— Задержан нарушитель. Сейчас его доставят сюда. А пока на место выехала тревожная группа...

Нарушитель оказался невысоким, худым человеком, с тонкими усиками, в черном берете и в клетчатой куртке с «молнией». При обыске на месте у него не оказалось ничего, кроме грязного носового платка, голубой женской расчески с поломанными зубьями и пачки сигарет. Все это теперь лежало перед Бокучавой на столе.

— Ваше имя? — спросил Бокучава, пристально разглядывая его.

— Не буду отвечать.

— А где документы и вещи?

Взгляд майора остро ощупывает нарушителя. Под таким взглядом не соврешь. Может, поэтому нарушитель отводит глаза и по-прежнему упорно молчит.

— Ладно,— произнес наконец Бокучава.— Не хотите говорить, не надо. Все равно признания вам не избежать. А вещички ваши и документы отыщем. Не беспокойтесь!..— И, обращаясь к дежурному, приказал: — Отправить в отряд!

...Тряский «газик», подпрыгивая на выбоинах, резко вскарабкался в гору. Миновал перевал. И весело покатил вниз, повторяя бесчисленные извивы неширокой, вырубленной в скале дороги. Тесно стоящие по обочинам вечнозеленые эвкалипты вдруг расступились, нашему взору открылась бескрайняя гладь моря, великолепный пляж в полукружии обступивших его со всех сторон горных склонов, на которых рассыпаны белые домики...

Начальник заставы майор Гиви Михайлович Метревели бессменно служит на здешней заставе уже почти семнадцать лет. Пора бы сменить должность, которой майор, впрочем, ничуть не тяготится. Но найти ему замену нелегко. Это не удивительно: для того, чтобы быть начальником такой погранзаставы, мало и тех качеств, общих для всех начальников погранзастав, которые перечислил нам подполковник Иванов. Тут надо быть не только воинским начальником, но и дипломатом и этнографом, разбираться в колхозных делах, знать по именам всех жителей...

Ведь местные жители — первые помощники пограничников. Многие награждены высокими наградами за бдительность и героизм в охране государственной границы...

Председатель колхоза Мурман Бакрадзе и другого недалекого колхоза Отари Пивадзе отмечены медалями «За боевые заслуги».

И даже школьники занимаются в кружке «Юный друг пограничника», который возглавляет сержант Роланд Куртинадзе, и помогают взрослым...

От утопающего в пальмах и кипарисах здания заставы до линии границы самое большее триста метров. Ясно видны часовые сопредельного государства, что ходят по ту сторону с американскими винтовками наперевес, мечеть с облупившейся штукатуркой, минарет, с которого по праздникам возглашает призывы к верующим муэдзин, глухая высокая стена пограничной заставы на той стороне...

— При таком близком соседстве вы, наверное, всех сопредельных пограничников знаете?

— Не только знаю в лицо, но некоторых и по именам. Ведь нам нередко приходится совместно с ними решать вопросы. Ну, например, чья-нибудь корова невзначай перейдет границу — надо вернуть. Или, к примеру, потребовалось пограничный столб отремонтировать — тут тоже без договоренности с другой стороной не обойдешься. Ну, а переговоры происходят вон в том домике.

Конечно, не всякое происшествие требует встречи с представителями соседей,— продолжал Метревели.— Недавно, например, на той стороне подрались два солдата. Один возьми да и пусти в другого ботинком. А тот пригнулся, и ботинок перелетел на нашу сторону. Солдат скачет в одном ботинке, показывает нашим пограничникам: верните, мол. Да мы и сами понимаем: второго ему не дадут, и палки за утерю не миновать. Но мы все-таки сначала ботинок осмотрели. Ничего подозрительного. Тогда я велел одному старшине — здоровый такой у нас есть парень: а ну-ка, мол, попробуй! Он как метнул тот ботинок — чуть не до самой заставы долетел! То-то солдат обрадовался!

Застава, на которой служит майор Метревели, носит имя болгарского пограничника лейтенанта Асена Илиева, павшего смертью храбрых во время защиты государственной границы Болгарии в бою с бандой диверсантов. Гиви Михайловичу не раз приходилось принимать здесь болгарских друзей и самому ездить к ним в гости на заставу имени советского пограничника Героя Советского Союза Лопатина...

Сам Метревели родился в Гагре. Там до сих пор живут его родственники.

— Нравится вам служить на заставе, Гиви Михайлович?

— Привык. Застава ведь мне родной дом. Каждый камешек знаю. Каждого человека. И семья здесь, со мной. И друзья. Все здесь... Но приказ будет — придется переезжать. Служба такая...

...Начальник третьей заставы старший лейтенант Борис Мартынюк — самый молодой из всех начальников застав. Еще по дороге капитан Владимир Гурьянов, который нас сопровождал, рассказал, что Мартынюк и действительную отслужил на этой же заставе. А затем, окончив училище, приехал сюда начальником. И что его отец тоже был пограничником и начальником заставы. Так что служба у него, так сказать, наследственная.

Застава расположена в девственном, нехоженом горном лесу. Маленькое ее здание блещет чистотой и порядком, и на всем его облике лежит отпечаток энергии начальника. По его инициативе устроен водопровод, для чего пришлось забрать в трубы горный родник. Дорожки в дворике асфальтированы. Пограничники разводят кроликов: и приварок к пайку и занятие интересное. Всюду разбиты клумбы и посажены пальмы.

Но особенно поразил нас небольшой участок, где пограничники изучают разные способы, при помощи которых нарушители пытаются незамеченными проскочить через границу.

— Конечно, у нас несет службу и техника,— рассказывает Мартынюк.— Из любой точки участка старший наряда может связаться с заставой по телефону или по радио, доложит обстановку, если потребуется. Но человека никакая техника не заменит! Пограничник на службе должен вникать в любую мелочь, замечать то, что не заметит порой другой человек, даже если пальцем ему показать. Каждый след с первого взгляда надо без ошибки определять. Кто проскочил через контрольно-следовую полосу: медведь, дикий кабан или нарушитель с привязанными к рукам и ногам копытами... Да, да, случалось и такое. А если след внушает малейшее сомнение, приходится объявлять тревогу. Обстановку, как у нас говорят, тебе не снимут до тех пор, пока не определишь точно: чей след или что вызвало подозрительный шум в запретной зоне. Вот и приходится учиться, чтоб не делать ошибок!

— А чем вы занимаетесь на досуге, Борис?

— Есть у нас кино, телевизор. Спортплощадку сами видели. О книгах, журналах, газетах я уж не говорю... А если на рыбалку сходить удастся — и вовсе праздник. У нас знаете, какая рыбалка? Форель — рыба хитрая. Ее не ловить, охотиться на нее надо! Но все дело в том, что где б я ни был — всегда на службе. В любой момент вылетаю по тревоге!

У старшего лейтенанта Бориса Мартынюка мы не стали спрашивать, доволен ли он своей пограничной судьбой. Это и так ясно.

Единственный вопрос, который мы ему задали: есть ли у него семья?

— А как же! Жена и маленький Мартынюк!

Итак, перед вами, читатель, три разных заставы, три разных начальника. Разные, непохожие это люди. И по возрасту, и по характерам, и по привязанностям.

Но всех трех роднит трудная, напряженная до предела, чеканно отточенная пограничная служба. Служба, требующая, чтобы человек отдал себя ей до самого донышка, не позволял бы себе никаких послаблений.

Иван УРЛИН

В НАСТОРОЖЕННОЙ ТИШИНЕ

* * *

Раскинулась граница —
Наш край передовой.
Здесь может все случиться
И кончиться бедой.

Сегодня дождь и ветер.
Ну что ж! Солдат привык.
Лежит солдат в секрете,
Поправив дождевик.

Пусть туча мечет стрелы,
Сечет и дождь и град...
Тебе большое дело
Доверено, солдат!

* * *

За горизонт уходит кромка леса,
Стволы берез на просеках
пестрят,
Свисает туч лохматая завеса,
А по тропе в дозор идет наряд.

И кажется, спокойно дышит лето,
Но здесь природа так напряжена,
Что стоит ветке шелохнуться
где-то,
Как сразу же взорвется тишина.

ГДЕ ПАЛИ РОДИНЫ СЫНЫ

Высоких гор хребты изрыты.
Воронки со времен войны.
Могилы.
На могилах плиты.
На плитах надписи видны.

И я смотрю на эти плиты,
Читаю молча имена,
А рядом, пулями прошита,
Склонилась старая сосна.

К утесу лапами припала
В настороженной тишине.
Ей век стоять у перевала
И вечно помнить о войне.

ВСЛЕД ЗА СОЛНЦЕМ

Я тропой незримой вслед
за солнцем
Исходил родные рубежи.
У поморов побывал и горцев,
С песнями их звонкими дружил.

Слушал я старинные былины,
Знаю местный говор и обряд.
С горцами ходил к местам
орлиным,
Бороздил с поморами моря.

Вслед за солнцем шел под небом
синим,
Мерз в морозы,
жарился в песках...
На лице моем — загар пустыни,
Серебро метелей на висках.

РЕЗЕРВЫ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ

ПРОДАВЕЦ СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ...

К. БАРЫКИН

СОЦИОЛОГ: Более 20 миллиардов часов ежегодно покупатели тратят в магазинах...
ПОКУПАТЕЛЬ: Утром забегаю в магазин за хлебом и молоком, вечером делаю покупки основательнее...
ЖУРНАЛИСТ: Как сократить эти потери времени?..

В поисках ответа на этот вопрос еду на проспект Мира, 68, в небольшой райпищеторговский магазин столицы. С Марией Ивановной Плешковой условились, что приду к семи утра: она в это время, а то и пораньше начинает свой рабочий день. До открытия магазина еще час, но Мария Ивановна уже катит тележку, грузит из холодильника два ящика с молочными и кефирными бутылками, пакеты со сливками и детские сырки. «Опять нет глазированных»,— ворчит она по дороге. Тележка меж тем выбралась на тротуар переулка. Мы во дворе дома, возле подъезда. Не без труда зыбкое «сооружение» из бутылок и пакетов протискивается в дверь. Двенадцать этажей, 64 квартиры.

«Подъезд легкий»,— вскользь замечает Мария Ивановна.

— Почему?

В нем два лифта.

Значит, один можно занять (Мария Ивановна так и делает) товаром, а второй — к услугам редких в этот час жильцов дома.

Мария Ивановна нажимает кнопку второго этажа. И тут же объясняет: «Тамошние уходят рано. К ним первым делом заезжаю».

В квартире ее уже ждут. Плешкова протягивает две бутылки молока и пакет сливок, получает 70 копеек. Три из них пойдут на зарплату Марии Ивановне, остальные — в кассу магазина.

За полчаса она распродала почти все, что взяла с собой. Выручила несколько рублей. А главное — сберегла своим покупателям никак не меньше двух-трех часов. Сберегла для отдыха, для утренней газеты, для того, наконец, чтобы кофе сварить повкуснее... Заработок у разносчика неплох — около 120 рублей ежемесячно. И это отнюдь не потолок для осеннего или зимнего сезона. Летом многие переезжают на дачу, и зарплата, конечно, заметно уменьшается. И тут впору подумать, чем занять разносчика, как компенсировать эту сезонную потерю.

Я путешествовал с Марией Ивановной по этажам большого дома, и всюду ее встречали как желанного человека. Здесь привыкли к тому, что утро начинается с визита «коробейника» из соседнего магазина. Как-то не пришла утром Мария Ивановна, захворала. И тотчас утренняя жизнь в квартирах сбилась с привычного ритма.

Изо дня в день, вот уже почти 16 лет, разносчик магазина № 27 Дзержинского райпищеторга М. И. Плешкова стучится в двери двух многоквартирных домов на проспекте Мира. Ее знают сотни людей. Ее труд уважают генерал и домохозяйка, студент-дипломант («Я с первого класса пью молоко, которое приносит тетя Маша») и актриса, слесарь и крановщик,— словом, те, кто живет в этих домах, кому эти шестнадцать лет доставляет Мария Ивановна кефир и сливки, кто ее иначе как по имени-отчеству (или просто тетей Машей) и не называет, кто не представляет себе торговлю без такого важного звена, как продавец-разносчик.

Написал «продавец» и вспомнил разговор с одним из организаторов торгового дела, который на мой вопрос: «В каких школах торгового ученичества готовят разносчиков?» — ответил, не задумываясь: «Нигде не готовят. И чему тут учить? Ведь это скорее разнорабочий, чем продавец».

Думается, что такой упрощенный подход в немалой мере мешает развитию разносной торговли. Дело это только внешне простое. Здесь есть свои сложности, в которых следует разобраться. Это — дело, которому следует учить, к которому надо приохотить профессиональной учебой. Пожалуй, разносчику больше, чем обычному магазинному продавцу, требуется знание психологии покупателя, требуются память, умение с достоинством и тактом предложить товар, не в магазине, подчеркиваю, а в квартире. Сейчас стало едва ли не нормой ссылаться на подсчеты социологов. Там, где речь идет о продавцах-разносчиках, это просто необходимо. Напомню, что «в табели о рангах» профессия продавца имеет очень невысокий коэффициент престижности — она набрала всего 2,75 балла, что обеспечило ей скромное 70-е место, одно из последних. Для сравнения замечу, что занимающий третье место радиотехник имеет 7,62 балла. А если бы выделить в группе «продавцы» подгруппу «продавцы-разносчики», то здесь коэффициент, видимо, окажется еще более низким, чем 2,75.

Но почему же так мало Плешковых? И почему число их не растет, а уменьшается?

Прежде всего поведу речь о технике, которая облегчила бы труд этих людей. Хорошо, что в том магазине, из которого этот репортаж, директор придумал довольно удобные тележки, нашел, где заказать их.

В том же Дзержинском райпищеторге пытались было приспособить мотороллер, но он не оправдал себя. Не подоспело еще его время? Может быть. Думаю, что случилось это из-за кустарщины в постановке разносно-развозной торговли вообще. Техникой надо заниматься в комплексе — одним мотороллером проблему не исчерпать, всех дыр не залатать. И в Главторге Мосгорисполкома и непосредственно в управлении по торговле продовольственными товарами понимают, сколь остра эта проблема. Стремятся решить ее. Но делают это, как мне представляется, пока недостаточно последовательно. Привлекли к изучению особенностей разносной торговли ученых института народного хозяйства имени Плеханова. Сам по себе факт отрадный: всерьез за дело берутся. Конструкторы разработали и прислали чертежи коляски, специально приспособленной для разносчика. По идее такие коляски-фургончики автомобиль будет развозить по дворам домов. Солидное облегчение продавцу. Он подойдет к фургону, откроет дверцы, отберет нужное — и по этажам. А освободился часок — можно поторговать прямо с фургонного лотка. Здесь же, во дворе дома. Но вот беда: нет еще ни одного, даже пробного образца такой тележки.

И уж вовсе забыли о технических мелочах: у разносчика, к примеру, нет специального кошелька. Обычный не используешь: к концу смены набирается килограмма полтора-два монет. Подошла бы сумка вроде той, что применяли в свое время кондукторы трамваев. Но никто не позаботился, чтобы такие сумки снова начали выпускать. Следовало бы подумать, чтобы была у продавцов-разносчиков своя форменная одежда — удобная, практичная и красивая. Именно красивая. Это важно для повышения престижа профессии, особенно в глазах молодежи. Нужна особая обувь, очень нужна: продавец весь день на ногах и с нелегкой ношей.

В Главторге ищут пути развития разносной торговли. В одном из домов на Ленинском проспекте «заложили» любопытный эксперимент. Жэк выделил небольшое помещение, где разместилось 60 ящичков. Возвращаясь с работы, вы оставляете в отведенном для вашей квартиры ящичке записку-заказ. И получаете заказанные накануне продукты. Разносчику-продавцу уже не придется таскать многокилограммовые ящики с этажа на этаж. Сейчас же разносная торговля просто не по силам пожилому человеку. Попытки использовать пенсионеров оттого и заканчиваются неудачей, что редко кому из желающих час-полтора потрудиться на таком торговом поприще это «по плечу». Ведь необходимо поднять и перенести несколько десятков килограммов продуктов. Сдерживает развитие разносной торговли, расширение ее номенклатуры и недостаток фасованных товаров. Не следует ли попытаться организовать выпуск тех или иных продуктов, расфасованных специально для разносной торговли?

В Московском управлении торговли продтоварами мне рассказывали, что в порядке опыта кое-где хотят ввести абонементы. Приобрел такую книжечку на десять стандартных покупок, и знаешь, что десять дней кряду будешь получать молоко, кефир и те же глазированные сырки, на которые есть спрос и которые магазин № 27, например, получает далеко не всякий день.

Возможности у разносной торговли большие. Она способна сберечь покупателям многие тысячи часов, которые сегодня приходится проводить у прилавка магазинов. Давайте же приблизим день, когда утро большинства наших квартир будет начинаться со звонка в дверь и с фразы, которая мне так понравилась у Марии Ивановны: «Молоко вкусное, свежее. Пейте на здоровье!»

ПУБЛИКУЯ РЕПОРТАЖ «ПРОДАВЕЦ СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ...», РЕДАКЦИЯ ПРИГЛАШАЕТ ЧИТАТЕЛЕЙ ПРОДОЛЖИТЬ РАЗГОВОР О РЕЗЕРВАХ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ.

Наби ХАЗРИ

МА

* * *

Вершина
В венце высочайшего снега —
мать моя.
Подруга,
Ровесница,
Спутница века —
мать моя.
Уставшее солнце
Легло в тишине отдохнуть,
Река
Многотрудный
И долгий закончила путь,
Осталось
Пустынное
тихое озеро —
Старость...

* * *

В этот вечер
Коснулось волос моих
Вдруг
Тепло материнских рук,
Материнских рук.

Как листья чинары,
Морщинисты руки родные,
Как ветви чинары,
Мозолисты руки родные.

Всю жизнь
Надо мною
Склонялись они,
Трепетали.
От скольких несчастий
Меня сберегли, удержали!

В этот вечер
Коснулось волос моих
Вдруг
Тепло материнских рук,
Материнских рук.

Как листья чинары,
Прошлись по моим волосам,
Как листья чинары,
Дрожащие
Тихие руки.
И снова,
Как в детстве,
Подняли меня к небесам
И в мир возвратили
Все запахи,
Краски
И звуки!
Коснулись волос
Материнские руки.

* * *

Не знавшие отдыха
Руки
Сейчас от забот
далеки.
Как листья осенние,
Руки
Прозрачны сейчас
и легки...
Сейчас для нее
Этот мир —
неподвижность и тьма:
Создавшая свет,
она света не видит сама!
О чем она грезит?
Глаза ее мрака полны...
Но свет ее взора
Остался в узорах «халы» [1]!
И каждый ковер,
как мечта,
многоцветен,
И каждый оттенок
трепещуще чист:
То блеск
золотого граната
заметен,
То тенью мелькает
ореховый лист.
И каждый,
Как вызов тоске и разлуке,
Пылает —
попробуй его потуши!
Целую,
склонясь,
материнские руки,
Соткавшие
Светлую песню души.
Сегодня для матери
Мир этот
тьма:
Создавшая свет,
Она света не видит
Сама.
Неподвижно лежит...
И случайному
Кажется взгляду —
Просто
старая женщина спит,
Спит,
подобная зимнему саду.
Три сестры,
Три сестры мои
столько ночей молчаливы,
И, сменяя друг дружку,
в тревожном огне ночника,
Три сестры,
Три сестры мои,
Три печальные ивы,
Наклонились над жизнью ее,
высыхающей, словно река.
— Наложите мне на руки хну[2],—
мать однажды сказала.—
Может, легче мне станет,—
тихо-тихо сказала.
Эти руки —
в морщинах,
в петельках,
в рубцах от сновальни [3],—
Словно руки невесты,
сияют,
покрытые хной,
Словно путь
предстоит ей сегодня
счастливый и дальний,
Словно кто-то ее
в колеснице умчит
расписной.
Столько радости
в голосе было ее
в это утро,
Словно все отступило —
и старость ее
и беда.
— Посмотри-ка сюда,—
окликала меня поминутно...
Мама, мама,
куда ты спешила?..
Куда?..

* * *

Гладит волосы мне
Так прощально,
рукой шелестя.
Гладит волосы мне,
Шепчет:
— Сын мой...
Дитя...
Как дитя,
Я, отец трех детей,
Как дитя,
Я стою перед ней!
О печаль моя тихая,
мать!
Если б стал я ребенком,
Ты б с кровати могла этой встать.
Если б стал я ребенком,
Зацвела б
твоей жизни весна.
Если б стал я ребенком,
Вышло б солнце,
взошла бы луна.
Если б стал я ребенком,
Я б в счастливом услышал краю,
Если б стал я ребенком,
Колыбельную песню твою...
Если б стал я ребенком!

* * *

Ты превыше всего
На земле
Для меня.
Ты мне звезды дала
И сияние дня.
Помогла ты мне
Многое в мире понять,
Хоть сама не могла
Ни читать,
Ни писать.
Мне начертаны дни
Не судьбою слепой —
Материнской рукой,
Материнской рукой!
Хоть и дальше Баку
Не бывала нигде ты,
Мы немало с тобой
Походили по свету!
Ты во многих краях
Побывала со мной —
Незабвенной,
Печальной,
Далекой,
Родной!
И звучало во мне,
Словно песня дорожная:
С тихой ласки твоей
Начинается Родина...
И со всех
Приходили со мною
Сторон
Чужедальние страны
К тебе на поклон!

* * *

Когда обожгло
вдохновенье меня,
И стало мне мало
и ночи и дня.
Мне
нету покоя!
И часто во сне
Строка
прилетает, как птица,
ко мне.
И длится полет,
достигающий звезд,
Я
землю и небо
связующий мост...
Такая судьба
и такой у нас дар,
Нас время берет
в свои руки,
как тар[4],
Настроит,
как струны,
дыханьем своим —
Одно дуновенье,
и мы зазвеним!
Почему ты
поэтом
меня родила?
Почему
я склонён
над квадратом стола?
А мечтал я
геологом стать.
Разве плохо,
Если в даль голубую
уводит дорога?
Почему я не стал
в этом мире
врачом?
Жизнь
была бы мне другом,
Смерть
была бы врагом!
И сияли бы звезды,
как капли, дрожа,
Славя блеск
исцеляющего ножа.
Но я
добровольно
на сердце надел
Тяжелые цепи —
искусства удел!

---

[1] Халы — самотканые ковры.
[2] По восточному обычаю руки невесты перед свадьбой намазывались хной. Хна употреблялась также как болеутоляющее средство.
[3] Сновальня — станок для тканья ковров.
[4] Тар — музыкальный инструмент.

Т Ь

Сквозь время —
под небом
то синим,
то серым —
Судьба моя
движется,
словно галера.
Вздымается слово,
владыка сердец,
Но сам я
прикован к нему,
как гребец!
И я бы
не смог
ничего написать,
Когда б над собою
не чувствовал мать!
Как солнце,
как бога,
как гений добра...
Светит она,
как сияет гора.

* * *

Вдруг...
Черный ветер подул...
Как ворон, взметнулся...
С матерью
я заснул,
Без матери
я проснулся.
И дни мои
остановили бег...
И мир
застыл.
И в мире выпал снег.

* * *

Шел белый снег...
Шел черный снег
Три дня.
Тяжелый снег
Печали и разлуки...

Не поднялись,
Не шевельнулись руки,
До солнца поднимавшие меня.
Она
Одно-единственное слово
В последний миг
Успела прошептать,
Замкнулся круг
Пути ее земного,
И мать моя
Свою
Позвала мать!

Замкнулся круг,
Подведена черта,
Конец соединившая
С началом...
И, как душа моя,
Как сирота,
В минуту эту
Время закричало!
Как я
У этой траурной постели,
Грядущие века
Осиротели...

И наступила в мире
Тишина.
И мать осталась с вечностью
Одна.
Не слышен ей
В краю ее
Глухом
Ни голос мой,
Ни ветер
И ни гром.

Теперь тревог не знает
И забот,
Теперь над ней
Огромный небосвод.

Наш дом
С ее могилою сырой
Соединяет радуга
Порой.

Теперь к тебе
Я буду приходить,
С тобой
Без слов
Я буду говорить...
Над этою
Могильною травой,
Пока я жив,
Я памятник живой!
Когда умру,
Как отзвук дней твоих,
Среди живых
Останется мой стих!

* * *

Когда мне ночь
И тишина
Невмочь,
Ко мне подходит
Потихоньку
Дочь.
Моих волос коснется
В тишине...
Как будто юность
Возвращает мне!
Чинары древней
Тоненькая ветвь,
От матери моей
Живая весть —
Моя родная дочь,
Пери-ханум...
Великое
На свете чудо есть!
Моя родная мать,
Пери-ханум,
Я голос твой
И взгляд твой узнаю...
Ты юность мне
Оставила свою!

И я согрет,
склоненный над строкой,
Твоим дыханьем
и твоей рукой.

Перевел с азербайджанского
А. Передреев.

НИ СЛОВА ВРАГУ...

Фильм «Ключ», демонстрировавшийся на Неделе чехословацких фильмов в Москве, выпущен к 50-летию Компартии Чехословакии; он рассказывает о деятельности коммунистов в самое трудное для народа и страны время гитлеровской оккупации.

Герой картины — коммунист Ян Зика — сильный, целеустремленный человек. Впервые мы видим его уже в руках гестапо — умирающим, искалеченным, но не сдавшимся. Бессильны и ничтожны перед ним враги, их угрозы и уговоры: Зика так и не скажет им ни одного слова... Ведь именно одного слова было бы достаточно начальнику гестапо, чтобы нащупать нити к подпольной организации.

Нередко в фильмах режиссеры, показывая жизнь героя в настоящем, «перебивают» ее время от времени воспоминаниями о прошлом. Не во всех картинах этот прием бывает оправдан, но в данном случае он действительно необходим. Каждый раз, когда начальник гестапо задает вопрос Яну Зике — роль превосходно сыграна актером Франтишеком Вицэной,— тот, закрыв глаза, вспоминает свою жизнь...

Воспоминания героя, в общем-то, и есть ответы на вопросы гестаповца. Мы, зрители, видим жену и дочерей Зики, его верных товарищей; перед нами проходит подпольная деятельность коммуниста... Но он молчит... И снова возникают кадры, возвращающие нас к страшной реальности.

Казни, казни, казни... Гибнут сотни, тысячи патриотов. Умирает и Ян Зика, оставляя беситься в бессильной ярости врагов. Его смерть спасает жизнь многим борцам, их семьям, детям...

Конец картины «Ключ», поставленной замечательным режиссером Владимиром Чехом, символичен. Голос за кадром называет имена погибших героев-коммунистов, а на экране одно за другим падают на землю могучие деревья. Вот наступил миг, когда нет уже ни одного устоявшего дерева: прекрасные, зеленые их кроны покоятся на земле... Но трагический кадр тут же сменяется новым: молодые побеги уверенно пробиваются к солнцу, к жизни...

Н. АЛЕКСЕЕВА

Кадр из фильма «Ключ».

АКТЕРСКИЕ УРОКИ ФЕДОТОВОЙ

К 125-летию со дня рождения Г. Н. Федотовой

Когда я думаю о Гликерии Николаевне Федотовой, мне прежде всего хочется подчеркнуть ее значение для дальнейшего роста театра, роста актеров всех поколений, и особенно молодежи. Мне хочется напомнить, что А. В. Луначарский писал: «Федотова — это соединение большого напряжения работающего ума, снабженного широким кругом зрения, с одной стороны, замечательных сценических данных и богатейшего темперамента, с другой, и, с третьей — принципа устремления к самой предельной простоте и жизненной правдивости изображения».

Великая русская актриса Г. Н. Федотова является примером того, как надо непрерывно совершенствовать мастерство, серьезно относиться к каждому своему шагу в творчестве, глубоко любить театр, понимать его огромное значение для общества.

Великая актриса, ученица Щепкина, сама будучи воспитателем и режиссером-мыслителем, Г. Н. Федотова наиболее полно выразила в своих сценических образах богатейшие творческие традиции Малого театра. Широкие творческие обобщения Щепкина находили в деятельности Федотовой яркое практическое применение. Свой богатый опыт она передавала новым актерским поколениям.

Это она, Федотова, что называется, подтолкнула руку Владимира Ивановича Немировича-Данченко, написавшего историческое письмо Станиславскому с предложением встретиться в «Славянском базаре». Встреча состоялась, и был основан МХАТ... Творческое же общение К. С. Станиславского с Г. Н. Федотовой, лучшей из учениц Щепкина,— это один из источников, которые в дальнейшем образовали его могучую систему...

Федотова шла к постижению тайн актерского мастерства исподволь, через каждодневный, огромный, упорный и тяжелый труд. А ведь такого труда и сегодня требует профессия подлинного актера-художника, если он хочет отвечать задачам своего времени.

В этом — суть актерских уроков Федотовой.

Н. АННЕНКОВ,
народный артист СССР

КРАСНОЯРСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,

фото Г. КОПОСОВА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Человек был один в сотворенном им мире. Тут был его дом, где он жил и работал, лежали его поля, колосилась его пшеница. Он и растения были связаны неразрывными узами взаимной помощи: он ухаживал за ними, а они давали ему пищу и воздух, которым он дышал...

Так проходил закончившийся недавно эксперимент в Институте физики имени академика Л. В. Киренского Сибирского отделения АН СССР.

Однако расскажем все по порядку.

* * *

К этому опыту ученые готовились долго, тщательно продумывая каждую мелочь, каждую деталь. Они думали о космосе и о земле, о межпланетных путешествиях, о деле далекого будущего и о самых злободневных, насущных проблемах сегодняшнего жителя Земли.

Ровно месяц провел испытатель в герметичной камере. Вопросы психологической изоляции не ставились. Испытатель свободно разговаривал по телефону со своими коллегами и друзьями и даже смотрел по телевизору футбольные матчи. Но изоляция от внешней атмосферы была полной. Через переход в специальном отсеке кабины находилось «поле» с растениями, за которыми ухаживал испытатель. Растения, как и на Земле, очищали воздух, давали кислород, составляли витаминную основу его питания.

Давно ведутся опыты с одноклеточной водорослью — хлореллой, умеющей хорошо очищать воду и воздух. Взаимоотношения человек — водоросли в искусственных системах еще долго будут изучаться исследователями. Красноярские ученые ввели еще одно звено: человек — водоросли — высшие растения. Растения должны не только служить регенератором воды и газа, но и давать привычную человеку пищу.

Но как посеять и взрастить поле в замкнутом пространстве космической станции? Какие выбрать культуры? Будут ли они плодоносить? Как согласовать жизнь человека и растения? Как добиться гармоничного их сосуществования, полной регенерации среды друг для друга?

Сотни вопросов встали перед исследователями. Ясно было только одно: обычные методы, обычные сельскохозяйственные культуры, дающие один урожай в год, вряд ли пригодны.

Все это требовало не просто разработки частных вопросов, а создания новой системы, новой организации процесса биологической регенерации, который должен идти постоянно и непрерывно. Создать такую модель можно только совместными усилиями ученых разных специальностей. Не случайно работа красноярских ученых, о которой докладывалось в Аргентине — на XX конгрессе Международной астронавтической федерации, в Японии — на Международном симпозиуме по космической науке и технологии, и на Ленинградском совещании Международного комитета космических исследований, заинтересовали самый широкий круг исследователей, начиная с биофизиков, химиков и кончая селекционерами. И в этой связи характерны биографии людей, готовящих эксперименты. Они очень разные, эти исследователи, разные по судьбам, характерам, методам работы, но гораздо важнее то, что их объединяет. В биологию многие из них пришли из физики, взяв с собой ценный багаж — владение математическим аппаратом и физическое мышление, или из биологии и медицины, захватив с собой не менее нужный им теперь опыт. Их объединяет широта интересов, неудовлетворенность сделанным, то драгоценное качество молодости, которое далеко не всем удается сохранить на всю жизнь.

Начались подготовительные работы. Для одного из опытов решили взять пшеницу, наш хлеб насущный, к которому так привык житель Земли. Ставились, казалось бы, неразрешимые задачи, предъявлялись к растению совсем новые требования: низкий рост, большая урожайность, непрерывность процесса созревания. А как быть с земными сутками, с чередованием дня и ночи, к которым привыкли все растения на нашей планете? Ведь в космическом полете таких суток не будет.

Я видела колосья пшеницы, которая уже восемь поколений прожила без темноты, при постоянном освещении. Девятое поколение снова высеяли в поле. И пшеница показала, что она «зла не помнит». Впрочем, эксперимент ученых обернулся для нее не злом, а добром, ведь в искусственно созданных условиях она стала давать по шесть поколений в год!

С овощами дело обстояло несколько иначе. Помидоры, например, не могли обойтись без темноты. При восемнадцати часах дня они требовали шести часов ночи. Очень важным оказался вопрос и о том, на каком расстоянии должны располагаться друг от друга растения, чтобы можно было максимально использовать площадь, чтобы не пропадали ни свет, ни питательный раствор.

В лаборатории был создан специальный конвейер, где растения проводили всю свою жизнь от посева до созревания в отверстиях на рейках из оргстекла. Рейки передвигались в зависимости от роста растений. Молодые побеги стояли густо. Потом рейки раздвигались, расстояние между растениями увеличивалось. Ученые добились, чтобы конвейер работал без перебоев: вначале на нем зеленели побеги, в середине — завязывались плоды, в конце — можно было собирать готовый урожай.

Четко разработали систему газообмена. Примерно четверть суточной нормы кислорода для человека должны были давать высшие растения, три четверти — хлорелла, которая принимала активное участие в регенерации газа и воды, но в пищу не шла. Волновал ученых и вопрос о пыльце растений, не скажется ли ее наличие в воздухе столь небольшого замкнутого пространства отрицательно на состоянии человека? Совместим ли человек и эти растения?

Предварительные результаты были обнадеживающими. Но полный ответ могут дать только эксперименты. Их провели один за другим. Сначала в герметичной системе поселились человек, хлорелла и пшеница. Пшеничное поле составило четыре с половиной квадратных метра. Каждые два дня испытатель, ставший хлеборобом, снимал урожай. Взамен колосьев он получал испеченный из этого количества зерна маленький хлебец, который дополнял его дневной рацион питания. По специальным воздухопроводам очищенный растениями газ подавался в отсек, служащий домом испытателя. Приборы постоянно измеряли чистоту воздуха, температуру и состав газа в атмосфере кабины, медики внимательно следили за состоянием испытателя. Биологическая система регенерации работала четко и с большой степенью надежности.

В следующем опыте «пшеничное поле» сменил небольшой «огород». На такой же площади в системе поселились огурцы, помидоры, редис, свекла, морковь, укроп, репа. Испытатель в течение месяца ухаживал за огородом. Тридцать раз он снимал урожай — полкилограмма овощей в день. Они были витаминной основой его питания.

Первая серия экспериментов закончена. Обрабатываются данные. Ученые осмысливают полученный опыт, намечают новые пути поиска.

— Не знаем, пригодится ли этот опыт космическим кораблям будущего,— говорит директор института член-корреспондент АН СССР Иван Александрович Терсков.— Может быть, человечество к тому времени придумает что-нибудь и получше. Во всяком случае, сейчас представляется, что при создании постоянно действующих межпланетных станций биологические системы регенерации с космическими оранжереями или без них окажутся наиболее рациональными. Освоение далекого космоса — дело будущего. А вот для лучшего освоения родной планеты наши опыты уже пригодились.

Исследования, связанные с освоением космического пространства, недаром называют ускорителем прогресса. Красноярский эксперимент в широком смысле — это модель взаимоотношения человека и окружающей его природы. Взаимоотношения человек — среда управляемы, и задача сохранения природы состоит прежде всего в том, чтобы активно и разумно пользоваться ее дарами: водой, воздухом, полезными ископаемыми, лесом, рыбой.

Однако красноярские эксперименты дают не только некую философскую модель взаимоотношений человек — природа, но и помогают решать конкретные вопросы.

В Институте физики Сибирского отделения Академии наук СССР я видела письма, пришедшие в Красноярск с Хакасской опытной станции, Всесоюзного института зернового хозяйства, Бурятской сельскохозяйственной станции, Красноярского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Эксперименты красноярских биофизиков заинтересовали их тем, что в ходе работы ученые нашли способ ускорить создание новых сортов, удлинить, если можно так сказать, жизнь селекционера.

— Я сам по образованию селекционер,— говорит заведующий лабораторией Генрих Михайлович Лисовский.— И я понимаю, что значит это сэкономленное время, годы жизни. Конечно, созданная у нас лаборатория не может удовлетворить требования всех селекционеров страны. Мне думается, необходимо организовать в стране несколько подобных центров. Пора переводить наш научный опыт на промышленные рельсы.

...Вот в каком неожиданном качестве обернулась лишь одна из сторон исследования красноярских биофизиков. Ведь ученые, готовившие этот эксперимент, думают о космосе и о Земле, о деле далекого будущего и о злободневных насущных проблемах жителей Земли. Так смыкаются науки «небесные» и «земные».

Директор Института физики СОАН СССР, член-корреспондент Академии наук СССР И. А. Терсков в лаборатории. ▶

Всю жизнь эти побеги проведут на рейке из оргстекла.

Идет эксперимент. Лаборант Э. Чихачева следит за состоянием водорослевого культиватора, а в герметической кабине земного «космического» корабля проходят медицинские и биологические исследования: измеряется легочный объем испытателя, ведутся наблюдения за ростом пшеницы в фитотроне.

Лбов

Григорий **КОНОВАЛОВ** РАССКАЗ Рисунок **П. КАРАЧЕНЦОВА.**

1

Третьи сутки они пробирались по лесам и горам к морю, обходя стороной заставы немецких егерей. Хлеба осталось на двоих не больше фунта. Ели дикие груши, благо что заморозки выжали из них горький сок. Дуб уже обронил коричневые картечины желудей, кровенели не успевшие опасть кизиловые плоды, рдела опаленная студеными утренниками рябина. В чащобе порскали нагулявшие жирок кабаны, глухарь поглядывал с чинары яхонтовым глазком, кружил на уровне гор тугокрылый, с чалой изморозью орел. Обильно политые поздними дождями камни плакали светлой, родниковой слезой. Размежеванное зубчатыми скалами небо грозно хмурилось беспокойно перекипающими облаками, временами и они начинали кропить скупо, но упорно. По Черкесскому ущелью хлынул морской с сольцою ветер, обжигая губы. Донага раздевал он деревья.

Петлюшка тропы, вильнув в колючую заросль держи-дерева, привела к крутой, будто из бронзы литой скале. Лбов снял автомат с плеча, оглядел скалу. Молчал, гоняя желваки на скулах. Потом сказал обрывисто:

— Лезь, Яков, по моей спине. — Пригнулся, упираясь руками в колени.

Длинный, вихлявый Грядкин забрался на его плечи, потоптался, покачиваясь, влез на скалу. Обозрев лесную окрестность, он размотал со своего тонкого чресла веревку, один конец привязал к кривому дубку, другой бросил товарищу.

Невысокий, сухой Лбов с кошачьим проворством забрался на скалу. Полногрудые, снеговой белизны облака медленно клубились в ущелье, ластясь у ног.

— Кум Сергей, мы с тобой вроде святых праведников: эко, какие перины постелил нам господь бог! За наши муки. Так бы и развалился, да без бабы замерзнешь... Третий месяц живой бабы не видал. Только во сне и порадуешься иной раз.

Лбов молчал, в серых с голубинкой глазах томилась давняя затаенная тоска.

— Сыро тут, кум, бороду отжать, что ли. У тебя усы что пшеница в росе.— Грядкин умолк на минуту, потом опять заскрипел хриповато: — Ну, скажи хоть слово! Язык, что ли, прикипел к зубам?

Лбов усмехнулся, под усами льдинкой высветлились плотные зубы. Вынул из сумки последний кусок черствого хлеба, разломил пополам.

— Пожуем, Яков. Прихлебывай водичку.

В каменных пригоршнях у скалы перекипал, пузырясь, родничок, донося скрытое в недрах горы тепло. Лбов обмакнул корку, не торопясь стал есть.

Грядкин горевал:

— С этой водицы будем, Серьга, резвые, как олени. И что за вкус находят люди в таких ополосках? Весь бы родник променял я на кружку самогонки.

Лбов снял шапку, отвернул подкладку, вытащил кисет с последней щепоткой махорки. Крепкие короткие пальцы ловко свернули цигарку, высекли кресалом огонь. Затянулся два раза, обволок дымом желтые, с проседью усы, передал Грядкину цигарку.

— Молчишь, кум? Так я отвыкну разговаривать,— между двумя затяжками пожаловался Грядкин.

— Меньше глупостей будет наговорено,— глухо отозвался Лбов.

— Ладно, прикушу язык. На всю жизнь. Просить будешь — не отвечу. Не гляди, ради Христа, на меня, как волк на ягненка. Не я войну придумал, пропади она пропадом, зараза!

Минут двадцать Грядкин молча брел за кумом, поглядывая на его широкую спину.

— Скушно так-то иттить. Садись на меня верхом, потом я на тебе поеду, а?

Лбов молча глянул на кума через плечо, плюнул.

— Эх, Сергуня, молчанием горе не осилишь. Мишутку не вернешь. Кого не прищемила беда? Посекла сердце градобоем. Я с того, может, калякаю без умолку, что жить мне непосильно. Глубоко, в самую печенку допустили германца. Видано ли: Украину подмял, Кубань перешагнул, Волгу за горло хватает. Чаяли ли мы такой беды? В глаза бы наплевал тому, кто сказал мне прежде, что на Кавказ припожалует немец.

— Через таких, как мы, говорунов... А Мишутку чего равняешь с большими? Те воины, а он? Мало нас немцы бьют, вот что! Какие мы с тобой вояки, если трехлетних оборонить не могли? Этого греха вовек не простить, не забыть. Себе не прощу.

— Кум Сергей, а может, затаенность хитрая с нашей стороны, а? Заманим подальше, вползет он с пятками, распалится, возгордится, тут-то и прихлопнем крышку. Выдернем ноги вместе с головой, а? В драку кинуться не мудрено, да не просто выбраться из нее. Думаю, что мы хитрим с ерманцем.

— Нос в крови, а мы кричим: наша берет!

В распадине у горной речушки, взыгравшей от дождей, наткнулись на кавалерийский лагерь. Старик рубил дрова под навесом. В хлеву мычала корова. Кавалеристы в бурках пели у коновязи:

Ой ты, Галя, Галя молодая...

Кони обгладывали кору с молодых тополей.

— Эх, сердешные, давно, видно, спокинули свою Галю,— сказал Грядкин.— Вот и поют-печалуются.

Тут-то и подлетели к ним два вертких кабардинца в черкесках. Грядкина они приняли за старшего, очевидно, потому, что был он высокий и на голове его лихо сидела рыжая, с золотым отливом кубанка.

— Свой я! Чего ощупываете, как курицу? Не несушка я, ей-богу! А это мой кум, идем по секретному заданию. Весело живете, а у нас курсак пропал,— балабонил Грядкин, покорно давая обыскать себя.

Один кабардинец потянул автомат из рук Лбова, но Сергей, оскалившись, отрезал:

— Не дам. Сам добудь.

Пожилой старшина увел Грядкина в сарайчик. Лбова забрал в хату лейтенант. Он расспросил его, кто они и куда идут.

— Ладно, проводим вас до моряков,— сказал он.

Но тут зашел старшина и, зверем взглянув на Лбова, сказал:

— Товарищ лейтенант, того вихляя длинного я запер на замок, поставил караульного. Не поймешь, чего балакает. Не иначе, как старостой у немцев прислуживает. Про какую-то стратегию туманит мозги.— Старшина вдруг выкатил изумленные глаза.— А может, он генерал, а? Только того, форму сменил или... помешался.

— Да что же он гуторит? — спросил лейтенант, из-под чуба косясь на Лбова черным глазом.

— Критикует стратегию, товарищ лейтенант. У него, видите, есть свой план одоления немцев. Так что сидит под замком.

— Побольше каши дайте ему, и тогда силой не выкурите его из каталажки,— сказал Лбов.— Говорун, каких свет не видал. Однако храбрый.

Вышли из хаты. Бойцы обедали вокруг котла. Из широкого оконного проема хлева высунулись две головы: коровья и Грядкина. С голодным вожделением смотрел Грядкин на котел, облизывал губы.

— А ты достань языком свою ноздрю, как эта корова, тогда дам каши,— смеялся над ним повар.

— Кум Сергей, с чего они измываются надо мной? — закричал узник.— Чай, я не мирской бугай, чтоб держать меня с этой белолобой коровой. Я есть партизан, гроза фрицев! Освободите, а то по бревну раскидаю эту скотскую тюрьму!

Лейтенант приказал выпустить Грядкина, вернуть ему автомат и обоих партизан накормить обедом. Грядкин с ходу ринулся к котлу, но Лбов поймал его за хлястик ватника:

Круглосуточно врачи следят за состоянием здоровья испытателя.

Через 60 дней после всходов.

Каждые сутки испытатель снимал урожай — 50 граммов зерна.

— Некогда трапезничать. Идем.

Повар сунул в руки Грядкина алюминиевую миску, сказал великодушно:

— Возьми на дорогу кашу, она с мясом.

Грядкин раскорячился над котлом, ворочал черпаком до самого дна, выбирая куски мяса пожирнее, с великим гневом поглядывал на удалявшихся Лбова и лейтенанта.

— Умрешь с таким кумом...

— Не зарывайся, дядя, всю конину не унесешь,— толкал его в бок старшина.— Могу опять в гости к корове отправить.

Грядкин догнал товарища за каменным полуразрушенным мостом.

— Кум, хватай этот проклятый мосол, пережег руки!

Простившись с лейтенантом, кумовья пошли по кремнистой дороге, круто спускавшейся в долину. Присели на камне поесть.

— Надо бы спиртяги попросить у лихих конников,— сожалел Грядкин, выскребывая пальцами кашу со дна миски.— Папирос взяли, а о крепком из ума вышибло. Кум, моталыжку-то я понесу или ты?

— Не кобели мы с тобой махан таскать.— Лбов затянулся дымом папиросы.— Положи на камень, птица покормится.

И снова двинулись в путь. За каменистыми желтыми отрогами открылось море в сумрачной вечерней синеве. Лбов оглянулся на кума — тот яростно обгладывал мосол.

— Кинь к черту эту кость! — сердито рыкнул Лбов.— Не потащишь же в зубах...

— Стой!— хлестнул окрик.

Лбов и Грядкин пока не видели того, кто напугал их, но им понравился этот просоленный, властный голос.

— И так стоим. Чего же дальше? — говорил Грядкин, всматриваясь в заросли ежевичника.— Не боись нашего оружия, оно хоть немецкое, да в руках-то русских.

— Да вас никто и не боится.— Морячок-крепыш в берете и бушлате вразвалку подошел к ним, потребовал документы.

Грядкин отвернулся, расстегнул штаны, услужливо подал вытащенную из потайного кармана желтенькую бумажку с печатью сельсовета. Лбов не торопился с документами, пристально всматриваясь в лицо моряка.

— Кум Сергуня, а это не твой Васятка? Похожи очень, — подобострастно говорил Грядкин.— Ить он тута морячит, кажись.

Угрюмоватый моряк скупо улыбнулся.

— Папаша, вы путаете. Васятка я, да не ваш сын.

— Веди к начальнику. Дело торопит,— глухо сказал Лбов.

Спускаясь к заливчику, спотыкаясь на камнях, Грядкин говорил весело играющим голосом:

— Напужал ты нас, соленый. Сколько те лет-то? Молод, а как расперло в плечах! Видать, жрете неплохо? Я тоже службу ломал в старые времена. В пехотуре, правда, однако на шесть вершков дал приросту. Домой вернулся, встал рядом с батей, а он едва до моего подбородка теменем достает. Да и то если подпрыгнет. Известно, я рос кверху, а старик по глупости к земле. Потому что человек, из земли взятый, и в нее же под конец стремится. Скрючился, как поздний огурец. Зато картошку быстро собирал: не надо гнуться в три погибели, и так носом чуть борозду не ковыряет.

2

В сером из ракушечных ноздреватых плит домике принял партизан молодой майор, командир батальона морской пехоты. Поправив повязку на лбу, пуская дым через свой утиный нос, он молча слушал их рассказы. Для него важно было выяснить одно: могут ли партизаны помочь высадке небольшого разведывательного отряда в тылу егерского полка. Цель: всполошить немцев, отвлечь внимание.

Лбов долго думал, потом сказал, что егеря сидят крепко, свежие, гладкие, у них много пулеметов и минометов. Треснули железным кулаком по партизанскому отряду — разлетелся, как стеклянный. Остатки ушли в горы. Нужно не менее сотни моряков, чтобы всерьез напугать егерей.

Грядкин ерзал на табуретке, и, только Лбов умолк, он вскочил.

— Сказывают, немец полез на Эльбрус. Это не беда. Окромя застарелого льда, там нет добра. Чего это, кум, мрачность такую нарисовал? Хватит нам десяти моряков. Фрицы, верно, гладкие, но, однако, пужают-

ся ночным временем. Офицеры живут в школе. Десяток нам смелых дайте, и мы так шуганем высчую расу, что она, то есть высчая, порток не успеет надеть. Полковника заарканим и его полюбовницу за подол схватим!

Лбов краснел за своего кума, улыбаясь виновато.

Майор оказался почти земляком. Расспрашивал о жизни в оккупации.

— Ну, а как озимь сеяли? — спросил майор.

— На чем сеять-то? Тракторов нетути, коней забрали,— сказал Лбов.

— Одни дохлые коровы! — весело подхватил Грядкин.— А это какая, черт, работа — на корове бороновать?

— Отдыхайте пока, дня через два начнем дело,— сказал майор.

Грядкин поселился на камбузе, пек блинчики для команды, с утра ходил навеселе, удивлял матросов рассказами о своих подвигах:

— Орудовал я по тылам. Погнались за мной ночью на полустанке. Я — в телячий вагон, а там — батюшки! — сплошные доннер-ветеры! Поезд тронулся. Молчу в темноте, прощаюсь с жизнью, с ребятишками, со старухой. И вот один сукин сын подошел к дверям. «Ты кто?» — орет. «Я фельд...»,— а «марщал» не успел договорить: цапнул он меня за горло. Я кувырк на полном ходу под откос, и его не забыл захватить с собой. Хватка у них мертвая: если вцепился, сдохнет, а не отпустит. Шмякнулся на его тело. Лежит пластом, бормочет: «Майн мутер». Вдруг как загрохочет тот поезд! Взорвался на минах, какие я понасувал час назад. Волоку его на спине в горы, говорю: «Благодари меня, ерманец, спас я тебя от крушения. Валялся бы сейчас в обломках. Ты должен мне за мои увечия пенсию платить до гроба».

Лбов редко сходил с десантного судна: сдружился с механиком. Этот механик и рассказал ему о его сыне: дней десять, как ушел с товарищами в диверсию, да так и не вернулся... Механик передал Лбову пуховую черкесскую шаль:

— Вася хотел матери подарить...

На рассвете высадился в каменистых шхерах десант. Лбов стоял на берегу, пока корабль не заволокло туманом. И все казалось ему, что чего-то не расспросил о сыне. Тревожное предчувствие угнетало его...

Днем отряд хоронился в лесистых горах. Хорошо видно из этих скал родное село: прямые, широкие улицы, левады, дома под черепицей. Над школой пласталось на ветру красно-черное знамя со свастикой. В ночь пришли с гор тучи, посыпал снег. Заголосили в лесу шакалки.

Лбов и Грядкин, покурив последний раз, потуже затянули ремни. Перешли речушку, не замерзающую и зимой, вышли к усадьбе машинно-тракторной станции. Ворота скрипели на ветру, пошатнулась подбитая снарядом силосная башня. Окна в мастерских выбиты, гудел в проемах сквозняк.

— Жди меня тут, кум Яша,— вдруг мягко сказал Лбов.— Я на минутку, навещу Степаниду.

— Сережа, забудь пока о ней... Ну, чего ты ей скажешь? Васька, может, жив, а ты бабу расстроишь. Мало она натерпелась?

— Жди тут,— непреклонно повторил Лбов.

К своему дому полз он огородами. Похрустывал ледок под коленями и локтями, ломались мертвые будылья подсолнуха. Крадучись, полз за ним и Грядкин.

Тихо открыл Лбов дверку из златодревки. Давно когда-то ездил гостем к кунаку в черкесский аул, привез тонкие слеги златодревки.

Грустное запустение двора. Ни кур, ни собаки. Крышка колодца сорвана, из темного зева торчало что-то. Присмотрелся: ноги человека, одна босая, другая в носке.

«Сколько же их, сердяг, покидали, если вровень накатали?» Подождал, пока не умолкнет пустушка, кричавшая, будто ребенок, забытый в степи. Осторожно постучал в окно, облитое наледью.

— Степанида, это я.

Давно не видал жены, не вдыхал хлебный запах родной хаты. Где-то гулко лопнул выстрел. Еще раз постучался. В промерзшем окне зачернела проталина: кто-то дышал в хате на стекло.

— Чего вам надо? — послышался зачужавший голос за дверью.

— Степанида, это же я... открой, родная.

Вышла на крыльцо в рядне, в старенькой Сергеевой шубенке Степанида. Глаза одичали, испуганно смотрели на него. Зажмурилась, ощупала пальцами лицо Сергея и заплакала беззвучно, сотрясаясь крупным телом. Была она выше Сергея, бывало, командовала им. А теперь покорно дала увести себя в сарай, усадить на опрокинутую колоду.

Распахнул он ее шубу, обнял.

— Ведь это же я, чуешь, Степанида?

— Да разве ты живой? Думала, блазнится мне... это с тех пор стало мерещиться. Как Мишу-то они...

Под крышей уцелели пучки душицы, пахло забытым зноем лета, сумерками, лесной зеленью. Вспомнил Сергей тропу по-над речкой к хате своей невесты, парное молоко, которым угощала когда-то его. Думал ли в ту пору, что придется на старости лет хорониться со своей Степанидой под сараем? В дом нельзя зайти даже погреться: дом теперь не его, а собственность германской армии. И о немцах он не думал плохо никогда: умные парни, не дадут одурачить себя, не пойдут разбойничать. Ошибся: они охотились за ним, посулили деньги тому, кто поймает. А кто укроет, того расстреляют. Один укроет — одного расстреляют, семья — семью уничтожат, станица — перевешают всех, дома спалят. Немцы аккуратисты, точные.

Что сказали, то и сделали. Сказали, придут на Кавказ, сядут на жирный русский чернозем — пришли, садятся. Железная хватка. Учитывают все: скотину, хату, людей, машины. По строгому расписанию отправляют в райх поезда с хлебом, маслом, салом и вином. Увозят девок и парней. Видать, крепко уверены: навеки заводят новые порядки... А ведь он, Сергей Лбов, не очень верил рассказам о беспощадной жестокости немцев. Яков Грядкин увез семью в горы, а он нет...

— И все блазнится мне, Сережа: играет Миша с котенком, а в хату забегает солдат, ножик на ружье... Так и проколол грудку. Пьяный али помешанный. Говорят, потом даже горевал. Да я уже не помню. Дед Рябошапка гуторил, будто в колодезь покидали убитых. Плохо владаю собой. Ночью-то страшно, все кажется: плачет кто-то в колодце. А то по хате ножками стук-стук. Миша — да и только.

— Держись, мать, держись. Нам сила нужна. Эх, бить бы их, кровью чтоб харкали! Много ли их в станице?

— Много. Насильничают. Я уж и то растрепой хожу, забыла, когда умывалась, причесывалась.

Сергей откинул рядно, прижался губами к шее жены.

— Отвыкла я, Сережа...

— Помнишь дорогу за гаем? Уж до того укатали ее, будто чугунная. А как перестали ездить, взошла травка, зажелтела сурепка. Так и люди! Прогоним немца, возьмемся за силу. Думай о Васятке.

— Да жив ли Вася-то?

— Жив. Был я у него. И вот тебе подарок.— Сергей вытащил из кармана шаль, замотал голову Степаниды.

Тут-то и заглянул в сарай Грядкин.

— Кума! Ей-богу, Васька жив и здоров. Угощал меня морской пищей! — врал он напропалую.

Лбов приказал ему немедленно идти к силосной башне. Грядкин ушел.

Сергей простился с женой, зашагал к воротам.

— Куда же ты? Они там ходят. Поберегись, Сережа.

— Плохо, что они ходят, а мы хоронимся. Не бойсь, родная. Я разузнаю кое-что.

Степанида видела: шел посредине улицы быстрым твердым шагом. Руки ее примерзали к железной скобе калитки, а она все стояла, пока не засосало Сергея бураном.

3

Диковинное творилось в душе Сергея Лбова: возненавидел себя за то, что до сих пор жил по-волчьи, боясь немцев. Теперь он не боялся их. Если до встречи с женой думал, что подкрадется к школе и кинет связку гранат в окно, то теперь намерения его изменились. Одно властное желание взглянуть в лицо врагам подавило все чувства страха, осмотрительности. И он шел, не хоронясь, по улице, как ходил до войны: твердо, чуть угнув голову, щурясь от бурана. Большим и сильным казался он себе.

У крыльца школы преградил дорогу пожилой солдат в очках, с винтовкой.

— Я староста из Куралтая.— Лбов сунул в лицо солдата бумажку и, не задерживаясь, прошел в школу. Окна завешаны дерюгами. В большом зале офицеры: несколько человек лежало на кроватях, трое, расстегнув кителя, ужинали за классным столом.

— Здравствуйте, господа обер-офицеры! — весело сказал Лбов, нажимая на слово «обер».

Они подняли головы. Автоматной очередью он свалил сидевших за столом, кинул гранату меж двух коек. Часового пнул ногой в живот, тот, выронив винтовку, перелетел через перила на ледяную горку.

Пули настигли его у левады, обожгли левый бок. Он лег на снег и, подавляя подступающую к горлу тошноту, выстрелил зеленую ракету. Тополя, заснеженные крыши хат облились ярким маслянистым светом. Стрельба и крики уже плохо доходили до его сознания. Он не знал, как долго длился налет партизан. Опомнился от тревожного, тоскливого чувства. Совсем близко чернели на снегу фигуры людей, слышалась чужая речь. Он хватал губами разлетавшийся снег, не спускал глаз с подходивших солдат. Они стреляли из автоматов. Когда подошли на несколько шагов, он занес руку с гранатой. Но рука упала. Острая боль придала ему силы. Здоровой рукой поднял из снега гранату и бросил ее под ноги немцев. Кто-то наступил на его грудь и ударил чем-то тяжелым промеж глаз. Опомнился под утро. Щекой почувствовал солому. Пасмурный свет просачивался через худую крышу сарая. Перед ним сидел на бревне немецкий офицер, папироса дымилась в его зубах, глаза смотрели упорно в лицо. Офицер допытывался, кто он и где его товарищи. Если Лбов не скажет, то его убьют, а если скажет, то будет жить.

Лбов чувствовал, что умирает, и не понимал, почему офицер придает такое значение тому, что ни от кого уже не зависит. Он молчал. Офицер присел на корточки перед ним и стал ковырять его раны. Лбов стонал, но стона своего не слышал.

Солдаты загоняли в сарай сельчан, спрашивали, признают ли они этого человека.

Старики качали головой.

«Какого человека знают?» — смутно проплывало в сознании Лбова. И вдруг он увидел волны моря, себя молодым, загорелым. А вот сады замерли жарким полднем, а он и Степанида срезают в винограднике гроздья, на ней пуховая черкесская шаль. Да это не она, а мать ведет его за руку в белую церковь. «Батюшка, не знает малец грамоту, еще не учился»,— говорит мать. «Не знает, не знает!» — повторял Лбов.

— Я знаю его, он из гор, охотник,— услыхал голос Степаниды. И опять увидал худую крышу сарая и сразу вспомнил, где он и что с ним.

— Нет, нет, это охотник. Какой он партизан?

Лбов перевернулся на соломе и вдруг сел. Откинувшись головой к стенке, поддерживая сникающую голову рукой, он искал глазами Степаниду. Изо рта текла кровь, в горле хрипело. Красная пелена заволокла людей. С трудом поднял веки и увидел глаза жены. Твердо смотрел несколько секунд, потом зажмурился. Последнюю пулю, оборвавшую его жизнь, он встретил спокойно.

Игорь НЕТТО,
заслуженный мастер спорта СССР

ФУТБОЛ ИЗДАЛИ И ВБЛИЗИ

И снова пришла пора футбольная. Для меня это уже двадцать пятая футбольная весна. Много интересных событий осталось в памяти, многое изменилось в игре с тех пор, как я вышел в составе юношеской команды впервые на большое футбольное поле.

Но одно осталось неизменным. Не могло измениться. Интерес к футболу как к зрелищу необычайно яркому, захватывающему. Развивалась и обогащалась техника, менялись тактические взгляды, росли скорость и атлетизм. Уходили мастера своего времени, приходили мастера времени другого, нового. Трибуны видели все, переживали и терпели радости и огорчения и всегда дружно поддерживали то лучшее, что нес футбол.

Я знаю на опыте своем и своих товарищей, как много значит реакция трибун на то, что происходит на поле. Когда играл, не мог себе представить ничего тоскливее скуки на трибунах, ничего более удручающего, чем глухая, равнодушная тишина, оглашаемая по временам ироническими смешками и ленивым свистом.

Футбол немыслим без души и без горения. Такая уж эта игра, что, если не отдаешь себя всего, без остатка каждой минуте спортивной страстной борьбы, нечего и выходить на поле.

Почему мне прежде всего об этом подумалось на старте нового футбольного сезона?

Потому что я видел несколько матчей подряд, поразивших меня своей бессодержательностью, пассивностью футболистов, примитивизмом игры.

Не знаю, кто именно выдумал ставший ходким всепрощающий термин «весенний футбол». Нам предлагается считать, что мастера-футболисты, перезимовав, словно медведи, в теплой берлоге, наконец-то выползли на солнечный свет и, жмурясь, начинают потягиваться, разминаться. В такую, мол, пору им все надо простить: вопиющий брак в технике обращения с мячом, вялость, непонимание друг друга на поле, неприцельные, шальные удары по воротам, шаблонность матчей.

Трудно придумать более нелепое и вредное оправдание плохой игры команд на старте сезона! Какой же это мастерский ансамбль, какие же это мастера своего дела, если они способны за короткий срок растерять добрую половину того, что умели? Хотелось бы мне посмотреть на мастера любой профессии, будь то слесарь-скоростник, инженер-конструктор, балерина или циркач, которые бы после очередного отпуска вдруг растерялись перед родным и любимым делом. Полно, не бывает такого. Мне, конечно, могут возразить, что футбол — всего лишь игра. Но громадный тренировочный труд, который обязателен для спортсмена, если он мечтает о высших достижениях в спорте, осуществляется почти круглый год и совершенно исключает растерянность и расслабленность молодого, полного сил атлета.

Так что условимся для нашего же блага забыть как ненужный термин «весенний футбол». Подойдем, как это и следует, с пристальным вниманием, без всяких скидок к старту нашего большого футбольного соревнования, вспомнив, что этот старт в нынешнем сезоне для нас особенно значительный и важный. Не за горами отборочные игры очередного чемпионата мира, немало предстоит и других ответственных футбольных событий как для клубных команд, так и для нашей сборной.

Чемпиона страны принято считать во многом эталоном состояния современного футбола. Вероятно, это правильно. Таким эталоном был, например, в первые послевоенные годы коллектив футболистов ЦДКА, руководимый одним из крупнейших наших теоретиков и практиков, Борисом Андреевичем Аркадьевым, тренером смелым и вдумчивым. Любопытно, что именно Б. А. Аркадьеву принадлежала дерзкая по тем временам идея максимальной универсализации игроков, нашедшая, да и то «со скрипом», лишь теперь, три десятилетия спустя, свое признание. В распоряжении Б. А. Аркадьева был созданный им ансамбль высокотехничных футболистов, безраздельных его единомышленников во взгляде на игру как на соревнование в выдумке, в импровизации на поле. Эта команда была яркой и мощной потому, что высокая степень технической подготовки футболистов, их атлетизм и общность взглядов на футбол сочетались с резко выраженной индивидуальностью игроков, о сохранении которой постоянно заботился опытный тренер, справедливо полагая, что шаблон в действиях отдельных футболистов создает шаблонную команду. Как всегда бывает в футболе, вокруг ярких спортивных индивидуальностей, определяющих командный стиль, группировались, тянулись за ними игроки менее самобытные, быть может, неспособные на артистизм в игре, но надежные и исполнительные. Не случайно в истории советского футбола команда ЦДКА осталась как дружина Григория Федотова, Всеволода Боброва и Ивана Кочеткова! Равно как и московская команда «Динамо» тех лет вспоминается во всем ее своеобразии и силе, лишь назовешь имена Константина Бескова, Василия Карцева, Василия Трофимова, Всеволода Блинкова.

В недавние годы такой классной и самобытной была у нас, бесспорно, команда киевского «Динамо», которой руководил Виктор Александрович Маслов.

Как правило, успех таких коллективов был прочен, не на один сезон. Как правило, состав этих команд был основой при комплектовании нашей сборной, что представлялось совершенно закономерным. К сожалению, лучшие футболисты не вечны на поле. Воспитать же яркую игровую индивидуальность, подлинного мастера — дело кропотливое. Далеко не всегда удавалось найти равноценную замену ветеранам. Игровой ансамбль расстраивался. Происходила естественная смена чемпиона, и на какое-то время стирались порой грани индивидуальности команд. Матчи становились похожими, как близнецы. Провозглашенная как догма, тактическая схема становилась в умах тренеров незыблемым законом, за рамки которого нельзя и заглядывать. Все играли одинаково, и побеждал тот коллектив, который не приносил что-то прогрессивное, новое, а лишь располагал в своем составе исполнителями, более подготовленными к игре по общепринятому шаблону.

Мне кажется, что примерно такое время, или, точнее, безвременье, мы переживаем в футболе сейчас. Внимательно и заинтересованно наблюдал я этой весной за встречами, которые проводит наш новый чемпион — команда ЦСКА, равно как за другими сильнейшими по прошлому году коллективами. Скажу откровенно: меня огорчает и заботит игра наших призеров, особенно чемпиона страны. Стоит у меня перед глазами первый в этом сезоне матч в Москве, на стадионе «Динамо». В этот день столичные армейцы принимали ереванский «Арарат». Давно мне не приходилось видеть столь скучного и бессодержательного матча. И, конечно, проиграла команда — чемпион страны не из-за редкого случая—гола, заброшенного рукой в свои ворота вратарем армейцев Шмуцем. Армейцы весь матч провели слабо, неинтересно, не сумев создать ни одной запомнившейся комбинации, в которой бы блеснул чемпионский характер команды. Ошибку за ошибкой допускала защитная линия, входящая, как известно, в состав сборной команды страны. Словом, организованной команды не было на поле в этот день. Не говоря уже о каком-то игровом творчестве, о созидательном характере коллективных действий.

Что произошло? Случайность? Понять такую случайность в игре лучшей команды страны еще както можно. Простить — трудно. Тем более трудно, что в первых пяти турах московские армейцы потеряли больше половины очков, что все эти матчи они играли посредственно, малоинтересно, не боюсь сказать, на уровне среднего футбольного шаблона. Тревожно становится на душе, когда думаешь, что именно московские армейцы составляют костяк нашей сборной страны.

Не ставлю я перед собой задачу подробного обзора первых туров начавшегося чемпионата. Хотелось бы лишь упомянуть, что отличный боевой старт ворошиловградской «Зари» лично мне не представляется необычайным. Хорошая, ровная команда играет дружно, страстно борется за успех. Отличается ли своеобразием ее игра, привлекает ли оригинальностью тактических решений, интересных комбинационных находок? Думается, что ничего этого нет. Равно как не видно этих качеств и в игре ереванского «Арарата», сумевшего тем не менее победить в Москве два таких известных столичных клуба, как ЦСКА и «Торпедо». С трудом свели к ничейному результату московские динамовцы матч с ворошиловградцами, действуя в том же ключе, что и соперники, не пытаясь найти, как у нас говорят, «свою игру». Не интересно играют пока московские спартаковцы. Радуют своих поклонников динамовцы Киева; быть может, рано еще загадывать, но кажется, команда обретает вновь свое лицо.

Итак, «Заря» из Ворошиловграда стала на старте нового сезона одним из лидеров нашего чемпионата. Искренне желаю этому молодому и боевому коллективу и дальше играть успешно, тем более что прошлогодний результат команды был достаточно многообещающим. Однако вряд ли решится кто-нибудь предлагать принять за эталон игру ворошиловградцев, вряд ли кто-нибудь предложит составить нашу сборную в основном из игроков этой команды на том лишь основании, что она побеждает.

Искать, дерзать, много и кропотливо, трудиться, терпеливо выращивая высокий, мастерский класс,— таковы, мне кажется, сейчас наши неотложные задачи. В конце концов пора нашему со-

ветскому футболу во весь голос заявить о себе, так, как сделали это, скажем, хоккеисты. Почему наша сборная должна оставаться за чертой призеров мировых чемпионатов, почему наши лучшие клубные команды, чемпионы страны и обладатели Кубка, терпят поражения, встречаясь в соревнованиях с равными себе по званию командами других стран?

Я знаю, каким уважением пользуется советский футбол, его школа в спортивном мире. Не ново, что советские мастера футбола отправляются в наше время в далекие края — учить, помогать. Помню, еще лет шесть назад случилось мне быть в составе делегации советских спортсменов на Первых африканских играх в Конго (Браззавиль). Очень мне тогда понравилась атмосфера молодости, взволнованность всего происходящего на новом, только что построенном стадионе в Браззавиле. Спортивные соревнования шли по широкой программе. Интересным и напряженным был футбольный турнир. В финал вышла, к великой радости браззавильцев, их команда. Кто же привел ее к успеху, кто тренировал? Тренером оказался бессменный капитан московских спартаковцев, заслуженный мастер спорта Василий Николаевич Соколов. И мой первый тренерский опыт был своеобразен. В сентябре 1966 года воздушный лайнер, взяв старт в Москве, совершил посадку на острове Кипр, на аэродроме в Никозии. Здесь я работал, помогая кипрской команде клуба «Омония» овладеть мастерством современного футбола. Совсем недавно я вернулся из Ирана, где тренировал сборную команду этой страны накануне ее участия в соревнованиях азиатских игр.

Советских футболистов всюду встречают с большим уважением. Особенно высока была их репутация после Лондонского чемпионата мира. Там наша команда, мне кажется, играла отлично. Верилось, что и дальше мы не сдадим завоеванного, больше того — умножим успех. Но вот Мексика. И вдруг неудача. Вдруг? Может быть, и не совсем уж так внезапно?

Вспомните выступления сборной команды Бразилии на двух чемпионатах — Лондонском и Мексиканском. В Англии, как известно, бразильцы потерпели крупную неудачу. Класснейший футбольный ансамбль, дважды чемпион мира, команда Пеле, давшая футбольному миру интереснейшую тактическую находку: 1—4—2—4,—взятую на вооружение немедленно и безоговорочно едва ли не всем футбольным миром, оказалась за чертой призеров.

После неудачи бразильцев заговорили о том, что романтическая пора футбола кончилась, что на смену артистизму и вдохновению пришел рациональный, хорошо организованный, темповый и атлетический футбол, резковатый, порой грубоватый, но надежный. Что греха таить, у нас и прежде бывало, что косо посматривали тренеры на тех футболистов, которые тяготели к импровизации на поле, к своеобразию. Гонение на «индивидуалистов» в футболе постепенно приводило к некоторой нивелировке мастерства. Вспомните, как одно время стали похожи друг на друга матчи, как скучали зрители, наблюдая за тщетными попытками нападающих и полузащитников преодолеть заслон массированной защиты. И вот мне думается, что именно в этом следует искать главную причину неудачи нашей сборной в Мексике. Из команды по разным причинам ушли многие яркие индивидуальности, придававшие действиям команды острую, своеобразную манеру. Не найдя ничего своего, догматически восприняв общепризнанную тактическую схему, не сумев подготовить по-настоящему классных мастеров, способных самостоятельно решать на поле любые, самые сложные задачи, мы оказались за бортом полуфиналов, проиграв далеко не лучшей команде — Уругваю, проиграв не из-за спорного судейского решения, а просто потому, что играли нисколько не сильнее соперников в этой встрече. А бразильцы в Мексике блестяще доказали, что не кончилось и никогда не кончится романтическое, творческое начало в футболе.

Конечно, я не за «анархию» на поле, не за свободное, индивидуальное творчество, не подчиненное строгому и точному замыслу тренера. Но весь долгий спортивный опыт подсказывает мне, что высокий и прочный успех приходит лишь в том случае, когда выходит на поле не класс прилежных учеников, зазубривших урок, им заданный, а смелый, мастерский, яркий в своей находчивости, игровом остроумии ансамбль способных создать вдохновенный, творческий, волевой футбол, сегодня сыграть матч, не похожий ни на вчерашний, ни на завтрашний.

Конечно, для формирования такого спортивного ансамбля надо много работать, много искать. И быть смелыми! Не повторять покорно то, что уже другими найдено и освоено, а стремиться создать свое. И решать, наконец, поделовому проблему подготовки высококлассных мастеров. Мы не можем ждать, пока таланты родятся сами. Без ранней подготовки нам не вырастить поколения мастеров, способных сменить на поле Льва Яшина, Владимира Мунтяна, Альберта Шестернева. А растить это поколение нужно с расчетом на недалекое будущее.

Кстати, существует во всем мире превосходная наглядная школа высокого футбольного мастерства — матчи ветеранов. Целая академия! Пусть некогда знаменитые футболисты несколько потеряли быстроту, атлетические качества. Но виртуозное умение владеть мячом, понимание игры — это все осталось. Надо чаще устраивать матчи ветеранов.

В последнее время стали очень популярными международные встречи команд ветеранов. Вызывает удивление, почему наши знаменитые мастера, еще недавно игравшие, теперь лишены этой возможности?

Мастерство, опыт старших не должны уходить бесследно, должны служить долгие годы делу воспитания молодой смены.

Все ли мы делаем для этого? К сожалению, далеко не все. Мы много говорим и пишем о внимании к юношескому футболу, а футбольных полей или хотя бы площадок при школах, во дворах попрежнему чрезвычайно мало, да и существующие весьма сомнительны по качеству. Мы обязаны располагать большим количеством опытных тренеров и педагогов, знающих, как надо работать с юными футболистами. Дело это очень тонкое, ответственное, и кому попало его поручать никак нельзя. А много ли у нас специалистов юношеского футбола? Считанные единицы в центральных советах спортивных обществ...

Мне кажется, что вообще мальчишеская увлеченность стала тише, глуше — видно, действительно негде ей развернуться.

Футбол должен обрести широкие права гражданства. Мальчишеский, юношеский в первую очередь.

Футбольная смена. **Фото А. Бочинина.**

ЕСЛИ ТЫ

Ф. ОВЧАРЕНКО

Я лиру посвятил народу своему.
Н. А. Некрасов.

Споры о том, что есть истинно гражданская поэзия и кого считать не мнимым, а подлинным ее представителем, возникали в литературной критике уже не раз. Размах и степень их остроты всегда находились в прямой зависимости от той конкретно-исторической ситуации, которая складывалась в жизни. Процессы, происходящие в обществе, глубинные сдвиги в судьбе народа, политический климат планеты — все, из чего слагается многокрасочная картина современности, предопределяло в каждом случае тот или иной поворот дискуссии. Но, какой бы она ни принимала уклон, какие бы ни призывались на помощь авторитеты, неизменно обнаруживалось, что поиск ответа на поставленные временем вопросы, уточнение нашего, обусловленного движением жизни представления о гражданственности поэзии немыслимо, в принципе невозможно без самого заинтересованного и вдумчивого обращения к творческому наследию Николая Алексеевича Некрасова.

Чем пристальнее вглядываешься в облик этой подвижнической, неповторимо яркой личности, чем глубже проникаешь в таинство небрского с виду некрасовского стиха, тем полнее и масштабнее раскрывается перед тобой смысл и значение подвига поэта, тем понятнее становится ожесточенность, с которой неоднократно скрещивали в поединке мечи противостоящие друг другу истолкователи его творчества.

Страсти, вскипавшие вокруг имени Некрасова, были логическим продолжением его стихов, корнями, если употребить выражение Блока, вросших в русское сердце, да так, что их невозможно вырвать иначе, как с кровью. На арену вышел поэт еще небывалого склада. Своим неравнодушным, яростным отношением к действительности, своей великой отзывчивостью на скорби и беды родной земли, на самые заветные думы и мечты простого люда он дал отечественной поэзии идейно-нравственный заряд такой огромной взрывчатой силы, что мы ощущаем это даже сегодня, с той волнующей и щемящей остротой, которая сопутствует обычно восприятию наиболее задевающих нас событий современности.

Находясь «у двери гроба», Некрасов с присущей истинно великим поэтам скромностью оценки собственных трудов писал в стихотворении «Зине»:

Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

В искренности этого откровения не приходится сомневаться. Некрасов и ранее заявлял: «Нет в тебе поэзии свободной, мой суровый, неуклюжий стих!» Правда, одновременно он утверждал как высшую меру искусства его одержимость жизнью, жаждой борьбы: «...Но кипит в тебе живая кровь...» Так и в предсмертном стихотворении, только что процитированном мной, строфы терзания и горьких раздумий венчает афористичная формула-итог, отвергающая мгновение назад подступившее отчаяние:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

Приход такого поэта, как Некрасов, поэта-демократа, борца, «народного заступника», был подготовлен всем развитием общественной и культурной жизни в России. Его творчество неотделимо от одного из напряженнейших этапов освободительной борьбы, увенчавшейся в конце концов величайшей из социальных революций. Некрасов — истинно русский, глубоко национальный поэт. Но он вместе с тем явление и интернациональное, выходящее за рамки художественного опыта одной страны, одного народа. Его судьба отразила немаловажную закономерность исторического процесса, свидетельствующую о том, что властителями дум и сердец в крутые, решающие для нации времена становятся лишь те мастера культуры, чья жизнь, чей талант безраздельно отданы служению благородным целям, передовым общественным идеалам.

Поэтому, говоря о некрасовских традициях, мы прежде всего обращаемся к творчеству тех художников слова, которые, приняв на себя ураганы века, неизменно находились на переднем крае, при любом повороте событий делили с народом все выпавшие на его долю радости и невзгоды. Подвиг Некрасова был продолжен Александром Блоком, автором первой советской поэмы «Двенадцать» и знаменитых «Скифов». Муза великого поэта-гражданина вдохновляла мастера боевого, атакующего стиха Демьяна Бедного. Образ ее был одним из самых дорогих и необходимых для Владимира Маяковского. Верность заветам Некрасова во многом определила боевое и почетное место советской поэзии в общем строю в годы Великой Отечественной войны. Самым ярким произведением тех памятных лет стала родившаяся буквально в огне сражений поэма Александра Твардовского «Василий Теркин», в которой просматривается приверженность поэтическим принципам поэзии Некрасова.

Знаменитое «...но гражданином быть обязан!» и сегодня звучит тревожащим разум и сердце набатом. Необходимость утверждения этой высокой истины на каждом новом историческом рубеже — вовсе не дань традиции. Обострение в мире борьбы между силами прогресса и реакции, принимающее нередко формы ожесточенных классовых битв и конфликтов, все с большей резкостью ставит перед художником вопрос о выборе пути. Как и в прошлом, находятся сегодня люди, которые пытаются доказать, будто бы вполне можно служить человечеству, оставаясь «над схваткой», «вне поединка идеологий». Фальшивый, насквозь иллюзорный характер такой позиции не раз уже выявлялся во всей своей несостоятельности. И тем не менее на Западе ныне вновь извлекаются на свет и срочно перелицовываются на современный манер всевозможные разновидности теории автономности искусства от политики, его независимости от общественной жизни. И хотя делается это более утонченно, чем во времена Дружинина, принципиальная сущность явления осталась все той же. И откровенная проповедь «абсурдизма», и усердное рекламирование «субнациональной поэзии», и новейшие варианты элитарной концепции творчества — лишь различные виды более или менее маскируемых атак на демократизм и революционную гражданственность передового искусства. Так, один из лидеров ревизионистской эстетики, Роже Гароди, возносит до небес оторванную от действительности, демонстративно внесоциальную, вневременную и фактически вненациональную поэзию Сен-Джона Перса. Без тени смущения он утверждает, что стихи этого автора, написанные на «почти непонятном языке намеков... прорицаний или заповедей», якобы тем не менее служат прогрессу человечества и участвуют в преображении мира наравне с произведениями поэтов революционного действия.

Давно уже известно, что подобная, шумно декларируемая свобода от «узко понятого реализма», от сковывающего будто бы фантазию художника деспотического «диктата жизни» есть не что иное, как та же самая тенденциозность, против которой столь усердно ополчаются ее гонители, только вывернутая наизнанку, на буржуазно-индивидуалистический образец.

На многострадальной вьетнамской земле чернеют обуглившиеся тела сожженных напалмом стариков, женщин, детей. Надсмотрщики-садисты проламывают головы политическим заключенным в тюрьмах Португалии и Парагвая. Ежегодно миллионы людей умирают на планете от голода и нищеты. Мир мучительно ищет избавления от раздирающих его противоречий... Зная все это, выдавать свою политическую нейтральность, свое равнодушие к тревогам и болям века за некий особый, сверхинтеллектуальный вариант служения родине и человечеству — значит служить на деле не им, а их врагам, ибо подобная проповедь социальной пассивности, индифферентизма личности перед встревоженным ликом жизни отнюдь не безобидна. Она ослабляет способность современников к действию, размягчает сознание и волю, разрушает веру в созидающие возможности человека.

Советская поэзия, открыто провозгласившая коммунистическую партийность своим знаменем,— законный преемник гражданской лирики Некрасова. Верность его наследию видится прежде всего в действенном утверждении служения Родине, народу, большой правде века как первой заповеди жизни и творчества художника.

«Иди в огонь за честь отчизны, за убежденье, за любовь...» — эти строки обжигали сердца «лобастым мальчикам невиданной революции». Они воспринимали их как сигнал к атаке. Причем не в фигурально-образном, а в самом точном значении этого слова. Они знали, что надвигается битва, и не собирались быть в этой битве наблюдателями.

ГРАЖДАНИН...

Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Это Николай Майоров. По-юношески порывистые и по-солдатски мужественные, волевые стихи. «Так я пишу. Пусть неточны слова, и слог тяжел, и выраженья грубы!» Но: «...как бы ни давили память годы, нас не забудут потому вовек, что, всей планете делая погоду, мы в плоть одели слово «Человек»!» Как тут не вспомнить «мой суровый, неуклюжий стих» и «только тот себя переживет» из цитировавшихся в начале статьи программных стихотворений Некрасова!

О преодолевающем время идейном родстве думаешь и перечитывая стихи рано ушедшего из жизни, щедро одаренного талантом Алексея Недогонова. Мысли и чувства поэтического поколения, чья молодость закалялась на подступах к Москве и у стен Сталинграда, в самый канун войны он хорошо выразил в полемически заостренном обращении к собратьям по перу:

Одни в народе блещут глянцем,
другие — древности поют
и ни фракийцам,
ни троянцам
в стихах покоя не дают.
То ветхой молнии зигзаги
опишут поперек и вдоль,
то фараону в саркофаге
наступят рифмой на мозоль.
...Шли батальоны,
роты,
взводы
рокадным шляхом от Невы...
Зимой
сорокового года
чем, лирики,
дышали вы?

Принципиально качественное обогащение понятия гражданственности поэзии произошло в трудную пору военной страды. Невиданный взлет патриотических чувств, массовый героизм советских людей, горечь утрат и неизбывная вера в победу — все, чем жил народ, весь суровый драматизм борьбы, страдания, преодоления, казалось бы, невозможного вместили в себя стихи тех незабываемых лет. В строго очерченный круг традиционно гражданственных тем как-то исподволь вошли, влились мотивы, числившиеся ранее по ведомству сугубо интимной или пейзажно-созерцательной лирики. Согретые большим чувством, пронизанные верой в бессмертие отчей земли, даже стихи о природе в силу особенности читательского сопереживания воспринимались тогда как звучащие символы Родины, вдохновляющие на борьбу с врагом. Именно в годы войны с новой силой возродились лучшие традиции некрасовской поэзии. На вооружение были взяты ее мобилизующий патриотический пафос, ее пробуждающая гнев, зовущая к справедливой мести страстность.

И вместе с тем фронтовая поэзия творчески продолжила такую драгоценную черту лирики Некрасова, как умение придать на первый взгляд малозначащему факту или событию личного, порою даже интимного плана масштабность державного размаха, извлечь из самого, казалось бы, рядового, будничного повода мысль, озарение, равные величию времени, максимально созвучные думам и чаяниям народа.

Особо хочется сказать о выдающемся произведении Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату...». Оно представляется мне в ряду самых достоверных художественных документов эпохи. Поведав о горе солдата, который застал на месте родного дома черное пепелище и ощутил вдруг всю невыразимую скорбь одиночества, поэт сумел выразить боль как бы самой души народа.

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Здесь много от Некрасова, от его художественных традиций. Возьмем только одно это четверостишие. Предельно простые, привычные для крестьянской речи слова, традиционные, устойчивые сочетания («широкое поле», «глубокое горе»), характерный для фольклора повтор («пошел солдат..., нашел солдат»). Того же порядка и рифмы — незатейливые, бесхитростные. Обилие протяжных, полнозвучных гласных, невольно заставляющее читать эти строки замедленно, нараспев, и густо сошедшиеся в двух последних строчках шипящие («нашел», «широким», «заросший»), как бы доносящие до нашего слуха сухое шуршание пожухлой могильной травы... Это то мастерство, которое не ощущаешь, которое воспринимается как изначально присущее данному сплетению строк.

Опыт развития современной поэзии со всей очевидностью убеждает: нить преемственного освоения богатств некрасовского наследия явственнее всего просматривается в творчестве тех художников слова, которые крепки многообразием своих связей с действительностью, не узко, а широко понимаемой злобой дня, чей стих напоен чудодейственной влагой, почерпнутой без посредников из самых сокровенных родников живой народной речи. В этом сила стиха Александра Прокофьева, Василия Федорова, Бориса Ручьева, Николая Рыленкова, Ярослава Смелякова...

Хорошим ориентиром для вступающих в «державу русского стиха» может служить, на мой взгляд, творчество Сергея Викулова. Художник он последовательный, цельный, беззаветно исповедующий верность некрасовскому наследию, превыше всего ставящий любовь к родной земле и человека — труженика, хранителя и заступника этой земли. Стихи С. Викулова привлекают гражданской четкостью, упорным добыванием правды, стремлением вызвать у читателя не минутный, а длительный интерес к затронутой теме.

При всех бесспорных достижениях поэзии последних лет она все же в долгу перед «простым» человеком труда, работником, созидателем, каждодневный подвиг, нравственный облик, внутренний мир которого требуют художественного осмысления и раскрытия на уровне, соответствующем исторической значимости его как главной фигуры современности. Тем большего внимания заслуживают стихи С. Викулова, в которых он одну за другой выводит натуры крупные и незаурядные, широко и со вкусом живописует картины народного быта, пластически, зримо воссоздает портреты своих земляков, колоритнейших людей милого его сердцу вологодского края. Великим уважением к человеку труда, его мужеству и воинствующей доброте проникнуты поэмы С. Викулова «Окнами на зарю», «Против неба на земле», «Ив-гора». Характерно при этом, что, повествуя о думах и непростых тревогах деревни, автор не впадает в столь модные крайности, как противопоставление ее основательности суетной жизни больших городов, и менее всего озабочен идеализацией сельского быта на том только основании, что крестьяне ближе кого бы то ни было к природе. И в этом тоже, если хотите, угадывается верность некрасовской традиции.

В «Балладе о хлебе», одном из лучших стихотворений С. Викулова, учеба у Некрасова, творческое следование его заветам раскрываются в напряженно-тревожной интонации строф, в особом подборе самых что ни на есть простых, немудреных слов, в стремлении через рассказ о рядовом, казалось бы, случае (солдаты в короткий просвет меж боями помогают крестьянкам убирать рожь...) выразить большую мысль о красоте и благородстве труда во имя жизни, о необходимости битвы во имя мира:

Я помню: мы вышли из боя
в разгар невеселой поры,
когда переспевшие, стоя,
ломались хлеба от жары.
Ни облака в небе, ни тучи.
Не чая попасть на гумно,
слезой из-под брови колючей
стекало на землю зерно.
...Мы пели б, наверное, пели б,
работу беря на «ура»,
когда бы ребят не жалели,
схороненных нами вчера.
Им было бы так же вот любо,
как нам, наработаться всласть,
и сбросить пилотки, и чубом
к снопам золотистым припасть.
Вдохнуть неостывшего зноя
и вспомнить на миг в тишине
родимое поле ржаное,
и, может, забыть о войне.
...Но было забыть невозможно.
Платки приспустивши до глаз,
тоскливо, печально, тревожно
глядели солдатки на нас.

Это стихотворение подкупает высокой, понекрасовски мудрой и емкой простотой, которая как нельзя более соответствует стремлению автора воспеть труд как выпрямляющую, облагораживающую человека силу. Я бы не говорил об этом столь подробно, если бы не попадались то и дело стихи, в которых работа предстает унылым, однообразным и, главное, бескрылым занятием. Достаточно типично как пример такого рода лирики стихотворение Игоря Шкляревского из книги «Фортуна»:

В ночную! Штампую! Шурую!
Испарину тряпкой срываю.
Вручную детали штампую,
Детали считаю, считаю.
Детали, детали, детали
Мелькают, мерцают, как лед.
Считаю, считаю, считаю —
семьсот, восемьсот, девятьсот!

В энергии автору не откажешь. Но его «механический», если можно так выразиться, настрой гасит искру поэзии, а желание выглядеть пооригинальнее оборачивается традиционной ординарностью. И, естественно, наши симпатии на стороне «Баллады о хлебе», хотя и написана она вроде бы по старинке. Кстати сказать, помимо отмеченных достоинств, баллада С. Викулова хороша и как пример сегодняшних возможностей классического, и в частности некрасовского стиха, неисчерпаемый изобразительный потенциал которого, верится, еще не раз будет с успехом использован в непрекращающемся состязании традиционного и новейших стилей.

Я не говорю сейчас о том, какой стиль лучше, тем более что такая лобовая постановка вопроса вряд ли правомерна. Бесспорно лишь одно: усилившееся в последние годы общение с классикой сделало современный стих устойчивее, пластичнее, сердечнее. Заметны

во всем этом и прямые результаты уроков, взятых у Некрасова.

Обращение к его наследию — верное оружие и в борьбе с мелкотемьем, также довольно распространенной ныне болезнью. Изощренное бормотание о всевозможных пустяках, равно как и многозначительное надувание щек при полном отсутствии мысли ведут к девальвации поэтического слова, не говоря уже о том, что подобные упражнения оскорбительны по отношению к памяти тех, для кого стихи никогда не были забавой, кто писал их кровью сердца, соком своих нервов. Каждый автор вправе иметь круг излюбленных тем, в наибольшей степени соответствующих его жизненной позиции, опыту, индивидуальному складу души. Можно в конце концов озаботить себя и читателей и пристальным созерцанием явления, мягко говоря, не слишком серьезного масштаба. Но в любом случае непреложным должно быть стремление к значительным обобщениям, к цельности чувств, к свежести восприятия мира. А что, например, можно сказать о следующем стихотворении Нины Греховой:

Февральский полдень...
Пасмурно и сонно.
Струится свет,
сосульной исходя.
Уже земля остановилась, словно
в предчувствии далекого дождя.
Но всякий раз
сомнение и мука,
повиснув каплей,
стынут на весу.
Чему ты веришь, маленькая муха,
внезапную почуяв новизну?
Куда же ты ползешь, изнемогая,
по белому, по зимнему стеклу?
Но есть примета точная такая,
что мухи просыпаются к теплу.

Ощущение неловкости — еще не самая острая реакция в результате прочтения подобных опусов. Как говорит Ярослав Смеляков, «иная есть нелегкая работа, иное назначение стихам». И это в полном соответствии с практикой сегодняшних наших поэтов, сердцем и разумом осознавших, в чем состоит долг художника не только перед своим дарованием, но и перед страной, народом, эпохой. Программно, весомо и гражданственно, как негасимая память о некрасовском наказе поэту, звучит стихотворение Людмилы Татьяничевой «Свободный стих».

Свободный стих...
Свободный от чего?
От волшебства единственных созвучий?
От честных битв?
Или от правды жгучей? —
Тогда я отрекаюсь от него!
Но если стих свободен от игры
В разменные понятья
И сравненья;
От дряхлых рифм
И пошлой мишуры,
Мешающей
Упругости движенья;
От мыслей мутных,
И от чувств глухих —
Я голосую за свободный
Стих!

Не только учебники литературы, стоящие на полке тома и календарь, подсказывающий юбилейные даты,— сама жизнь, неостановимое движение поэзии вновь и вновь возвращают нас к творчеству и судьбе великого художника, гражданина, патриота и бойца. Его наследие менее всего напоминает храм, созданный лишь для торжественного поклонения святыням и молитвенного цитирования хрестоматийных строк. Это вечно открытая мастерская. Это нестареющий арсенал, куда каждый берущийся за перо входит не без трепета, но с твердой убежденностью, что он найдет здесь все, в чем, собственно, заключена необходимость поэзии на земле.

Искренне и глубоко любивший творчество Н. А. Некрасова, во многом воспринявший драгоценные черты его поэзии, видный мастер русского стиха Николай Рыленков не раз подчеркивал, что Некрасов относится к числу тех редких художников слова, к наследию которых человек тянется и припадает в самые решающие, поворотные моменты жизни. «Именно в такие минуты,— писал Н. Рыленков незадолго до смерти,— я всегда обращался к Некрасову. Обращался, веря, что он сразу развеет чары случайных обольщений и нечаянных увлечений, оставит лицом к лицу с родиной и заставит открыться ей во всем и до конца. Не в этом ли высший смысл гражданственности поэта?»

По-моему, эти слова заслуживают того, чтобы остаться в памяти каждого, кому дорога поэзия Некрасова, кому небезразличны интересы советской поэзии, будущее которой — в дальнейшем ее сближении с жизнью, во все более зрелом осознании своего высокого назначения.

СКВОЗЬ ОГОНЬ ВОЙНЫ

Когда прочтешь содержательную, умную книгу, невольно хочется высказать о ней свое мнение, поделиться с другими впечатлениями о прочитанном. Такое естественное желание вызвала у меня вышедшая недавно в свет книга военных мемуаров, написанная одним из видных армейских политработников, заместителем начальника Главного Политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковником М. Х. Калашником.

«Испытание огнем» — так назвал он свои воспоминания о грозных годах Великой Отечественной войны. Это название выбрано не случайно. Оно как бы предваряет содержание книги, посвященной людям, прошедшим сквозь огонь войны. Вместе с миллионами вооруженных защитников Родины этот путь сурового испытания огнем с начала и до конца прошел в качестве политработника и автор мемуаров. Был заместителем начальника политотдела 18-й армии, комиссаром 236-й стрелковой дивизии, а с сентября сорок второго года до победоносного завершения войны возглавлял политотдел 47-й армии, постоянно находясь в самой гуще воинов-фронтовиков. Поэтому в центре его воспоминаний — люди на войне, главные творцы нашей великой Победы.

«Отбирая из обширного и многообразного материала самое существенное,— пишет автор в своем кратком предисловии,— я хотел рассказать о наших замечательных солдатах и офицерах, о коммунистах и комсомольцах, об их подвигах, их самоотверженном ратном труде».

И этот благородный замысел, мне думается, нашел в книге исключительно яркое и впечатляющее воплощение. Перед читателем проходит поистине величественная галерея героев оборонительных и наступательных боев. Для воссоздания образа каждого из них автор находит теплые и добрые слова, удивительно глубокие и точные характеристики.

Автору мемуаров приходилось неоднократно встречаться на фронте с Леонидом Ильичом Брежневым, в ту пору полковником, заместителем начальника политуправления Черноморской группы войск, а затем начальником политотдела 18-й армии; с Андреем Антоновичем Гречко, в годы войны командармом, а ныне Маршалом Советского Союза, министром обороны СССР; со многими другими военачальниками и известными политработниками. Из описания таких встреч, порой краткого, лаконичного, но вместе с тем выразительного, мы узнаем немало интересных деталей о характерах людей, имена которых широко известны теперь как в нашей стране, так и за ее пределами, об их непоколебимой идейной убежденности, страстности и непреклонности в борьбе с врагами социалистического Отечества, об их волевых и организаторских качествах.

В такой же мере содержательны воспоминания автора о повседневных встречах и беседах с рядовыми тружениками войны — с командирами и начальниками политотделов соединений, с командирами и политработниками полков, батальонов, рот, батарей, с прославленными снайперами, стрелками, артиллеристами, танкистами, связистами. Многие из тех, чьи имена и фамилии названы в книге, не дожили до счастливого дня Победы, пали смертью храбрых в боях за Родину. Некоторые ушли из жизни уже в послевоенные годы. Однако светлая память о них, об их боевых подвигах и беспримерном мужестве навсегда останется в наших сердцах, в сердцах будущих поколений советских людей. Читая книгу, еще и еще раз убеждаешься в том, что память о мужественных защитниках Родины — живых и мертвых — остается немеркнущей.

В отличие от многих мемуарных произведений в книге М. Х. Калашника нет сколько-нибудь детального описания боевых операций. Батальные сцены служат для автора лишь фоном, на котором отчетливо прослеживается огромное вдохновляющее и мобилизующее значение партийно-политической, воспитательной работы среди личного состава войск, постоянно проводимой командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями. Автор рассказывает о многогранной работе политотдела армии, политотделов корпусов, дивизий, бригад, партийных и комсомольских организаций, одновременно знакомит читателей с теми, кто в трудных и сложных условиях боевой действительности организовывал и вел эту работу. На первый взгляд ее результаты внешне были невидны, порой даже незаметны. Но в боях, в поведении людей в минуты смертельной опасности они проявлялись столь отчетливо и ярко, столь убедительно, что без всяких дополнительных пояснений понимаешь, какой великой силой было на войне повседневное, никогда не прекращающееся воспитательное влияние партии на души и сердца воинов. В этом отношении книгу генерала М. Х. Калашника с полным правом можно назвать первым мемуарным произведением о войне, наиболее широко и всесторонне раскрывающим величайшую роль партийно-политической работы в мобилизации личного состава войск на достижение победы, огромное значение личного примера самоотверженности коммунистов и комсомольцев в боях, их близость и неразрывную связь со всеми воинами.

В сражениях за освобождение от немецко-фашистских захватчиков дружественной Польши войска 47-й армии наступали во взаимодействии с частями Первой армии Войска Польского. Рассказу об этих событиях, о совместной борьбе советских и польских воинов против врага, о дружбе советского и польского народов посвящена глава книги «Здравствуй, Польша!». Автор с душевной теплотой вспоминает, каким радостным воодушевлением встретил трудовой народ Польши вступление Красной Армии — освободительницы на польскую территорию, рассказывает о своих встречах с поляками, о мужественной борьбе польских воинов и партизан под девизом «За вашу и нашу свободу!».

Книга заканчивается главой «Крах фашистского рейха». О последних днях войны, в частности о берлинской битве, написано множество работ самых различных литературных жанров — произведений художественных и мемуарных, исторических и хроникально-документальных. И все же воспоминания генерала М. Х. Калашника являются весьма существенным дополнением к тому, что уже известно. Автор мемуаров еще и еще раз напоминает, что, несмотря на близкий конец войны, бои за Берлин и другие города фашистской Германии носили исключительно ожесточенный характер, ибо «сражаться приходилось в основном с отборными, пользовавшимися особым покровительством немецко-фашистского командования частями и соединениями». В связи с этим в книге значительное место отводится разоблачению лживых утверждений некоторых западных историков о том, что будто бы в районе Берлина имелось очень небольшое количество регулярных немецко-фашистских войск и что битвы за Берлин якобы не было вообще.

Немалый интерес представляют воспоминания автора о встречах и беседах с немцами, об исключительно гуманном отношении советских войск к мирному немецкому населению, о той огромной воспитательной работе, которая проводилась в войсках Советской Армии в период боев на территории фашистского рейха.

Все, о чем рассказывает генерал М. Х. Калашник в своих мемуарах, читается с неослабным интересом, как непосредственное свидетельство очевидца и участника событий. В этом одно из наиболее важных достоинств книги «Испытание огнем».

Книга М. Х. Калашника — ценный вклад в советскую военно-историческую и военно-мемуарную литературу.

Полковник С. БОРЗУНОВ

М. Х. Калашник. Испытание огнем. Военные мемуары. Воениздат, М., 1971.

Д. Налбандян. ПОРТРЕТ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ТЕЛЯТНИЦЫ ПЛЕМЕННОГО ЗАВОДА «КАРАВАЕВО» В. А. ТРОФИМОВОЙ.

И. Заринь. ПОРТРЕТ МАСТЕРА ЯНА ДЗИНТАРСА.

Владимир **ЛОМЕЙКО**

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

ШТРАУС — НАДЕЖДА ПРАВЫХ

Он стоял под копытами жеребца Вильгельма I и неистово декламировал:

Мы не зря отстреливались до последнего патрона
В боях вплоть до 8 мая...
Мы не забудем павших на Дону,
Плененных в Ландсберге и Верле.
Мы не забудем «Иностранный легион»
И каждого сто́ящего парня,
Который сражался и страдал за свободу
И пал жертвой предательства...

Он был молод, лет восемнадцати, не больше. Упрямая челка лезла на глаза. Взгляд отрешенный, горящий. Я не думаю, чтобы он подражал или позировал в тот момент. Он был слишком возбужден для этого. Вокруг ревела толпа, летели камни, палки, трещали проволочные заграждения. В двадцати шагах от нас шло настоящее сражение полиции с демонстрантами.

На его скулах ходили желваки. В глаза бросились сжатые кулаки. С каким бы наслаждением он ринулся в толпу! Сдерживал приказ свыше: не ввязываться в драку. Полиция справится одна. Пусть видят все: мы мученики! Но азарт молодого нетерпения хищно раздувал ноздри. И агрессивный зуд искал выхода в напыщенной декламации:

Но когда наступит последний час,
Они встанут рядом с нами плечом к плечу
В маршевых колоннах на бой за свободу;
Когда от Атлантики до Берлина
Раздастся клич: Европа, проснись!

Потом я нашел эти стихи в журнале «Дер Адлерфюрер», который издается для активистов молодежного союза «Адлер» — одной из многочисленных правых организаций в Западной Германии.

Мне запомнилась встреча на нюрнбергской площади Эгидиенплац. Это было 26 сентября 1969 года, за два дня до выборов в бундестаг. На своем последнем предвыборном митинге в милом сердцу Нюрнберге должен был выступать Адольф фон Тадден. Огромный автобус с мощными громкоговорителями, сверху донизу оклеенный плакатами НДП, стоял рядом с памятником Вильгельму I. Германский император властно восседал на тяжеловесном скакуне и самоуверенно обозревал брусчатую площадь, круто спускавшуюся вниз. Казалось, что Эгидиенплац пала ниц перед великодержавными копытами, вся изогнувшись в верноподданническом поклоне.

С наступлением вечера, однако, площадь приняла другой вид. Вместе с тысячными толпами людей, стекавшимися сюда с разных концов города, она как бы выпрямилась и стала открыто, уверенно, непоколебимо перед Вильгельмом, окруженным неонацистами. Рабочий Нюрнберг пришел к месту сборища неисправимых, чтобы сорвать неонацистский шабаш. Дабы гарантировать свободу слова национал-демократам, полиция отгородила их от возмущенных демонстрантов колючей проволокой и вертолетами. Пробраться к памятнику было непросто. Помимо пропуска для прессы, нужно было иметь и крепкие штаны, когда мы лезли через заграждения колючей проволоки.

Около двух десятков активистов НДП и телохранителей фон Таддена молча разбирали трибуну, с которой должен был выступать их фюрер. Полиция только что объявила через громкоговорители: «Ввиду угрозы общественной безопасности митинг закрывается!»

Неонацистский автобус с разобранной трибуной уехал. Но настырная челядь Адольфа с нескрываемой злобой смотрела, как демонстранты рушили заграждения и сквозь тугие струи водометов и цепи полицейских пытались прорваться к памятнику.

— В этом государстве нет порядка!

Стоявший рядом со мной молодчик с нарукавной повязкой «Охранник НДП» шипел от злости:

— Всех этих юнцов натравливают на нас профсоюзы!

— Каждый из них сам в состоянии разобраться, что к чему,— возразил я ему.

— А я вам говорю, что всех их подзуживают профсоюзы,— упорствовал молодой национал-демократ.— Я работаю мойщиком стекол и бываю в профсоюзных бюро. Они не знают, что я член НДП. А я слышу все, что они говорят, и знаю всех, кто травит нас.

В его голосе зазвучали злорадные интонации:

— Скоро мы им это припомним!

— Когда скоро? — спросил я.

— Как только мы окрепнем, попадем в бундестаг и у нас будет настоящий канцлер!

Я спросил его, кого они метят в канцлеры.

— Лучше всего бы, конечно, фон Тадден. Но пока мы не собрали свои силы в кулак и вынуждены соглашаться с лидерством ХДС/ХСС. Мы никогда не примиримся с социал-демократическим канцлером! Единственный, кто сейчас нам подходит,— это Штраус!

Выборы, состоявшиеся через два дня после событий на Эгидиенплац, принесли поражение правым. НДП не прошла в парламент, а обанкротившаяся команда ХДС/ХСС вынуждена была очистить правительственные помещения.

Правые потерпели поражение. Но они не сдались. ХДС/ХСС, партия крупного монополистического капитала, оказавшись в оппозиции, использует передышку от власти для переформирования своих рядов и подбора новых лидеров. Предстоящий осенью съезд в Саарбрюккене выберет председателя ХДС и претендента в канцлеры. Но независимо от исхода персональных баталий в рядах клерикалов укрепляется положение и власть предводителя правого крыла партии Франца-Йозефа Штрауса. Глава баварских социальных христиан, по мнению местных политических наблюдателей, из-за своего откровенного правого экстремизма имеет сейчас мало шансов на лидерство во всей партии. Его фигура слишком одиозна. Но это отнюдь не означает исключения Штрауса из игры за власть. Скорее даже наоборот. Бравируя отсутствием личных амбиций, он с тем большей откровенностью толкает всю партию вправо. Самого Штрауса сейчас больше устраивает роль «делателя канцлеров» и неоспоримого главы картеля правых сил. В этом качестве он уже создал вокруг себя ореол защитника «попранной Великой Германии» и обеспечил себе поддержку всех бывших, неисправимых и надеющихся. «Нужно использовать национальные силы, даже если они и реакционные». Это — программное заявление Штрауса.

В начале этого года сотрудники журнала «Твен» Клаус Будзински и Хорст Томайер задались целью проследить связи партии Штрауса с ультраправыми организациями. Редакция журнала пишет, что эта задача была поставлена «для того, чтобы доказать, как через союзы типа «Витикобунд», через такие культурнические организации, как «Фонд Германии», и через прессу, подобную «Байерн-Курир», Христианско-социальный союз самым тесным образом сотрудничает со старыми и новыми нацистами. Им удалось документально подтвердить то, что Штраус охотно желал бы выдать за утверждение «московской пропаганды», а именно,— существование на деле нового правого картеля».

Правый картель существовал и раньше. Но если в годы правления ХДС/ХСС его главной задачей было подливать масла в боннский костер великогерманских страстей, то теперь он выполняет иные функции. Смена караула в Шаумбурге и последовавшие первые шаги правительства Брандта—Шееля в направлении разрядки напряженности в Европе вызвали озлобленную реакцию всех правых. Разношерстные отряды старых и новых «ультра», оставив в стороне свои распри, стали формироваться в единую колонну «внутриполитического сопротивления». С момента подписания договоров с Советским Союзом и Польшей в Западной Германии все четче вырисовывается организационный костяк и политический профиль нового правого картеля.

УЛЬТРАПРАВЫЕ, КТО ОНИ ТАКИЕ?

Не проходит дня, чтобы они не подали свой голос и не подняли правой руки в новом приветствии. И хотя они не вытягивают ее вперед, как раньше, а только задирают вверх три растопыренных пальца, новый выкрик «Видерштанд!» («Сопротивление!») по духу сродни «Зиг хайлю!». Я видел эти лица, искаженные судорогой ненависти к инакомыслящим, я слышал их неистовые возгласы «Повесим предателей!», «Брандта к стенке!», я говорил с ними, старыми «борцами нацистского движения» и совсем зелеными попутчиками протеста.

«Вы посмотрите, кем мы стали!» — с искренним возмущением показывал мне на географическую карту учитель мюнхенской гимназии. В его голосе звучала горечь поражения и жесткий вызов несправедливой судьбе. Вызов, а не примирение, и подспудная тоска по утерянному величию. Учитель истории, он сам у нее ничему не

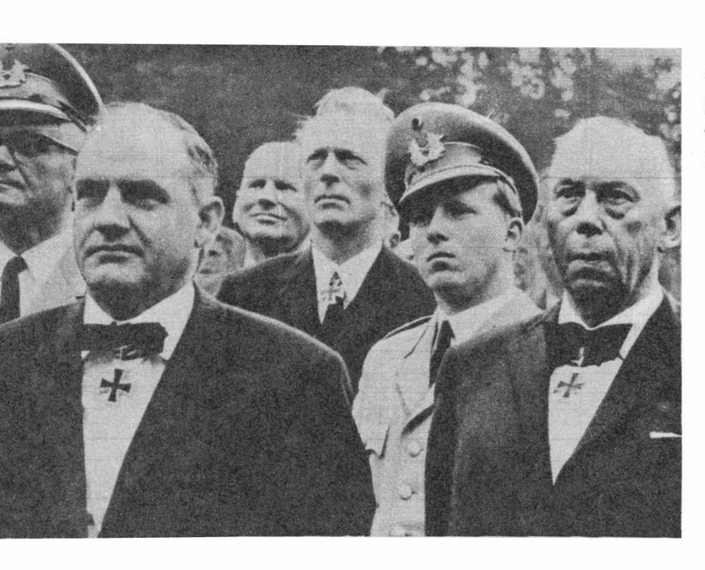
научился и продолжал учить детей по старым картам, где кайзеровская Германия хищным орлом распласталась в центре Европы.

Великогерманца узнаешь по его отношению к истории и времени. Оправдание прошлого, непризнание настоящего и реванш в будущем — вот отправные точки их рассуждений. Вот почему для них существует лишь одна карта истории, на которой по-прежнему нанесены очертания кайзеровского, на худой конец гитлеровского рейха. Для них это не просто память о великом прошлом. Границы 1914 или 1937 года (это лишь степень мании величия) — символ их веры и ориентир на будущее.

Нет, история не повторяется. Никто из нас не сравнивает прошлое с настоящим, никто не склонен преувеличивать правой опасности. Но точно так же недопустимо закрывать глаза на существование многочисленных союзов и организаций, зовущих страну и народ Западной Германии к границам и могилам «тысячелетнего рейха».

С провалом НДП на выборах 1969 года коричневая опасность не исчезла. Она лишь приняла новые формы, хотя многие бундесбюргеры из ложно понимаемого патриотизма закрывают на это глаза. Но коммунисты и демократические силы ФРГ предостерегают: «Враг по-прежнему справа!» Им стоит верить, ибо они доказали свой патриотизм в концлагерях и на эшафотах во время 12-летней диктатуры самой правой опасности — фашизма. И когда сегодня они изобличают прежних врагов, то ими движет не только классовое чувство, но и подлинная любовь к родине.

▲ «Долой неонацистов!» Молодежь Рура срывает плакаты «Акции сопротивления» с автоколонны НДП.



Преемственность поколений реваншистов. Встреча кавалеров рыцарского креста с участием офицеров бундесвера.

Опасность, как всякая истина, конкретна. Она выступает в разных лицах, но все это персонажи одного действия. По-прежнему существует неонацистская НДП с десятками тысяч своих сторонников. Неудачи последних лет и изменение политической ситуации в стране заставили ее членов активно включиться в деятельность других правых организаций, в первую очередь в рамках «Акции сопротивления». Последняя была основана 31 октября прошлого года в Вюрцбурге, куда съехались правые экстремисты на свое очередное конституционное собрание. Вюрцбург заставил задуматься многих либералов, до этого снисходительно улыбавшихся при словах «правый картель». Адольф фон Тадден, один из главных организаторов и ораторов встречи, призвал ее участников к решительному сопротивлению правительственной политике улучшения отношений с социалистическими странами. Громогласное ответное требование толпы «Брандта к стенке!» эхом великогерманского линча прокатилось по всей стране. И многие сомневавшиеся вдруг подумали: «А дай им в руки оружие?»

Они, кстати, его имеют. Даже без особых на то наставлений федеральная полиция (которая охотнее гоняется за левыми анархистами) регулярно обнаруживает склады с оружием. Не успели боннские полицейские сосчитать карабины, автоматы и пистолеты, найденные при случайной проверке автомашины члена НДП Бернда Хенгста, как вооруженная группа неонацистов среди бела дня напала на дом премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия Гейнца Кюна. Только переписали адреса 12 арестованных в первом и 15 задержанных во втором случае (перед роспуском их по домам), как обнаружили еще один тайник с оружием.

Неонацисты собирают оружие, устраивают нападения на бюро ГКП, профсоюзов, демократических молодежных и студенческих организаций, их задерживают (в лучшем случае), берут у них визитную карточку и отпускают восвояси. И они снова в свободное от работы время чистят дома оружие и намечают очередную вылазку. Они не оригинальны в своей ненависти. Как и коричневорубашечники 30-х годов, они выплескивают свою злобу вначале на коммунистов, потом на профсоюзы, затем на социал-демократов... Реакция властей («Ничтожная кучка!») лишь разжигает их ненависть. Снисходительность подталкивает их к самоутверждению.

Где же конец этого опасного попустительства? Пресса правых и их лидеры обвиняют членов правительства в «распродаже национальных интересов», на стенах их домов выводят надписи «Предатели!», неонацистские боевики тренируются в стрельбе по их портретам — и все это считается в порядке вещей и не дает повода для беспокойства. Не мудрено, что как грибы после дождя растут все новые и новые ультраправые организации! К НДП и союзам изгнанных, к старым реваншистским организациям «Витикобунд», «Киффхойзербунд» и «Германская молодежь Востока» добавились новые пополнения.

Великогерманцы с помпой отметили столетие бисмаркского рейха и продемонстрировали филистерскому болоту, откуда они всегда черпали свои резервы: «Есть еще порох в пороховницах!» Наряду с «Акцией сопротивления» были основаны такие правые организации, как «Дойче унион» в Ганновере под патронажем выходца из «Гитлерюгенда» и перебежчика из СвДП Зигфрида Цогльмана и «Дойче фольксунион» в Мюнхене во главе с издателем неонацистской газеты «Дойче национал-цайтунг» Герхардом Фреем.

Их отличает друг от друга лишь разная степень ненависти к происходящему процессу нормализации обстановки в Европе. Но их объединяет общее неприятие послевоенных границ и смертная злоба к коммунизму.

Одна из активных групп «Акции сопротивления» — «Акция Одер — Нейсе» (АКОН), живущая только ради одного — отстаивать границы 1914 года, — распространяет листовки с требованием возврата всех областей, где раньше жили немцы. На листовках изображен все тот же любимый рейх в жирных границах 1914 года и черная стрела на восток с реваншистским призывом: «Германский народ нуждается в своих восточных областях!» В Ганау-на-Майне фюрер новоявленного «Германского освободительного движения» Роланд Табберт взывает к своим сторонникам: «Воссоединение германского единства в границах 1937 года!»

И все в один голос с Францем-Йозефом Штраусом: «Не допустить ратификации договоров с СССР и Польшей!» Так замыкается порочный круг великогерманского национализма вокруг разноликого табора правых сил.

ДОГОВОРЫ — ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ НОРМАЛИЗАЦИИ

Активизация правых сил на нынешнем этапе — логическое явление политического развития в Западной Германии. Это — следствие размежевания политических фронтов в ответ на политику разрядки напряженности в Европе. Не только предыдущее развитие событий и нынешняя обстановка в ФРГ, но и каждый наступающий день полностью подтверждает верность оценки, данной в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС:

«На протяжении всего послевоенного периода мы, как и наши союзники и друзья, исходили из того, что основа прочного мира в Европе — это прежде всего нерушимость границ европейских государств. Теперь договорами Советского Союза и Польши с ФРГ нерушимость границ, в том числе между ГДР и ФРГ, и западной границы польского государства, подтверждается со всей определенностью».

В связи с вопросом о ратификации упомянутых договоров в Западной Германии происходит резкое размежевание политических сил. Надо думать, что реалистически мыслящие круги в Бонне, да и в некоторых других западных столицах, понимают простую истину: затяжка с ратификацией породила бы новый кризис доверия ко

всей политике ФРГ, ухудшила бы политический климат в Европе и перспективы смягчения международной напряженности».

С подобной оценкой согласны все демократические, миролюбивые силы Западной Германии. В первую очередь представители рабочих выражают свою кровную заинтересованность в том, чтобы не допустить нового рецидива «холодной войны», чтобы закрепить первые шаги на пути нормализации отношений с социалистическими странами. Вот что сказал по этому поводу Эрих Вайгель, председатель совета профсоюзов на предприятии электротехнической фирмы «АЭГ» в Виннендене:

— Мы, рабочие и служащие, должны быть особенно заинтересованы в немедленной ратификации договоров, ибо они являются основой для дальнейших шагов и мер, которые послужат разрядке напряженности и обеспечению подлинного мира. В будущем это положительно скажется на экономическом развитии страны и будет содействовать определенной стабилизации рабочей занятости. Совершенно очевидно, что именно внешнеполитическая часть речи Брежнева для нас в ФРГ имеет большое значение, потому что он вновь опроверг ложь правого картеля об угрозе с Востока.

То, что находит поддержку у трудящихся, бесит ультраправых. Не прошло и недели после выступления товарища Л. И. Брежнева с трибуны съезда, как события в Мюнхене с новой силой подтвердили правоту его слов. 3 апреля в большом зале «Швабингерброй» собрались члены недавно созданной правой организации «Дойче фольксунион», сторонники НДП и «Акции сопротивления». Рядом с организатором неонацистского сборища Герхардом Фреем сидели члены ХСС Пистерер и Гиль. Главный оратор Фрей под истерические крики «Видерштанд!» («Сопротивление!») объявил беспощадную борьбу договорам с СССР и Польшей. В тот же час в центре Мюнхена состоялся митинг протеста против вылазки неонацистов. Рабочие баварской столицы, коммунисты, социал-демократы, члены демократических молодежных организаций пришли на митинг с лозунгами: «Правые радикалы — враги рабочих!», «Разве 25 миллионов мертвых — этого мало?», «1933 год предостерегает!», «ХСС, где твоя позиция?».

На последний вопрос участники митинга услышали ответ на пресс-конференции все в той же «Швабингерброй». Пистерер заявил, что уже около 100 членов ХСС вошли в «Дойче фольксунион». А Фрей обещал поддержку партии Штрауса.

— Конечно, откровенно говоря, нас не устраивает и ХДС/ХСС. Но это все же меньшее зло, чем СДПГ,— излагал он свою программу с трибуны «Швабингерброя».— Мы будем поддерживать ХДС/ХСС и одновременно оказывать на нее давление с тем, чтобы эта партия заняла твердый германский курс!

Вот она, программа правого картеля: объединение всех националистических сил для ожесточенного сопротивления любым попыткам нормализации в Европе! Западногерманские «ультра» готовятся к жаркому лету. На троицу 30—31 мая в Нюрнберге запланирована общегерманская встреча судетских землячеств. 7—11 июля в Мюнхене состоится «Германская встреча силезских землячеств». Это не узкие семинары функционеров. На каждую из встреч будет мобилизовано от 200 до 250 тысяч участников. Помимо этих двух общефедеральных сборищ, реваншисты намерены провести с апреля по октябрь этого года сотни региональных встреч землячеств.

...Я вновь вспоминаю тот день 26 сентября, сражение у памятника Вильгельму I. Рабочий Нюрнберг вышел тогда победителем. Решительной рукой он отбросил от себя правую нечисть. «Они не пройдут!» — сказали коммунисты и истинные демократы Западной Германии. Они не прошли тогда в бундестаг. Не прошли, но, верные своему твердолобому девизу «Ничего не забывать и ничему не учиться!», они делают ставку на новых союзников.

В моих руках секретная инструкция кельнского «Кружка друзей ХСС», одного из многих опорных пунктов баварского Штрауса по всей Федеративной Республике. Она четко и недвусмысленно инструктирует своих приверженцев:

«В соответствии с договоренностью на Марбургской встрече с НДП мы обратились ко всем сторонникам НДП с призывом: голосуйте за ХДС/ХСС, укрепляйте оппозицию, помогайте ей вернуться к власти! Франц-Йозеф Штраус — человек будущего. Он идет не на смену Адольфу Гитлеру, он и не сможет его заменить, но он обладает качествами лидера... Он хочет сильной Германии. Штраус выступает за Европу, но за антисоветскую. Немецкая молодежь нуждается в четком, твердом руководстве — с приходом Штрауса к власти ей будет обеспечено соответствующее суровое и национальное воспитание. Мы стремимся к территориальному порядку в границах 1914 года — союзы изгнанных ожидают этого от нас. Бундесвер должен быть превращен в вооруженные силы с национальным командованием. Офицерский корпус ждет сильного человека — Франца-Йозефа Штрауса. Следует обуздать всю прессу. Аксель Цезарь Шпрингер подготавливает этот внутренний порядок. Он наш человек в этом секторе. Мы нужны ему, он нужен нам. «Байерн-Курир» и «Национал-цайтунг» остаются нашими главными органами, в них указывается направление. Мы переходим к активному сопротивлению всеми имеющимися средствами, в том числе и в экономике. Мы должны добиться власти силой. Так или иначе! И даже в том случае, если выборы пройдут не по-нашему».

...История загнала их в оппозиционные траншеи. Но, верные духу великогерманской агрессивности, они и не думают сдаваться. Напротив, они норовят поднять в наступление все свои силы. Пока они идут в психическую атаку. Выпрямившись во весь рост, пресловутым гусиным шагом. Самоуверенность? Да. Унаследованная от великогерманских предков, раструбленная попустительством. Но нет уже былой безропотности толпы. Навстречу шеренгам ультраправых твердой поступью идут непреклонные ряды коммунистов, демократов, борцов за мир.

Бонн. АПН.

ПАМЯТИ ЕКАТЕРИНЫ ФЕДОРОВНЫ БЕЛАШОВОЙ

Невосполнимую потерю понесло советское искусство. От нас ушла крупнейший скульптор и общественный деятель Екатерина Федоровна Белашова.

«Это чисто русский талант...— писал о Белашовой Сергей Тимофеевич Коненков.— Образы ее произведений рождены всем укладом нашей жизни, мужеством русских людей, красотой родной природы, замечательным народным искусством.

Ее произведения согреты любовью к человеку, отражают подлинно человеческие стремления к свободе и вдохновению».

Вдохновенной, насыщенной, целеустремленной, как ее творчество, была и вся жизнь Екатерины Федоровны. От крестьянской девочки, отданной по бедности в няньки, когда ей лишь тайком на чердаке удавалось урвать минутку для любимого занятия — лепки, до народного художника СССР, лауреата Государственной премии, члена-корреспондента Академии художеств СССР, награжденного орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, до председателя правления Союза художников СССР прошла путь эта замечательная женщина.

...Порой мастерская скульптора подолгу оставалась запертой, потому что Екатерина Федоровна была в это время на Украине или в Латвии, в Азербайджане или Мордовии... Открывала выставки, встречалась с художниками, вела с ними горячий и мудрый, озабоченный сплочением творческих сил советского изобразительного искусства разговор. Особенно охотно и щедро дарила она свои силы, время, свой яркий талант организатора и отточенное, умное слово пропагандиста молодежи. Она говорила молодым художникам:

— Наша задача — создавать искусство, которое выражало бы душу революционного народа, строящего новое, коммунистическое общество. Такое искусство всегда посвящено человеку. Это гимн о человеке, это поэма о жизни человека, о его подвигах, о его красоте, о силе и нежности, о мудрости, о всей сложности его душевной жизни и гражданской чести. Нам надо говорить о счастье борьбы за утверждение наших идей, а это значит — говорить о счастье труда, утверждать труд как необходимость человека-творца.

Е. Ф. Белашова воспитывала в молодых художниках самостоятельность в оценке художественных явлений, призывая при этом неизменно помнить, что «нашим критерием здесь должны быть всегда партийность и народность искусства». А о себе она говорила:

— Для меня жизнь человека — это счастье борьбы за преобразование мира. Я больше люблю сам процесс творчества, чем его результат... Борьба за новое, лучшее будет и при коммунизме, потому что нет предела совершенствованию жизни. Но только там, в будущем, перед искусством встанут новые задачи, потребуются новые открытия.

Любила Екатерина Федоровна, когда работала, петь.

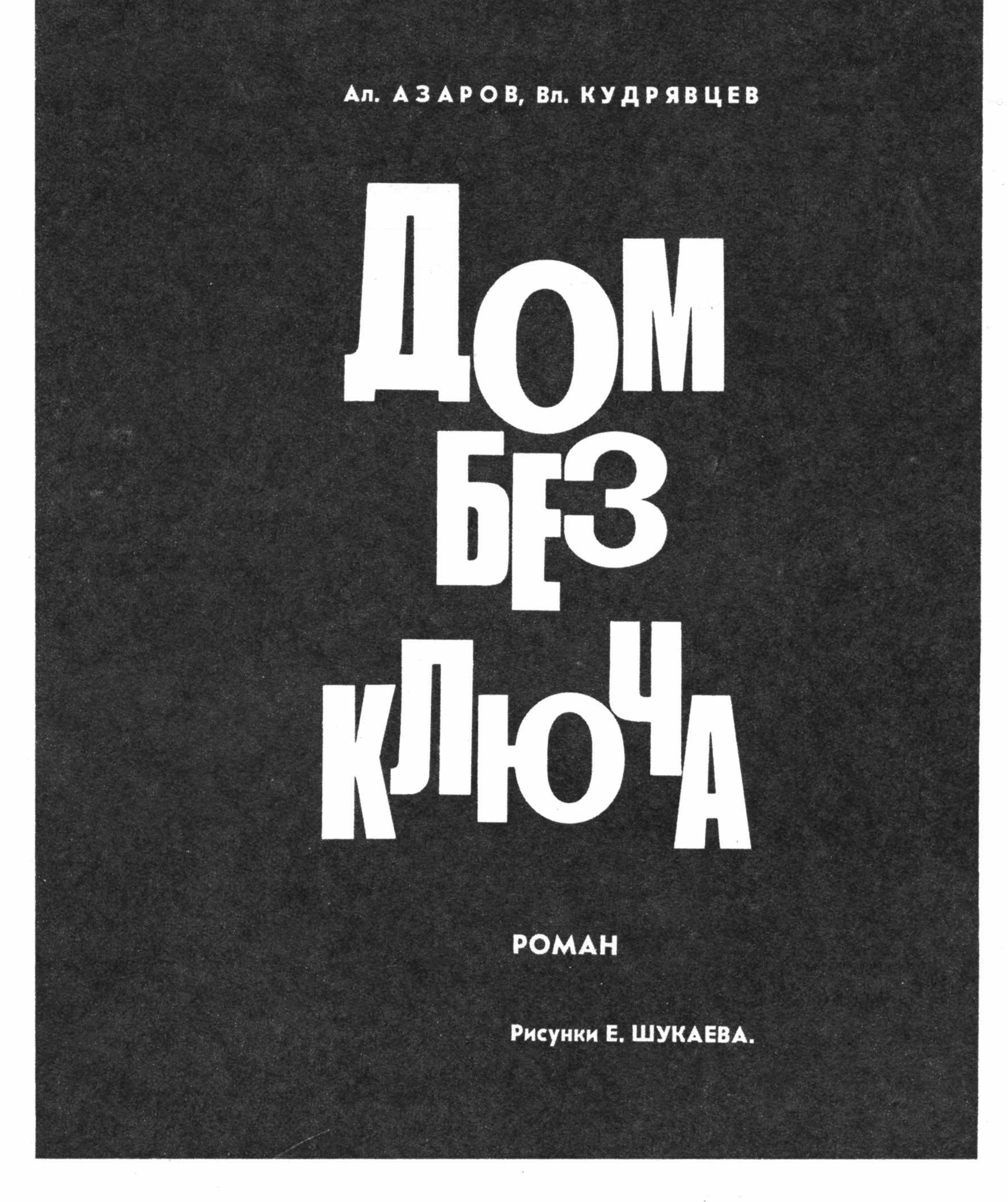
— С тех пор, как себя помню, я лепила и пела, пела и лепила...— рассказывала ваятельница.

Смерть оборвала песню. Оборвала творчество... Тяжело и горько думать, что никогда больше не зазвучит сильный, чистый и красивый голос художницы, не коснутся чуткие пальцы послушной глины, рука не возьмет резец, чтобы завершить памятник Крупской, над которым Екатерина Федоровна долго, с любовью работала, не появится в этой дышащей творчеством мастерской новый образ, не будут закончены незавершенные работы...

Вот они, ее герои: «Ленин-юноша» и «неисчерпаемый», как она говорила, Пушкин. Гордо выпрямившая хрупкую фигурку «Непокоренная» и седоусый богатырь «Партизан». Сияющая «Шурка» в венке из цветов и «Боец» в плащ-палатке. Подпоясанная солдатским ремнем «Зоя» и молодая крестьянка, отдыхающая на мягком лугу...

Все они и еще многие, многие произведения Е. Ф. Белашовой вошли в сокровищницу советской скульптуры, стали яркими, образными, художественными документами эпохи.

Белашова принадлежала к плеяде наших замечательных женщин-скульпторов, таких, как Голубкина, Мухина, Лебедева. Ее песенное, правдивое, великолепное пластическое мастерство, глубоко народное, принадлежит нашему светлому будущему, и поэтому искусство Екатерины Белашовой, искусство художника-коммуниста будет жить вечно!



и Роз, глядя на его поношенный костюм, понимала, почему. Среди эмигрантов не все были богачами, а Жан не вывез из Брюсселя ничего, кроме рук. Первое время Роз думала, что Дюрок — вымышленная фамилия: в Швейцарии каждый мог зарегистрироваться под тем именем, какое хотел взять. Беженцы, как правило, слишком хорошо помнили о гестапо, и мало кто пользовался старыми документами. Но Жан или не боялся гестапо, или пренебрегал возможностью оккупации немцами Швейцарии,— во всяком случае, на письмах, получаемых им из Брюсселя от матери, стояло «Анриетта Дюрок». Роз видела ее фотографию — совсем седая старушка, лицом, до мелочей повторяющим лицо сына. Жан сказал: «О Роз, если б вы слышали, как она поет! Вторая Патти!» Совсем случайно Роз узнала, что Жан прекрасный инженер. Один из информаторов группы, конструктор-немец, бежавший в Лозанну сразу же после прихода наци к власти, упомянул, что в новой работе намерен воспользоваться идеей, запатентованной Жаном Дюроком, и что идея эта превосходна. Роз сообщила об этом Ширвиндту, добавив, что для абвера или гестапо было бы, пожалуй, недопустимой роскошью использовать в качестве осведомителя того, чей технический талант был бы полезен третьему райху. «Я знаю здесь двух ученых,— ответил Ширвиндт,— оба — физики; один работает на немцев, другой — на американцев. Это тебя удивляет?» «Но Жан не похож на разведчика!» «Быть похожим — это большой минус для профессионала».

Как ни сопротивлялась Роз, она не могла не признать, что Ширвиндт говорит правду. Швейцария и до войны кишела агентами, среди которых встречались и двойники и даже тройники. Не составляло особой тайны, что кафе возле здания кантонального правительства служит излюбленным местом встреч представителей многочисленных секретных служб. Один и тот же секрет в иные вечера становился достоянием и англичан, и американцев, и сотрудников полковника Пасси из Сражающейся Франции: все зависело от ловкости продавца. Швейцарская полиция не трогала завсегдатаев кафе, предпочитая молчаливо наблюдать за ними и сообщать подробности в люцернское «Бюро Пилатус» — контрразведку Генерального штаба. Об этом группа узнавала через одного капитана, ненавидевшего Гитлера и нацизм и располагавшего неопровержимыми данными о том, что гестапо в Швейцарии завербовало в Генштабе немало сторонников. На рапорт капитана командующему о нацистском засилье последовало указание о переводе его из контрразведки в разведывательное отделение — подальше от дел, связанных с расследованием нацистских комбинаций. Передавая преемнику досье, капитан по просьбе Ширвиндта успел навести справки о Дюроке и не обнаружил ничего компрометирующего. Роз торжествовала...

На какое-то время Ширвиндт словно бы забыл о Жане, и Роз думала, что он примирился, но после приезда Шредера произошел крупный разговор, а несколько дней спустя второй. И наконец вчера Ширвиндт поставил все точки над i.

Роз слушала его с оледеневшим сердцем.

Она не узнавала Ширвиндта. Куда девалась его мягкость и та особая деликатность во всем, что касалось ее? Роз прежде только однажды видела его таким — в Москве на Знаменке, когда она еще не думала, что будет работать именно с ним, и он был для нее просто человеком с ромбом в петлицах. Третий участник разговора, сухощавый штатский с невыразительным лицом, позволил себе слегка улыбнуться, слыша ее категорическое: «Даже если потребуется умереть!» — и спокойно вмешался: «Это самый нежелательный вариант — смерть». Выслушав обоих, Ширвиндт с минуту молчал, разглядывая ногти на широких руках, потом сказал: «Предусматривать надо все, так будет лучше!» И голос его был сух, как отсчет метронома.

8. АВГУСТ. 1942. ЖЕНЕВА, УЛИЦА МЮЛЛЕР БРЮН.

Роз хандрит с самого утра. С ней иногда это бывает. Вообще-то она оптимистка, но жизнь в Женеве постепенно угнетает ее. Здесь так чинно, тихо и пусто; даже знаменитое озеро прилизано и послушно, словно пансионерка. В Давосе и Сен-Морице — там веселее. Роз раз в неделю ездит на курорты, проводит несколько часов в компании отпускников из Германии. Герои Крита и Эль-Аламейна залечивают раны, а точнее, волочатся за всеми юбками без разбора и щеголяют друг перед другом на лыжных трассах. Среди них попадаются и штабные сердцееды, и Роз сто́ит немалых усилий держать их на дистанции. Белокурые бестии, такие надменные у себя дома, здесь словно расстегивают все пуговицы на мундирах и готовы вовлечь любого в орбиту развлечений. Роз строга, и это раззадоривает их, но отпуск — он так короток! Офицеры разъезжаются по своим частям, ничего не добившись, и пишут Роз письма, где сентиментальные признания перемежаются описаниями побед. Из этих писем Вальтер довольно легко выбирает то, что ему нужно.

Комната Роз на улице Мюллер Брюн обставлена по-спартански. Единственная по-настоящему дорогая вещь — хороший радиоприемник, принесенный Вальтером. Есть еще несколько старинных гравюр, купленных Роз у букиниста. Вальтер платит ей ровно столько, сколько хватает на скромную жизнь. Роз сердито шутит, что в других фирмах секретари получают прибавки и премии, но на Ширвиндта ее слова не оказывают действия. Весной Роз за счет жесточайшей экономии купила себе маленький венецианский трельяж в раме из темного дерева, ей до смерти надоело причесываться перед зеркальцем для бритья. А волосы у нее пышные, и с ними у Роз немало возни!

Роз сидит у зеркала и с отвращением рассматривает свое отражение. Она себе не нравится. Вздернутый нос крупноват, щеки впалы, рот слишком ярок, только брови и глаза хороши. Роз запудривает тени и щеткой пытается уложить волосы как надо. Пряди лезут на лоб, и ничего не получается.

А Роз так хочется быть красивой! Не для себя — для Жана. Совсем ни к чему, чтобы он по ее лицу догадывался о неприятностях. Роз сама решила свою судьбу, и переживания касаются только ее. Вчера она еще раз сказала Ширвиндту, что любит Жана. Ширвиндт пожал плечами.

— Любишь? А что ты знаешь о нем?

— Все! — отрезала Роз.

— За два месяца?

— Если рассуждать по-твоему, я должна ждать до глубокой старости.

— Мы все ждем.

— Ты мужчина, Вальтер.

— Для дела это не важно.

— А чем помешает делу любовь?

— Не передергивай, Роз... И потом — разве тебя не предупреждали? Мне очень не хочется напоминать тебе об этом, но я вынужден. Никто не требовал от тебя согласия. Ты вызвалась сама, и тебе честно сказали все без утайки... В одном ты права: наше дело для мужчин, но уж коль ты убедила Центр, что справишься, не проси себе женских привилегий.

— Добавь: и надень брюки, Роз!.. Тебе хочется, чтобы я была несчастна? И это, по-твоему, долг?

Никогда раньше Роз не позволяла себе говорить с Вальтером так. Но слишком уж накипело. Все нельзя — то, это; каждый шаг обдумываешь и взвешиваешь, словно готовишься к полету на полюс. Хочется вечером повеселиться и потанцевать, но — нельзя. «Ты не должна выделяться, Роз!» Обзаводишься приятельницами — и Ширвиндт против: «Кто они такие? Будь осторожна!» Родилась любовь — и нет, нет, нет: даже чувства оказываются под запретом! «Идет война. Мы не принадлежим себе». А кому? Родине? Но родина — это тоже «мы», и дома Роз учили другому: «Человек создан для счастья, как птица для полета!» И в присяге ни слова не сказано, что от нее требуется обет безбрачия... Два месяца... Мало? Шестьдесят дней, когда каждое утро думаешь о встрече, вспоминаешь жесты, походку, голос. Узнаёшь не только прошлое, но и мысли человека и, говоря с ним, не напрягаешься, стараясь угадать скрытую опасность. Опасаться — кого? Жана? Что ж, она и ему поверила не сразу. Но он не требовал от нее ничего — ни рассказов о себе, ни доверия, ни любви. В своем одиночестве он искал в ней просто друга и давал больше, чем брал. Они встречались только в саду. Жан покупал пакетик голубиного корма, и голуби знали его, подкатывались к самым ногам и клевали с ладони... К себе он стеснялся приглашать,

Эти же сухие ноты Роз уловила и вчера, и они породили протест. В конце концов чем она провинилась, чтобы с ней говорили так? Она только и делает, что ограничивает себя во всем. Нет минуты, которую она посвятила бы себе целиком: поездки, возня с шифрами, работа на ключе передатчика, постоянное ощущение свинцовых глаз соглядатаев на спине и затылке. Вот уже полгода, как она засыпает только с помощью веронала. А замены нет. Когда Ширвиндт сказал ей, что придется остаться еще, разве она протестовала? Вздохнула и промолчала, хотя мысленно уже видела себя поднимающейся на четвертый этаж кирпичного дома в переулке, где над парадной дверью прикреплен алебастровый значок Осоавиахима, означающий, что все жильцы являются членами общества. В этом доме ждут ее, перечитывают редкие письма.

— Ты уедешь в Давос,— сказал Ширвиндт вчера.

— Надолго?

— Да.

— А контора?

— Я возьму секретаря по объявлению. В конторе нет ничего, что не относилось бы только к географии и изданию карт. Придется лишь избегать некоторых встреч. Если секретаря подставят — тем лучше: пусть убеждаются, что мы просто мелкое издательство, балансирующее на грани разорения...

Роз поднесла ладони к щекам.

— Так нужно,— сказал Ширвиндт.— Да ты и сама понимаешь...

— Еще бы! — горько сказала Роз.

— Завтра передашь Шекспиру и Камбо, что они получат по открытке. Пусть проявят ее в марганцовке и лимонной кислоте, две части на одну,— там будет пароль и псевдоним связиста.

— Вальтер!..

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—20.

— С Дюроком, конечно, попрощайся. Скажешь, что получила отпуск, едешь в Сен-Мориц... Об остальном поговорим завтра...

Прощай, Женева! Прощай, все!.. Роз думает об этом и улыбается своему отражению в зеркале самой веселой из всех своих улыбок. Сегодня она не должна выглядеть грустной, пусть Жан запомнит ее улыбающейся, а не скорбной. Она уже почти решила, что если Жан захочет прийти к ней сегодня вечером, она не скажет «нельзя»...

Под пудрой исчезают тени у глаз и скрадывается тоненькая морщинка на лбу. Роз красит губы и кончиком платка убирает с уголков рта лишнюю помаду.

На улице прохладно, и Роз идет, подставляя ветру лицо. Знакомый полицейский на перекрестке приветствует ее, подбросив к козырьку два пальца в белой нитяной перчатке. Роз кивает ему, а он провожает ее взглядом, не удостоив внимания господина в сером котелке, идущего по другой стороне улицы в том же направлении, что и Роз. Этот господин целое утро околачивается на Мюллер Брюн — присматривает комнату подешевле и безобразно торгуется с хозяйками.

Шекспир живет на улице Каруж, 26. Прозвище ему дала Роз за пристрастие к театру. Он владелец радиомагазина и все свое свободное время тратит на поиски редких экземпляров пьес у букинистов и изготовление усовершенствованных передатчиков. Рации, на которых работают товарищи Роз в Швейцарии и за границей, сконструированы Симоном Бушем, подписывающимся под сообщениями Центру фамилией гениального драматурга.

По привычке Роз сначала смотрит на электрочасы, укрепленные над дверью, и только потом берется за ручку. Часы с секретом — они автоматически останавливаются, если Шекспир включает передатчик. После сеанса хозяин пускает их снова, скорректировав время. Сейчас секундная стрелка скачет с деления на деление, и Роз открывает дверь. В глубине помещения тренькает серебряный звоночек, оповещая Буша о покупателе. Он спешит из жилых комнат, стряхивает с усов прилипшие за завтраком крошки.

— О, это вы! Так рано?

Роз морщит нос.

— Перебои с покупателями, Симон?

— Напротив — всем нужны в наши дни недорогие приемники. Кто слушает известия, а кто — музыку. Война и мир!

— Вам просили передать, что придет открытка с альпийской фиалкой. Марка в десять сантимов.

— Уже получил. Что с ней делать?

Роз объясняет и достает из кассеты на прилавке пластинку с собачкой и граммофоном на лакированном пакете.

— Это хорошая запись?

— Обычная. «Хис мастерс войс», качество звучания на высоте, чего не скажешь о музыке.

— Все равно: у меня же нет патефона.

— Двести франков...

— И двухсот франков тоже.

— Я подарю вам патефон на день рождения. Когда приготовить?

— О, не скоро, Симон, да я и не люблю музыку. Во всяком случае, такую... А сейчас что бы мне выбрать?

— Из мелочи?

— Конечно, Симон...

Буш в затруднении щелкает пальцами.

— Может быть, ночник?

— Это дорого?

— Со скидкой сущие пустяки.

Лампа изящна и нравится Роз — три цветка, соединенные на тонком качающемся стебле. Буш заворачивает ее в гофрированную бумагу и пробивает в кассе талон. Серебристый, украшенный пуговками «Универсаль», позванивая, выбрасывает в окошечко цифры. Поворачивая ручку кассы, Буш случайно заглядывает в стеклянную витрину и натыкается на взгляд мужчины в сером котелке, стоящего у магазина на тротуаре.

— Минуту, Роз... Не поворачивайтесь!

— В чем дело?

— Там один тип, хочу, чтобы он прошел.

— Вы знаете его?

— Он заходил на днях, выбирал приемник. Немец из Брауншвейга, так он отрекомендовался.

— Ну и что? В Швейцарии, по-моему, каждый третий — немец. Да и вы тоже.

— Все-таки пусть он пройдет.

— С вашей мнительностью...

— Вот-вот,— подхватывает Буш,— с моей мнительностью я не хочу быть похищенным гестапо и увезенным в Берлин. С меня по горло хватит встреч со штурмовиками в тридцать четвертом. Вам приходилось слышать о «Коричневом доме» в Мюнхене?

— А есть такой?

— Я провел там две недели и каждое утро жалел, что когда-то появился на свет... Ну вот, прошел. Вы еще заглянете ко мне, Роз?

— Надеюсь...

Роз выходит, слегка взволнованная. Пройдя несколько шагов, останавливается у витрины и рассматривает выставленные там шляпки. Улица пуста: серый котелок исчез.

На всякий случай Роз не сразу едет в такси к вокзалу, где за столиком ресторана сидит, читая свой «Дер Бунд», терпеливый Камбо.

За столик она садится, как чужая, заказывает чай, пирожное с цукатами и сбитые сливки с корицей. Пока официант достает из горки посуду, Роз разминает в пальцах тоненькую румынскую пахитоску. Камбо с неодобрительным выражением чиркает спичкой.

— Позволите?

— О, благодарю!

— Сигареты натощак?

— А разве это плохо?

Со стороны все выглядит, как завязка флирта. Обычная сценка для ресторана, особенно с начала войны, когда спрос на мужчин резко возрос. Официант равнодушно звенит посудой, нимало не интересуясь разговором. Он хотя и сотрудничает с полицией, но в политическом отделе, а не в комиссариате по надзору за нравственностью.

Камбо складывает газету по сгибам и мелкими глотками пьет кофе. Его лицо словно связано из морщин. Узкий рот старчески пришепетывает:

— В коробке... очень важные новости... Возьмите, когда я уйду.

— О чем?

— Увидите сами... Сталинград...— И громче:— У мадемуазель, конечно, есть телефон?

Роз смеется.

— Мой друг ревнив!

— Весьма сожалею... Гарсон!

С педантичностью скупца Камбо отсчитывает мелочь, не дав ни монетки на чай. Тем не менее официант не обижен: он привык к скупости богатых господ. Свой франк он получит от этой утренней пташки.

Роз продолжает улыбаться в спину Камбо. Этот человек ей неприятен. Как все загадочное, он вызывает если не страх, то инстинктивное предубеждение. За время знакомства он не сказал о себе и пяти слов. Несомненно только, что он немец и бывший социал-демократ. Несомненно и то, что связи у него поистине гигантские. В самом начале он предупредил Вальтера через Роз, что их сотрудничество продолжится до окончания войны и ни на час дольше. И без церемоний пояснил, что не является поклонником большевизма.

— Если вы удовлетворитесь этим, то все будет хорошо.

Роз возразила:

— Но мы должны знать, с кем имеем дело.

— Мои убеждения? Антифашист.

— Довольно расплывчато.

— Что поделать... Я один из тех, кто прозевал превращение человека с усиками в фюрера империи. Я и мои друзья. Чтобы помочь ему попасть в ад, я войду в любой блок. Кроме того, мне нужны деньги.

Роз поежилась.

— Это не цинизм, мое дитя, а опыт. Так и скажите вашим. И еще скажите, что при первой же попытке проникнуть в мое прошлое я прерву связь...

С тех пор сведения от Камбо идут как с конвейера, но Вальтер — Роз это чувствует! — держится настороже. Правда, пока не было поводов усомниться в их точности, однако кто может поручиться за будущее? Центр тоже предупреждает о бдительности... В глубине души Роз довольна, что видится с этим человеком в последний раз.

Официант, получив свой франк, склоняет реденький пробор. Роз прячет спички в сумочку и, нацепив пакетик с покупкой на палец, мило благодарит швейцара, распахивающего дверь. Через третий перрон она, обогнув вокзал, возвращается в город. За ней никто не следит...

Ширвиндт вместо приветствия ласково встряхивает Роз за плечи.

— Устала?

— Не слишком.

— Ты едешь сегодня. Вот билет.

— Хорошо,— говорит Роз ровным голосом.

— Ну, ну, не надо вешать носа!..

— Загляни в коробок.

— Камбо?

— Да, он... У него физиономия Квазимодо. В его присутствии мне не по себе — ничего не могу с собой поделать...

— Да,— говорит Ширвиндт рассеянно и разглядывает записку.— Но то, что мы получаем, чертовски интересно.

Роз закуривает и пускает дым через ноздри. Даже находясь в отдалении, Камбо заставляет ее нервничать.

— Знаешь,— говорит она,— мне кажется, что он работает еще на кого-то...

— На кого же?

— На американцев... А может быть, на гестапо.

— Я думал об этом.

— И все-таки?

— Согласен, риск есть. Но пока он помогает нам, и нельзя плевать в колодец. Будем осторожны с ним, насколько возможно.

— Когда ехать?

— Ночным. Последним сеансом передашь данные Камбо. Рацию оставишь в тайнике, за ней придут.

Косым, торопливым почерком Ширвиндт переписывает текст с бумажки на листок из бювара, кладет его в конверт.

— Возьми. Зашифруй поаккуратнее и передай дважды. Выйдешь из эфира, только когда получишь квитанцию. Приема не веди и предупреди об этом заранее.

...До вечера Роз возится в конторе, собирает дела, подшивает письма, счета из типографии, запросы поставщиков. Ее преемник найдет канцелярию в полном порядке. Среди почты Роз обнаруживает повестку из налогового управления и кладет ее в корзиночку для спешных бумаг. Будь она в другом настроении, она бы заинтересовалась повесткой, пришедшей почему-то задолго до конца года, но сейчас ей не до того: мысль о встрече с Дюроком поглощает ее до конца.

Ровно в четыре Роз уже в саду. Жан кормит голубей, жирных до отвращения. Роз впервые замечает, что голуби так непристойно толсты и прожорливы.

Жан робко смотрит на нее.

— Ты не хочешь посидеть?

— Нет, Жан, давай пойдем.

— В кино?

Он вопросительно вздергивает подбородок и звенит мелочью в кармане.

— Что-то не хочется...

— Но куда же,— спрашивает Дюрок. И тут же догадывается:— К тебе?! Это правда, Роз?

— Да,— говорит она, боясь передумать.

Жан обнимает ее, и они идут, тесно прижавшись друг к другу. Роз чувствует, что начинает дрожать, но храбро ступает на порог своего дома. Лестница безлюдна, но даже окажись на ней кто-нибудь, Роз не изменила бы решения. «Завтра меня здесь не будет»,— думает она и вставляет ключ в замок.

Жан тоже растерян. Оказавшись в комнате, он замирает в кресле и сидит — большой, немного неуклюжий, с беспомощными, добрыми глазами. Роз с гордостью смотрит на него: такой красивый и умный, он полюбил ее, а не другую девушку, хотя любая была бы счастлива с ним.

— Иди ко мне,— шепотом говорит Жан, и Роз повинуется.

«О господи, как я люблю его!» — думает она, позволяя ему целовать себя и расстегивать блузку. Остается только одна пуговичка у самого ворота, и тут Роз внезапно делается страшно опытности рук Жана. Она открывает глаза и отодвигается. «Только не сейчас!..»

— Не сейчас,— говорит она.

— Но почему?

— Завтра...

Она рассматривает его руки, сильные пальцы с крепкими суставами, серебряный перстень с монограммой. «Но я же действительно ничего не знаю о тебе, Жан!» Сердце ее бьется все чаще и чаще.

— О Жан... не сердись... это не так просто...

— Не надо,— ласково говорит Жан.— Я все понимаю.

Она присаживается на кровать, достает из сумочки помаду и медленно, гораздо медленнее обычного красит губы. Под руку попадается конверт из плотной бумаги, и она кладет его на подушку. Жан молчит.

— Я заварю чай,— говорит Роз, избегая поднимать глаза.

— Если можно, кофе.

— О, конечно!

Только бы не оставаться наедине! Роз необходимо хоть минуту побыть одной. То, что она хотела сделать, оказалось свыше ее сил. И не Ширвиндт тому виной. Роз и сейчас верит Жану, но только вот эта опытность его рук... Кто, какие женщины заполняли его прошлое? Они не говорили о них, но женщины были, теперь она знает точно... А что еще было в его прошлом?

В крохотной кухне Роз, едва не плача, варит кофе по-турецки, бросает в кофейник для крепости щепотку соли и возвращается в комнату. Жан по-прежнему сидит в кресле, и лицо его тонет в полумраке. До отъезда остается всего несколько часов. «Прости меня, Жано!»

Роз разливает кофе по чашечкам и хочет поставить свою на приемник. Ищет, что бы подложить под влажное донышко, натыкается взглядом на конверт и, не сдержавшись, расплескивает кофе. Как он попал на подушку?!

Взгляд на открытую сумочку, еще один — на конверт, и Роз мгновенно вспоминает все. Отряхивая брызги с юбки, она пытается сообразить, сколько времени пробыла в кухне. Минут семь, не меньше. Вставал ли Жан с кресла и трогал ли пакет? Он мог подумать, что письмо от мужчины... А если он прочел его?

— Почему ты не пьешь? — спрашивает Роз, чтобы что-нибудь сказать.

— Жду тебя. Можно включить свет? Ничего не видно...

«Ничего не видно? — Роз нажимает пуговку выключателя.— Зачем он это сказал?..»

— Достаточно крепко?

— Да... Просто замечательно.

У него такой же твердый подбородок, как у тех белокурых бестий, с которыми Роз знакомится на курортах. И белые волосы. В Бельгии тоже встречаются альбиносы или нет?

Жан поднимается.

— Тебе лучше побыть одной.

Голос его звучит грустно.

— Ты прав, Жано...

— До завтра?

— До послезавтра... Я позвоню тебе в пансион...

После его ухода Роз долго стоит у окна, прижавшись лбом к стеклу. Надо все рассказать Ширвиндту... Но где его найти? В эти часы контора закрыта, а дома Вальтер бывает за полночь. Позвонить из Давоса? Странно, Жан ушел, навсегда исчез из ее жизни и судьбы, а она не может думать сейчас о нем. Только о конверте и Ширвиндте. Верно говорила мама когда-то, что одна беда гонит прочь другую.

...В 22.25 рация Роз выходит в эфир. Слышимость отличная, и Роз передает: КЛМ от ПТХ... КЛМ от ПТХ... КЛМ от ПТХ... Пятизначные цифры бусами тянутся одна за другой. Роз дважды повторяет текст и прячет передатчик в тайник на антресолях. До поезда остается меньше трех часов, а ей еще многое предстоит сделать. Роз вытаскивает из шкафа чемодан и принимается собирать вещи. На дно, под белье, она кладет кодовую книгу и маленькую, с ноготь величиной, фотокарточку тех, кто дома ждет ее возвращения из длительной служебной командировки.

9. АВГУСТ, 1942. БРЮССЕЛЬ, ЛЕОПОЛЬДКАЗЕРН — БЕРЛИН, ПРИНЦ-АЛЬБРЕХТШТРАССЕ, РСХА.

Третий час ночи, а комиссар Фридрих Гаузнер не собирается ложиться. Он может не спать сутками, и это не достоинство, а недостаток — результат длительного перенапряжения нервной системы. С того дня, когда его в числе наиболее опытных работников политической по-

лиции — зипо — включили в состав гестапо, прошло семь лет, и все эти годы Гаузнер живет с дамокловым мечом над головой. В его руках страшная власть, и он может покарать почти любого за проступок или ошибку, но у людей, стоящих над ним, власть еще страшнее, и если они захотят покарать его самого, то старший правительственный советник Гаузнер обратится в горсть смердящего праха. В биографии Гаузнера есть одно сомнительное место, о котором в управлении кадров до поры до времени как бы забыли: в двадцать третьем он разыскал и арестовал в Берлине двух баннфюреров СА — согласно приказу, разумеется, поскольку национал-социалистская партия и ее формирования были тогда объявлены вне закона. Этот деликатный штрих похоронен в досье, но он может всплыть, если Гаузнер поскользнется.

Сегодня Гаузнер ощущает легкое колебание почвы под ногами. Это еще не землетрясение, но ведь и лавина начинается с крохотного снежка. Поэтому Гаузнер не спит, сидит в кабинете, затянутый в мундир, и, прищурившись, вглядывается в лицо задержанной, стараясь отыскать на нем нечто большее, чем страх и страдание.

Две пятисотваттные лампы в рефлекторах направлены на это подергивающееся лицо. Пот и слезы, смешиваясь, стекают по щекам на дряблую шею и орошают блузку с камеей у ворота. Дорогая камея в старинной оправе служит комиссару напоминанием о сдержанности — владелица ее состоит в родстве с крупными промышленниками, связанными с концерном «Герман Геринг». Гаузнер старается, чтобы в его голосе звучали теплые, почти дружеские нотки.

— Ах, мадам,— говорит он.— И почему вы позвонили нам так поздно?

С ресниц задержанной буквально струится черная тушь.

— Если бы я знала!..

— Но мы же договаривались. Помните: я предупредил вас сразу — звоните сюда, кто бы ни пришел. Мы простили вам укрывательство Гро, постарались поверить, что он обвел вас вокруг пальца... Теперь я думаю: а не слишком ли гуманны мы были тогда?

— Заклинаю вас!..

— С вашим весом в обществе, состоянием, в вашем возрасте, наконец, я бы не флиртовал с врагами империи. Для Бельгии и бельгийцев будет лучше, если они прекратят салонную игру в сопротивление и осознают, что отныне их судьба связана с судьбой Германии. Рабочий агитатор, красный фанатик — такой еще может упорствовать и затягивать на себе петлю, но вы, интеллигенция, элита,— что ищете вы? Извините, не понимаю!

— Это — роковое недоразумение!

— Согласен, роковое... Вы заверяли меня, что дружески относитесь к нам. Не так ли? Но могу ли я считать другом того, кто забывает о своем долге? Почему вы не позвонили сразу?

— Я думала... Эта женщина сказала, что служит в полиции.

— В германской полиции нет женщин!

— Откуда мне было знать?

— Вы, конечно, поинтересовались ее документами?

— Я так растерялась.

— Это не оправдание...

Гаузнер поворачивается к протоколисту.

— Приготовьтесь, Эрик. Диктую перевод. Начали... Семнадцатого августа сорок второго. Подозреваемая — Анжелика Ван-ден-Беер, пятьдесят три года, католичка, вдова предпринимателя, проживает — 12, рю де Намюр, Брюссель. Допрос ведет старший правительственный советник Фридрих Гаузнер, отделение IV-E2-2 Главного управления полиции безопасности и СД. Подозреваемая говорит, что шестнадцатого августа поздно вечером ее посетила молодая женщина, назвавшаяся членом гестапо. Не предъявив удостоверения, опознавательного жетона или иных документов, подтверждающих ее права, она предложила госпоже Ван-ден-Беер выдать некоторые вещи арестованного ранее по этому адресу государственного преступника Гро. Подозреваемая говорит далее, что это требование она выполнила, передав неизвестной несколько книг из библиотеки, якобы принадлежащих лично Гро. Подозреваемая утверждает, что никаких иных предметов, кроме книг, передано не было. Подозреваемая примерно в двадцать три часа сорок минут сообщила об этом по телефону комиссару Гаузнеру, а затем повторила то же самое в показаниях на допросе... Пока все.

Гаузнер заботливо поправляет рефлектор так, чтобы свет падал на все лицо задержанной, и говорит гораздо строже, чем раньше:

— А теперь повторите еще раз с самого начала. И поподробнее, госпожа Ван-ден-Беер. Меня очень интересуют подробности.

Он слушает, не перебивая, и грызет резинку на карандаше. Протоколист разглядывает в карманное зеркальце белоголовый прыщ возле уха. Он не понимает ни слова на том языке, который госпожа Ван-ден-Беер и комиссар считают французским и который убийственно далек от языка Мопассана, Флобера и Гюго.

Гаузнер — самоучка. В сорок лет он черт знает какой ценой выучился кое-как говорить по-английски и по-французски. Этих знаний ему хватает, чтобы вести допросы без переводчика, а на большее он и не претендует...

Лицо задержанной меняется на глазах. Нестерпимые свет и жара, исходящие от пятисотваттных ламп, постепенно делают свое дело. Гаузнер щелкает выключателем.

— Какие же книги она взяла?

— Я не знаю... не помню...

— Вы стояли рядом?

Задержанная защищается изо всех сил:

— Я старалась не смотреть... клянусь вам!

— Опять клятвы? Не лучше ли вспомнить?

— Я постараюсь...

— Хорошо, я подожду.

— Там была книга в зеленом переплете. Я вспомнила: «Оды и баллады» Виктора Гюго!..

— Вот видите! Еще?.. Не волнуйтесь, выпейте-ка воды...

— Спасибо... Потом томик Жорж Санд, кажется, «Чертова лужа» и «Вороны» Анри Бека.

— Вот как? Странный вкус.

— И «Чудо профессора Ферамона».

— Вы читали эти книги?

— Да... Но «Чудо» только урывками, господин Гро очень любил ее и почти всегда перелистывал.

Гаузнер старается казаться равнодушным, но пульс у него начинает биться чаще. Он чувствует, как напряженно вздрагивает жилка на виске. Похоже, удача сама идет в руки.

— И в тот вечер, когда мы навестили его, он тоже читал?

— Он был в библиотеке часов до семи.

— Читал? Что именно?

— Как раз «Чудо»... и делал выписки.

— Вы назвали все книги?

— Были еще две или три...

Очевидно, в голосе Гаузнера прорывается то, что он так хочет скрыть, ибо задержанная с ужасом смотрит на него и начинает икать. Это икота от страха, которую трудно остановить, но у Гаузнера есть в запасе средство. Не наклоняясь, он с размаху бьет по дряблым нарумяненным щекам, звуком пощечин отрывая протоколиста от созерцания созревшего прыща.

— Хватит! Какие книги? Ну! Я спрашиваю: какие книги?

Новая пощечина.

— О-оо,— тихо стонет мадам.— Бить женщину...

Но Гаузнер уже попал в привычное русло и даже не пытается себя остановить. Теперь все равно. Если задержанная скажет правду, никому не будет дела до того, как удалось ее получить; если же нет, то жалоба родственников госпожи Ван-ден-Беер мало что прибавит к тем неприятностям, которые свалятся на голову Гаузнера. С вмешательством рейхсмаршала или без него комиссар отправится в лучшем случае в штрафную роту на Восток. Гаузнер явственно слышит негромкий голос обергруппенфюрера Мюллера, говорящего в обычной для себя небрежной манере: «Все эти подробности, голубчик, вы обязаны были выяснить при аресте Гро. При, а не две недели спустя... Две или три книги? Да, разумеется, просто пустяк! Ну, а если именно одна из них использовалась для шифра?!»

— Слушай,— тихо говорит Гаузнер, отделяя каждое слово.— Слушай, ты, старая подзаборная шлюха! Ты не выйдешь отсюда, пока не вспомнишь. Я выколочу из тебя даже то, в чем не признаются и на исповеди. Понимаешь?

Каждую фразу он сопровождает пощечиной, стараясь, чтобы удары приходились по щекам и переносице — это больнее. Руки задержанной, поднесенные к лицу, не мешают ему; как ни старается она закрыться, удары попадают в цель. Протоколист, в свою очередь, помогает ему длинной металлической линейкой.

Женщина начинает кричать.

Гаузнер, отдуваясь, складывает руки на груди и ждет. Он знает, что теперь придется подождать. Так уж устроен человек, что побои не вдруг проясняют память. Протоколист вздергивает брови, спрашивает:

— Господин советник прикажет позвонить в комендатуру?

— Не сейчас... Она все расскажет и так. Немного терпения...

Через полчаса Гаузнер диктует протокол:

— Подозреваемая говорит, что неизвестной изъяты следующие книги: Жорж Санд «Чертова лужа», издание девятисотого года; «Оды и баллады» Гюго, издание двадцать второго года; «Вороны» Анри Бека, издание тридцать пятого года; «Чудо профессора Ферамона», издание десятого года; сочинения Оноре де Бальзака, тома второй и девятый; «Буря над домом», издание Эберса...

Протоколист, прикусив от старания кончик языка, печатает на машинке и почтительно посматривает на Гаузнера.

— Конец?.. Если господин советник позволит, это просто волшебство!

— Не льстите, Эрик. Пишите. Со слов подозреваемой. Составлен комиссаром Гаузнером. Словесный портрет. Лет — двадцать два — двадцать пять, рост — до ста шестидесяти, телосложение — хрупкое. Блондинка, лицо овальное, щеки худые, лоб высокий, нос прямой, острый, глаза серые. Разыскивается за совершение государственного преступления — шпионаж в пользу Советского Союза. Говорит по-французски и по-немецки без акцента. Шестнадцатого августа была одета в шелковый клетчатый плащ, клетка серая, фон серебристый. Особая примета — левая бровь асимметрична и несколько короче правой... Абзац... В июле сорок второго дважды замечена в Брюсселе, но потеряна агентами наблюдения в Льеже. Не исключено, что вооружена и окажет при аресте сопротивление. В случае ареста немедленно известить Управление гестапо в Берлине через офицера. Содержать в наручниках, не допрашивать... Написали?

— Да.

— Адресовано: высшим руководителям полиции безопасности и СД в Париже, Брюсселе, Гааге и приграничных гау Германской империи. Для исполнения — гестапо. Подлинный подписал — Гаузнер, старший правительственный советник. Брюссель.

У задержанной лицо опухло от слез и пощечин.

— Я вспомнила все... Вы отпустите меня? Ведь, правда, я смогу уйти?

«Только через кремационную трубу»,— думает Гаузнер и говорит с самым любезным видом:

— Разумеется, вас сейчас проводят.

Когда конвой забирает арестованную, комиссар звонит вниз, в комендатуру, отдает нужные распоряжения и, не медля, вызывает полевой аэродром. Материал слишком важен, чтобы доверить его фельдсвязи. В таких случаях лучше всего лететь самому.

В самолете Гаузнер спит. Он сделал свое дело и имеет право отдохнуть, тем более что по опыту ему известно, как трудно получить приличный номер в общежитии РСХА. Здесь всегда переполнено.

Берлин встречает его серым от дождя рассветом. В аэропорту Гаузнер не меньше часа созванивается с Главным управлением безопасности и ждет обещанную машину. За ним присылают не «хорьх», а потрепанный БМВ с молчаливым громилой за рулем. По дороге Гаузнер спрашивает его о прогнозе погоды, но ответа не получает. Широкий затылок громилы багров, как окорок. Гаузнер брезгливо рассматривает его, и настроение у него падает. Здесь, в Берлине, он только шестеренка громадного аппарата. Неизвестно, как еще расценят его самовольный прилет.

На Принц-Альбрехтштрассе громила равнодушно распахивает дверцу и, даже не отхозяв, возвращается за руль и отъезжает. Маленький человек, сидящий в комиссаре Гаузнере и расправивший было плечи в Брюсселе, опять начинает в полном объеме сознавать свое ничтожество.

Тем более неожиданным оказывается для Гаузнера прием, оказанный ему штандартенфюрером Рейнике. Выслушав доклад, Рейнике связывается с кем-то по телефону, просит принять их двоих и ведет Гаузнера на этаж, где, как помнит комиссар, располагаются кабинеты руководителей РСХА.

— Поправьте пояс,— вполголоса говорит штандартенфюрер, и они входят в просторную приемную.

Ждать им приходится совсем недолго, не больше минуты. Адъютант, словно восковая кукла, замерший за столиком, вскакивает на сигнал зуммера и приоткрывает отделанную полированным орехом дверь.

Гаузнер, подобравшись, переступает порог. Вскидывает руку:

— Хайль Гитлер!

— Входите, господа...

Гаузнер упирается взглядом в верхнюю пуговицу мундира хозяина кабинета, затем осторожно скашивает глаз на его правое плечо с погоном бригадефюрера. На сердце у него становится легко; он уже знает, с кем имеет дело — с Вальтером Шелленбергом, и радуется, ибо отсюда опасность пока не грозит. Но вот вопрос: что нужно начальнику Управления-VI от чиновника гестапо? Зарубежную разведку и тайную полицию разделяет служебная стена... Если бригадефюрер станет спрашивать, надо ли отвечать?

Шелленберг выходит из-за стола.

— Присаживайтесь, господа... Что нового в Мюнхене, дорогой Рейнике? Когда вы вернулись?

— Только вчера, бригадефюрер.

— Со щитом?

— Скорее, на щите!

— Вы слишком многого хотите сразу, мой милый. Терпение, и они заговорят.

— Благодарю, бригадефюрер!.. Я как раз потому и позвонил вам, что комиссар Гаузнер имеет к этому отношение.

«К чему? — Гаузнер обращается в слух.— Осторожно, Фридрих,— говорит он себе.— Ни слова лишнего!»

Шелленберг приветливо улыбается.

— Я помню трио — Модель, Шустер, Гаузнер. Чем вы хотите порадовать нас, комиссар?

— Простите, бригадефюрер... в каком смысле?

— В отношении ПТХ.

— Бригадефюрер извинит меня, но я... Не лучше ли выяснить все через обергруппенфюрера?

— Через Мюллера?

Шелленберг уже не улыбается.

— Предпочитаю информацию из первых рук. Что вас смущает, Гаузнер? Не прикажете ли тянуть вас за язык?

Гаузнер мгновение борется с собой. Решается. Голос его звучит твердо.

— Обергруппенфюрер будет недоволен.

— О, пустяки!.. Я хочу сказать, что его неудовольствие может показаться вам пустяками в сравнении с неудовольствием рейхсфюрера!.. Слушайте, Гаузнер, и запоминайте: ПТХ занимаюсь я! Я, а не гестапо и абвер.

— Мне это неизвестно.

— Это так, Фридрих,— вмешивается Рейнике.

— Вы слышали?

Гаузнер чувствует себя колоском, попавшим между жерновами. Шелленберг способен растереть его в пыль. К тому же, кто знает, вполне вероятно, что Шелленбергу действительно поручено дело с передатчиками.

Шелленберг кладет ему руку на плечо.

— Садитесь, Гаузнер. Можете курить, если хотите. Покурите и расскажите мне все.

— Бригадефюрер берет на себя ответственность?

Гаузнер прекрасно понимает, что выхода нет. Шелленберг добьется своего. Этот всегда улыбающийся «теневой Гиммлер», по слухам, подкопался под всех — Мюллера, Кальтенбруннера и почти всесильного Канариса. Эту сплетню передают из уха в ухо, и Гаузнер не сомневается в ее достоверности.

— Ну вот и прекрасно,— говорит Шелленберг, выслушав доклад.— Что же предложил Шустер — от периферии к центру? Мысль недурна. Канарис знает о ней?

— Не думаю,— говорит Гаузнер.— Модель собирался в Берлин не раньше октября.

— Вам нравится Брюссель?

— Отличный город, бригадефюрер!

— Ровно не хуже...

— Ровно?

— Это на Украине,— вмешивается Рейнике.

Шелленберг отрывается от бумаг, переданных Гаузнером, бумаг, которые заключают в себе подробности по делу брюссельской радиогруппы. Улыбка Шелленберга становится почти нежной.

— Самый центр плодородия.

— Я поеду туда? — догадывается Гаузнер.

— Вот именно!

— Но за что?

— Это — повышение, комиссар, награда за заслуги.

Гаузнер находит в себе силы протестовать.

— Я должен буду подать рапорт.

— Не стоит, Фридрих,— говорит Рейнике.— Те два баннфюрера, к сожалению, живы. Один из них — важная шишка в ведомстве рейхслейтера Розенберга, а другой служит в штабе СС. Я знаком с ними обоими и берусь утверждать, что они очень злопамятны.

— А жизнь так прекрасна,— добавляет Шелленберг.— Не стоит ее осложнять... Итак, не смею задерживать вас, комиссар. Подождите в приемной...

Выходя, Гаузнер уже не слышит фразы Шелленберга, подводящей итог его многолетней карьере:

— Согласитесь, Рейнике, для Брюсселя ваш протеже не был находкой!

Гаузнер принимает безразличный вид и усаживается в кресло. Сейчас остается одно — подождать.

Дверь плотно закрыта, и адъютант караулит ее с настороженностью болонки. За ней в эти минуты решается нечто большее, чем карьера комиссара Гаузнера. Речь идет о тайнах, недоступных даже для ответственных чиновников гестапо.

— Поймите меня правильно, Рейнике,— говорит Шелленберг без тени обычной улыбки.— Суть не в лаврах Канариса. Я озабочен делом. Мы попусту дробим силы, и рейхсфюрер согласен со мной в этой части. Когда речь идет о передатчиках «Интеллидженс сервис» во Франции и Голландии, я готов оставить их для абвера. Англичане слишком умны, чтобы рисковать своими асами, они подставляют под обух скороспелую агентуру из самих французов или голландцев... С русскими иначе. Их разведка не тотальна, но работает блестяще. Помните берлинскую группу? Где они только не имели людей — в министерстве авиации, в самом абвере, на Бендлерштрассе, в промышленности. Канарис в конце концов добрался до ядра, но только до него, а не до филиалов!

— Ну, ну, а Мюнхен?

— А сколько осталось? И что известно о них абверу и гестапо?

— При чем здесь гестапо?

— Вот это мило! Ну, а Гаага? Ею занимались вы сами. Чего достиг там ваш Мюллер? Радиогруппа разгромлена, но источники, посредники и руководитель — где они?.. А Марсель, Лилль, Антверпен?

Рейнике спокойно перебивает:

— Добавьте Женеву, бригадефюрер. Ею, кажется, занимаетесь вы?

— И вы тоже!

— Естественно...

— Не будем считаться, Рейнике. Радисты, арестованные в Мюнхене, молчат, и даже вам самому не многое удалось от них получить.

— Что же вы предлагаете?

— Совместную работу.

— А Канарис?

— Ему придется нам помочь. Ничего не поделаешь, об этом ему скажет сам Борман.

— Вы все продумали, бригадефюрер?

— Многое решится на совещании. Я созову всех, кто заинтересован, завтра. Пойдет на это Мюллер?

— Думаю, что да... Но как быть с Гаузнером? Его нельзя так просто взять и передвинуть в Ровно. Что я скажу Мюллеру?

— Это ваша забота. Чтобы заниматься ПТХ, нужен гибкий и умный человек.

— Кого вы имеете в виду? Уж не меня ли?

— Вас. Оставьте за собой отдел и поезжайте. Добейтесь от Мюллера, чтобы он подчинил вам кого следует во Франции и Швейцарии. Мои люди будут вам помогать. Вы займете исключительное положение!

«Да, в случае удачи,— прикидывает Рейнике.— Тогда лавры пополам. А в случае неудачи?..»

— Я подумаю,— говорит он уклончиво.

— Только до завтра; позвоните мне утром. И, кстати, распорядитесь, чтобы нашли книги по списку Гаузнера; ваш аппарат получит их быстрее. Посмотрим, что обнаружат специалисты по шифрам.

— Хорошо! — говорит Рейнике.— Хайль Гитлер!

Он коротко кивает Шелленбергу и выходит в приемную, где вскочивший с кресла Гаузнер смотрит на него с надеждой и нетерпением.

Рейнике похлопывает его по спине.

— Не раскисайте, Фридрих! Больше мужества... Мне удалось отстоять вас. Вы поедете не под Ровно, а в Париж. Правда, не на прежнюю роль, но с вполне самостоятельным заданием.

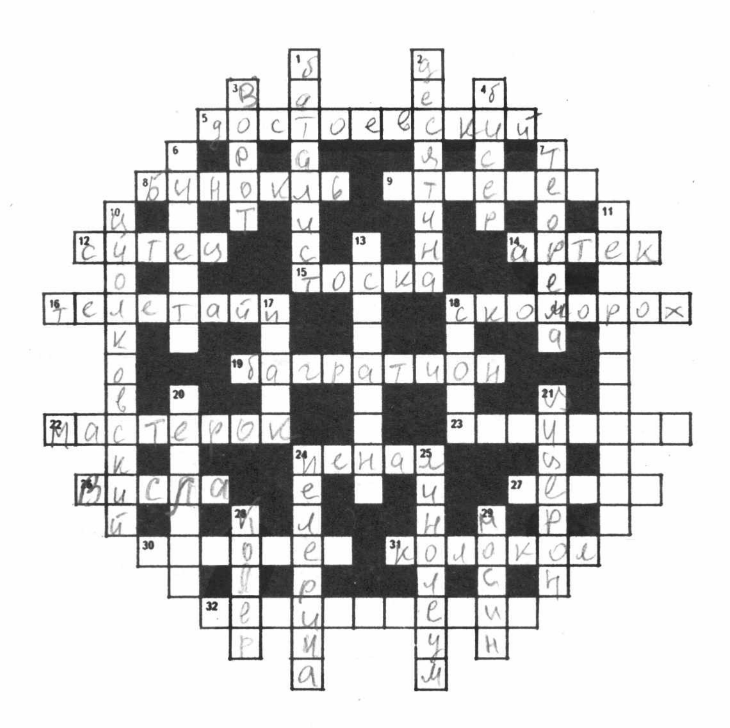
Гаузнер благодарно склоняет лысую голову.

— Я этого не забуду, штандартенфюрер!

— Вот и чудесно. Скоро мы встретимся, и я надеюсь, что вы будете держать меня в курсе всех своих шагов. Пойдемте. У меня вы напишете рапорт о переводе, и на целые сутки Берлин — ваш!

Они покидают приемную, а адъютант выключает микрофон, точнее, сразу два: первый подведен к воспроизводящему запись устройству в кабинете Шелленберга, а второй — к аналогичному приспособлению у обергруппенфюрера Мюллера.

Продолжение следует.



КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский писатель. 8. Оптический прибор. 9. Птица отряда дроф. 12. Хлопчатобумажная ткань. 14. Пионерский лагерь в Крыму. 15. Опера Д. Пуччини. 16. Телеграфный аппарат. 18. Странствующий актер в Древней Руси. 19. Русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года. 22. Инструмент каменщика. 23. Индийский поэт и драматург IV—V веков. 24. Футляр для хранения ручек, карандашей, перьев. 26. Река в Польше. 27. Химический элемент. 30. Кондитерское изделие. 31. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 32. Часть речи.

По вертикали: 1. Художник, работающий над военными сюжетами. 2. Мера земельных площадей, применявшаяся в России. 3. Древнейшая грузоподъемная машина. 4. Стеклянные цветные шарики. 6. Река в Казахстане. 7. Математическое положение, требующее доказательства. 10. Основоположник теории межпланетных полетов. 11. Наука, изучающая горные породы. 13. Областной центр в РСФСР. 17. Немецкий физик. 18. Роман Т. Драйзера. 20. Французский композитор. 21. Оратор Древнего Рима. 24. Женская накидка. 25. Материал для покрытия полов. 28. Цвет краски, оттенок. 29. Русский конструктор огнестрельного оружия.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 4. Баскетбол. 9. Старшина. 10. Микрофон. 11. Руставели. 12. Инвар. 13. Фляга. 15. Спица. 18. Кремона. 19. «Ревизор». 20. Графика. 22. Квадрат. 24. Насос. 25. Груша. 28. Свирь. 29. Корректор. 30. Конспект. 31. Мансарда. 32. Кантилена.

По вертикали: 1. Барнаул. 2. География. 3. Горилла. 5. Оттенок. 6. «Прозаседавшиеся». 7. Новолазаревская. 8. «Кочегар». 14. Тонио. 15. Сазан. 16. Аракс. 17. Аврал. 20. Геродот. 21. Успенский. 23. Торпеда. 26. Домкрат. 27. Комарно.

На первой странице обложки: Хозяин ворот.
Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Прилетели на летнюю квартиру.
Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

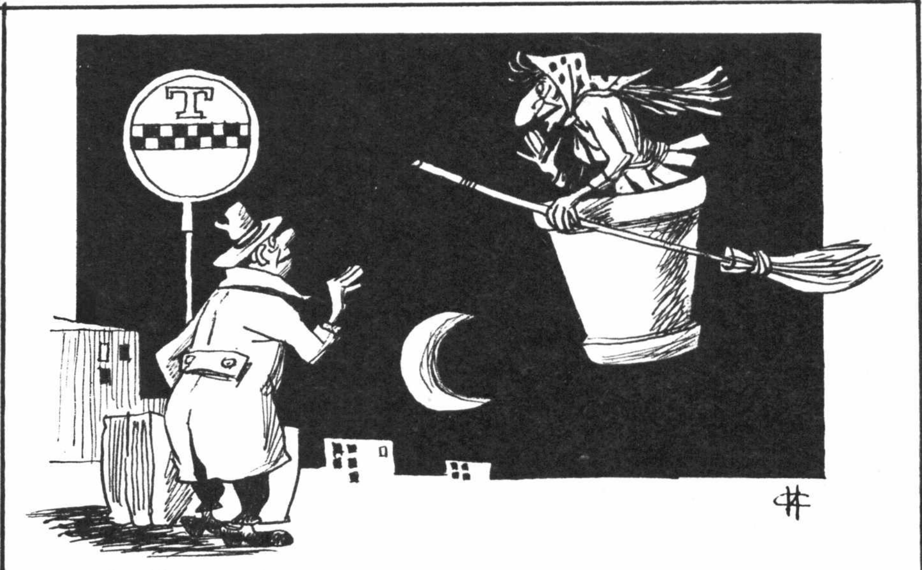
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/V-71 г. А 00558. Подп. к печ. 18/V-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1107. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1281.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.



— Подбросите!..
— Я в гараж!..

— Наконец мы вдвоем!..

Рисунки И. Сычева.

— Спрячь стакан до следующего раза.

Рисунок В. Воеводина.

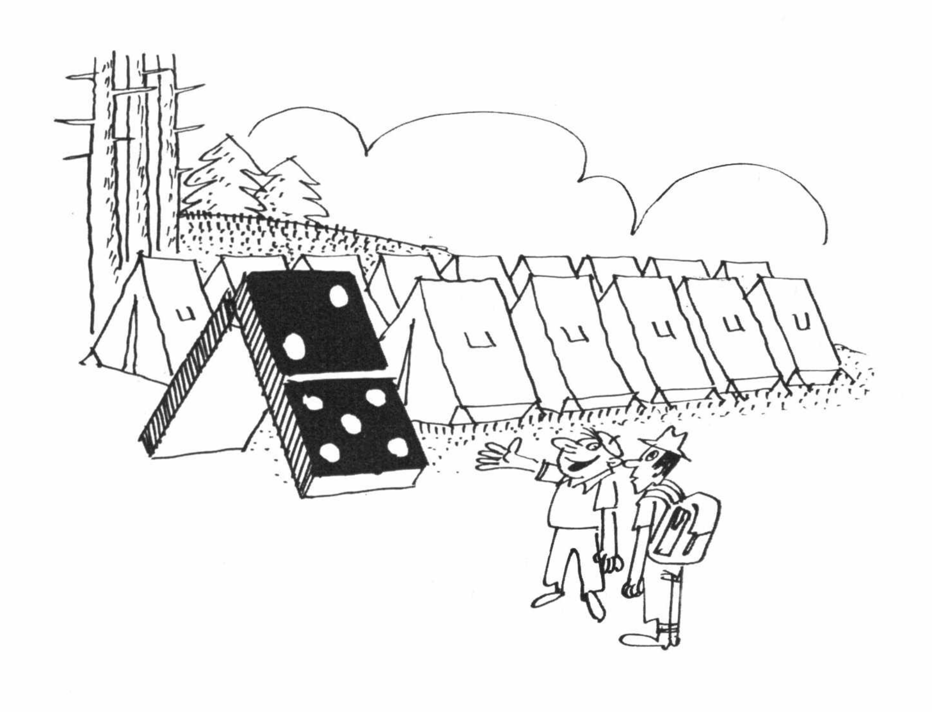
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Место с плацкартой.

Атлант XX века.

— Бензоколонка!!!

— А в этой палатке вы сможете культурно отдохнуть!



Освежающий напиток.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.